This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

А 868,369

В. И. Немировичъ-Данченко

Бубны Козыря

Изданіе
Ф. А. Богансона.

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Бубны-козыри!

Nemirovich-Danchenko, Vasili ii !..

ВАС. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

БУБНЫ-КОЗЫРИ!

РОМАНЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ Ф. А. ІОГАНСОНА.

1894.

2208

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

61-211266

I.

Альбертъ Вильгельмовичъ Лаубе, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, былъ человѣкомъ крупныхъ цифръ и еще болѣе крупныхъ вожделѣній. Ребенкомъ, сидя на школьной скамьѣ, онъ отъ нечего дѣлать писалъ единицы съ такимъ количествомъ нулей, какое допускалъ листокъ попавшей ему подъ-руку бумаги. Въ то время, какъ его товарищи, играя въ солдатики, въ моряки, стройно шагали подъ маршъ, наигрывавшійся на губахъ кѣмъ-либо изъ нихъ же, или спускали берестяные кораблики на воду—маленькій Лаубе заставлялъ уголъ отцовской залы табуретами, собиралъ туда всѣхъ братьевъ, а самъ принималъ необыкновенно дѣловой видъ и, засунувъ руки въ карманы, любовался чорной доской, на которой съ каллиграфическою правильностью было изображено: «Банкирскій домъ Августа

Лаубе и его племянника Альберта». Дѣло въ томъ, что его дядя Августъ, дѣйствительно, имѣлъ банкирскую контору въ Москвѣ, но обанкрутился. Тѣмъ не менѣе, это время въ семейныхъ преданіяхъ осталось навсегда легендарнымъ, придавая всѣмъ Лаубе отблескъ какого-то величія. Августъ, хотя и разорившійся, имѣлъ обыкновеніе бриться начисто, оттопыривать нижнюю губу и по поводу всякаго недоразумѣнія гордо произносить: «въ банкѣ Августа Лаубе это не допускалось». Нуждаясь въ жалкихъ грошахъ и щеголяя въ вытертомъ до послѣдней степени сюртукѣ, онъ мечталъ не иначе, какъ о милліонахъ, и внушалъ то же самое племяннику. Вильгельмъ Лаубе, скромный провизоръ ревельской аптеки, возвращаясь вечеромъ домой, вмѣстѣ съ запахомъ сильно пахучихъ медикаментовъ, вносилъ съ собою «культъ милліоновъ» и неизмѣнно каждую бесѣду начиналъ словами: «когда у брата Августа былъ въ Москвѣ банкирскій домъ...» Вылинявшая, какъ сто разъ стиранный ситецъ, Амалія Лаубе — мать Альберта, сухая, какъ треска, и безцвѣтная, какъ лѣтняя сѣверная ночь — распивая кофе со своими сосѣдками, тоже неизмѣнно обращалась къ воспоминаніямъ о банкирской конторѣ своего шурина. «О, вы знаете, это было тогда, когда нашъ Августъ имѣлъ свой банкирскій домъ

въ Москвѣ и черезъ его руки проходили милліоны...» Августъ посему вѣчно находился въ ореолѣ, отражавшемся отчасти и на всѣхъ его присныхъ. Изъ сихъ послѣднихъ особенною любовью его пользовался маленькій Альбертъ— во-первыхъ, за дѣловитость, а во-вторыхъ, за то, что при одномъ словѣ «банкъ» у того болѣло подъ ложечкой и глаза въ самомъ раннемъ возрастѣ принимали сладострастное выраженіе. Августъ обыкновенно въ эти минуты клалъ свою громадную и сухую руку на голову Альберта, какъ будто своими цѣпкими и узловатыми пальцами ощупывалъ черепъ испытуемаго имъ мальчика, и, вдохновенно обращаясь къ его матери, пророчески произносилъ: «Вы знаете, Амалія,— этотъ сдѣлаетъ карьеру. Онъ съумѣетъ во-время остановиться!.. Да, онъ съумѣетъ во-время остановиться и у него будетъ настоящій милліонъ... Альбертъ замиралъ — а его мать Амалія благодарно смотрѣла на великаго дядю и, вынувъ платокъ изъ кармана, вытирала слезы, навертывавшіяся у нея на глазахъ отъ полноты родительскихъ чувствъ. Альбертъ зажмуривался, точно въ священномъ ужасѣ выслушивая предсказанія дяди. Тотъ, наконецъ, освобождалъ его голову отъ френологическихъ изслѣдованій и, неизмѣнно проговоривъ: «Смотри же, умѣй во-время остановиться», оттопыривалъ губу и погружался въ

мистическое безмолвіе съ такимъ видомъ, смотря самъ на себя въ противоположное зеркало, точно онъ изумлялся: неужели земля дѣйствительно удостоилась столь неизмѣримаго счастія, какъ существованіе на ней экс-банкира Августа Лаубе?.. Маленькій Альбертъ долго ломалъ голову надъ тѣмъ, что́ значитъ «умѣй во время остановиться!» и, наконецъ, пришелъ къ счастливому разъясненію этого загадочнаго вопроса. Разъ у его мама́ вырвалась фраза: «Вы знаете, братецъ Августъ, банкиръ Зейдель бѣжалъ изъ Петербурга и увезъ цѣлый милліонъ!» При этомъ на ея лицѣ отразилось восторженное просвѣтлѣніе. Братецъ Августъ вытянулся во весь свой ростъ и приподнялъ руки, какъ будто издали заочно благословляя счастливаго Зейделя. Вечеромъ — папа́ Вильгельмъ, явившись изъ своей аптеки съ пузырьками сироповъ для своей жены и свертками дѣвичьей кожи для дѣтей, узнавъ объ «удачѣ» Зейделя, произнесъ: «О, да это настоящій человѣкъ!..» Въ ту же минуту, прожевывая дѣвичью кожу, Альбертъ рѣшилъ, что «съумѣй во-время остановиться» значитъ — «цапни милліонъ и бѣги къ антиподамъ». Характеръ его игръ съ тѣхъ поръ измѣнился. Онъ уже не только за табуретами открывалъ банкирскую контору, гдѣ роль ассигнацій играли бутылочные этикеты и правильно на-

рѣзанные четыреугольники газетной бумаги, но въ концѣ-концовъ обыкновенно захватывалъ эти пачки, совалъ ихъ въ карманы и съ восторженнымъ видомъ летѣлъ съ ними на улицу, съ улицы въ другую, съ другой въ третью, куда-нибудь за городъ въ ровъ, причемъ его братья должны были, въ качествѣ полиціи, жандармовъ, кредиторовъ, ловить его и выслѣживать. Когда ему удавалось спрятаться отъ нихъ, онъ зарывалъ пачки газетной бумаги въ землю и какъ ни въ чемъ не бывало возвращался назадъ и на мѣстѣ старой вывѣски надъ табуретами вѣшалъ новую: «За отбытіемъ Августа Лаубе, банкирскій домъ его принялъ въ свое завѣдываніе Альбертъ Лаубе». Альбертъ Лаубе бѣжалъ тоже на другой день, и на мѣстѣ лопнувшаго, такимъ образомъ, Альберта водворялся братъ его Карлъ. Такъ это и шло включительно до старой и кривоногой собаченки Шнуцхенъ, которая по тупости своей никакъ не могла понять необходимость бѣгства, за что маленькій Альбертъ жестоко дралъ ее за уши и билъ линейкой.

Нельзя сказать, чтобы эксперименты Альберта Лаубе всегда сходили ему съ рукъ даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, судьба какъ будто заранѣе хотѣла его пріучить обнаруживать твердость въ бѣдствіяхъ и стойкость въ испытаніяхъ. Въ самый блестящій періодъ его опе-

рацій таковыя бѣдствія и испытанія постигли его въ полной мѣрѣ. Собравъ всѣ свои дѣйствительные капиталы, онъ увѣрилъ товарищей по школѣ, что всякій, кто принесетъ ему двадцать копѣекъ — черезъ два дня получитъ четвертакъ. Два-три человѣка повѣрили ему и принесли двугривенные. Онъ со святою честностью вручилъ имъ въ законный срокъ по двадцати-пяти копѣекъ. Это взволновало всю школу, и вдругъ вся эта мелюзга полѣзла къ Лаубе со своими деньгами. Умный мальчикъ Альбертъ собралъ, такимъ образомъ, около десяти рублей. Когда дня черезъ два къ нему явились товарищи за своими вкладами и прося проценты на оные—Августъ преспокойно объявилъ имъ, что вслѣдствіе неблагопріятныхъ операцій на берлинской биржѣ, банкъ его лопнулъ и прекратилъ платежи. Вкладчики оцѣпенѣли; но только что онъ, засунувъ руки въ карманы, величественно обратился къ брату своему Карлу, приказывая ему: «подай мнѣ мой гроссъ-бухъ!»—какъ тѣ остервенѣло кинулись на ловкаго банкира, «съумѣвшаго остановиться во-время», и стали распоряжаться его тѣломъ, какъ своею законною добычей. Счастливый капиталистъ закричалъ, и на помощь ему прибѣжала изъ кухни Амалія... На другой день въ школѣ слѣдовало продолженіе. Вкладчики никакъ не могли понять, что по всѣмъ правиламъ

банкирской практики такъ это и слѣдуетъ. Напрасно Августъ клятвенно увѣрялъ ихъ въ этомъ—ему цѣлый мѣсяцъ пришлось не выходить изъ синяковъ. Но грубая и ничего не понимающая толпа невѣждъ не одолѣла его стойкости. Мало-по-малу они успокоились, а Альбертъ сдѣлался, такимъ образомъ, законнымъ обладателемъ десяти рублей. Надо отдать ему справедливость: онъ очень любилъ шмандъ-кухены, но не увлекся возможностью наѣсться ими до отвалу. Напротивъ, когда всѣ примирились съ своими потерями—въ классѣ вдругъ появилось объявленіе: «Временно пошатнувшійся банкирскій домъ Альберта Лаубе вновь открываетъ свои операціи». Его вздули опять. Стоически выдержавъ лупку, маленькій Альбертъ объявилъ, что теперь операціи его банкирскаго дома будутъ совершенно отличны отъ первыхъ. Онъ явится, такъ-сказать, ломбардомъ для школы. Всѣ и всякъ ему можетъ заложить и подъ заложенное получитъ настоящія деньги. При семъ на аккуратно разграфленномъ листѣ бумаги явилась даже таблица, выполненная въ каллиграфическомъ отношеніи такъ блистательно, что старикъ учитель чистописанія прослезился, поцѣловалъ Альберта и предсказалъ ему счастливую будущность. Въ таблицѣ значились всѣ предметы, имѣющіе школьное обращеніе, и ссуды, которыя домъ Альберта вы-

даетъ подъ нихъ. Такимъ образомъ, оказывалось, что подъ карандашъ сибирскаго графита Альбертъ выдаетъ четыре копѣйки, подъ фаберовскій — двѣ, подъ десть бумаги голландской—десять копѣекъ, простой—пять... Мальчики могли закладывать и свои учебники. Одинъ принесъ старые штанишки и получилъ подъ нихъ полтинникъ... Такимъ образомъ, банкирскій домъ Альберта Лаубе процвѣталъ и росъ до тѣхъ поръ, пока родители обобранныхъ дѣтей не принесли жалобы начальнику школы. Надо отдать справедливость послѣднему: онъ распорядился энергично. Къ крайнему изумленію и негодованію родителей Альберта и его почтеннаго дяди—мальчика выгнали, заставивъ его предварительно вернуть «учебники». На остальное махнули рукою. Тѣмъ не менѣе у предпріимчиваго отрока, вмѣсто десяти, оказался уже капиталъ въ пятьдесятъ рублей. Чтобы утѣшить его въ постигшемъ несчастіи, мамаша закормила юнаго банкира пирожными, ужасно жирными и нестерпимо мучными. Но черезъ два дня и она призадумалась. Отецъ ушелъ въ аптеку и взялъ всѣ наличныя деньги. Ей на что-то понадобился полтинникъ. Она хотѣла взять у Альберта, но тотъ съ дѣловымъ видомъ заложилъ руки въ карманы и освѣдомился: «А какой залогъ ты дашь мнѣ, мама, и притомъ ты знаешь мои условія—за каждый

день — десять процентовъ». Мать думала, что онъ шутитъ и хотѣла взять даже сама. Но деньги у него оказались припрятанными столь искусно, что никакому сыщику не удалось-бы ихъ найти. Пришлось матери оставить залогъ— свой носовой платокъ съ кружевами (простой Альбертъ отказался принять). Это было вечеромъ разсказано отцу. Тотъ задумался и потомъ пошелъ-было въ садъ отрѣзать вѣтку отъ березы, чтобы отодрать Альберта, но, къ счастію мальчика, явился дядя Августъ. Когда ему сообщили о подвигѣ племянника, онъ остановилъ брата: «Не тронь его!.. Развѣ ты не видишь, что въ немъ говоритъ призваніе!..» А послѣ, когда мальчикъ ушелъ спать, Августъ Лаубе торжественно поздравилъ брата: «Ну, Вильгельмъ, ты счастливецъ, у него навѣрное будетъ милліонъ!..» На этомъ родители Лаубе и успокоились.

Когда Лаубе выросъ, Августъ черезъ старыхъ знакомыхъ опредѣлилъ его въ банкирскую контору Эдуарда Поппе. Пятьдесятъ рублей отроческихъ къ тому времени уже обратились въ тысячу, которую наученный опытомъ Альбертъ хранилъ въ тайнѣ. Въ Петербургѣ онъ не растерялся. Эдуардъ Поппе, присматривавшійся къ нему на первыхъ порахъ, скоро сталъ его приводить примѣромъ всѣмъ остальнымъ конторщикамъ. «Вотъ,—говорилъ онъ,—

много обѣщающій молодой человѣкъ... У него никакихъ страстей. Не пьетъ, не куритъ, въ карты не играетъ... А женщины...» И Поппе задумывался. Въ свое время онъ былъ большой ловецъ ихъ передъ Господомъ, и теперь старому Немвроду казалось очень непохвальнымъ равнодушіе, обнаруживаемое къ нимъ Лаубе. Почему, поразмысливъ, онъ обыкновенно оканчивалъ: «ну, разумѣется, у каждаго есть свои недостатки,—и солнце не безъ пятенъ!» Самъ Альбертъ, когда его спрашивали по этому щекотливому предмету, отвѣчалъ: «О, я очень люблю хорошихъ дѣвицъ, особенно ежели у нихъ есть приданое въ вѣрныхъ процентныхъ бумагахъ или въ домахъ, нигдѣ не заложенныхъ... Но онѣ на меня пока не обращаютъ вниманія». Что касается до увлеченій, то онъ рѣшилъ позволить себѣ таковыя, когда у него будетъ отложено десять тысячъ. Въ эту счастливую пору молодости, Альбертъ Вильгельмовичъ, подражая своему дядѣ, уже выучился носить необыкновенно узкіе панталоны, отчего и безъ того тоненькія ножки его казались совсѣмъ паутинными, оттопыривалъ губы, на которыхъ у него росъ какой-то птичій пухъ, а не усы и борода. Уши у него были совсѣмъ банкирскія, то-есть какъ ручки у котла, хотя ни одного еврея въ роду его не было — иначе такая помѣсь внесла бы непремѣнно нѣкото-

рую поэтическую страстность и вдохновеніе въ эту невозмутимую натуру. Лаубе былъ до того тощъ, что товарищи острили:

— У Альберта есть только профиль — en face у него видны одни уши и ничего больше.

Лаубе при всѣхъ этихъ качествахъ былъ бѣлобрысъ, такъ что на первыхъ порахъ нельзя было замѣтить — украшенъ его черепъ шевелюрой или онъ лысъ. Глаза оказывались безцвѣтными, такъ что внимательно всматривавшіеся въ него люди замѣчали рыжія рѣсницы, но не видѣли глазъ. Худое лицо — какъ въ собачьей старости — было все въ морщинахъ. Тѣмъ не менѣе, Августъ самъ себя считалъ нелишеннымъ нѣкоторой привлекательности и одѣвался непремѣнно у хорошихъ портныхъ. Платье на немъ сидѣло какъ облитое. Онъ питалъ слабость къ наваченнымъ плечамъ и груди. Говоря съ кліентами банка, онъ поднимался на цыпочки и не упускалъ случая выразить имъ свое презрѣніе, для чего поворачивался къ нимъ бокомъ. Онъ дѣлалъ единственное исключеніе при этомъ только счастливцамъ, носившимъ остзейскія фамиліи. Нашъ разсказъ застаетъ его уже двадцатипятилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ. Онъ только-что закончилъ свою дѣятельность на этотъ день и, стоя у конторки палисандроваго дерева, засмотрѣлся на улицу. Зимній день сегодня

былъ ярокъ и морозенъ. Мимо оконъ банкирскаго дома Эдуарда Поппе неслись рысаки, коляски и обдерганныя сани извозчиковъ. Вся противоположная сторона Невскаго проспекта была подъ солнцемъ. Весело горѣли оттуда позолоченныя вывѣски, снѣгъ искрился—ночью его выпало много и за день онъ не успѣлъ еще принять обычнаго шоколаднаго цвѣта. Товары, разложенные въ зеркальныхъ окнахъ магазиновъ, дразнили взглядъ. Но не ихъ видѣлъ Альбертъ Вильгельмовичъ. Онъ не замѣчалъ ни красивыхъ, ни уродливыхъ лицъ, мелькавшихъ мимо... Голова его была занята совершенно другимъ.

— Альбертъ, ты гдѣ сегодня обѣдаешь? У Лейнера?—обратился къ нему такой же бѣлобрысый нѣмецъ—рядомъ.

— О, нѣтъ. Сегодня четвергъ... Сегодня мнѣ обѣдъ не будетъ стоить ни копейки. Четвергъ и воскресенье я у тетушки. Можетъ быть, вечеромъ я зайду выпить кружку пива.. Если ты угостишь меня!—благоразумно прибавилъ Лаубе.

Тотъ засмѣялся:

— А если я не угощу?..

— Ну, тогда я выпью шнитъ!—и онъ опять, погруженный въ задумчивость, уже не обращалъ никакого вниманія на товарища.

— Твоя тетушка молода еще?—спросилъ тотъ. Очевидно, ему надоѣло молчать.

— Сто-двадцать семь тысячъ рублей...—ни съ того ни съ сего отвѣтилъ вслухъ Альбертъ,— цифра, о которой онъ думалъ въ эту минуту.

— Что?..—повторилъ сосѣдъ, съ недоумѣніемъ всматриваясь въ Лаубе.

— Ахъ, я воображалъ, что тебѣ интересно: богата-ли она... Молода... нѣтъ, кажется не молода... я право мало интересовался этимъ вопросомъ. Впрочемъ, она младшая... Мой отецъ старше ея на двадцать лѣтъ... Значитъ ей сорокъ.

— Жаль! — усмѣхнулся собесѣдникъ. — Жаль, Альбертъ. Очень жаль!

— Чего тебѣ жаль?..

— Еслибы она была молода... И еслибы ваше родство не оказывалось такъ близко, ты бы могъ жениться на ней!

— И получить сто-двадцать семь тысячъ въ вѣрныхъ пятипроцентныхъ бумагахъ! — со вздохомъ заключилъ Лаубе, но тотчасъ же съ дѣловымъ видомъ возразилъ: — сорокъ лѣтъ? развѣ это старость. О, въ сорокъ лѣтъ многія дѣвицы у насъ выходятъ замужъ, особенно ежели у нихъ есть вѣрныя пятипроцентныя бумаги... Ты подумай, Кенигъ, вѣдь съ сто-двадцатью-семью тысячами можно сейчасъ открыть свою банкирскую контору.

— Очень нужно! Мало ихъ—и то прогораютъ.

— Прогораютъ конторы, но богатѣютъ банкиры и потомъ всю свою жизнь благословляютъ судьбу,—какъ-то загадочно заключилъ Лаубе и мечтательно заглядѣлся опять въ окно.

— Я тебя не понимаю.

— Дуракъ, потому и не понимаешь.

— А ты объясни—умный человѣкъ!.. (Надъ Лаубе здѣсь такъ много насмѣхались, что никто на него серьезно не обижался). А ты объясни!—приставалъ къ нему Кенигъ.

— Что объяснять!.. Все равно тебѣ это напрасно. Когда-нибудь узнаешь!

А самъ Альбертъ Лаубе въ это самое время, засмотрѣвшись на противоположную сторону Невскаго, мечталъ: «какъ хорошо-бы именно вотъ въ этомъ углу—вывѣсить золотомъ по черному: «Банкирскій домъ Альберта Лаубе! Продажа выигрышныхъ билетовъ въ разсрочку и прочія операціи»... И мысль его лихорадочно работала въ этомъ направленіи; онъ уже видѣлъ себя подъѣзжающимъ къ своему банку «на гуттаперчевыхъ шинахъ». Всѣ конторщики при его входѣ подымаются и отвѣшиваютъ ему почтительные поклоны, которыхъ онъ не замѣчаетъ проходя. На скамьяхъ у стѣнъ и въ креслахъ сидятъ вкладчики и у всѣхъ большіе портфели съ деньгами... Деньги эти сейчасъ же перейдутъ къ нему, за тѣ вотъ рѣшотки, гдѣ артельщики въ поту сморились и все-таки

не успѣваютъ считать. И всѣ они только принимаютъ, только принимаютъ—и никто ничего не выдаетъ... Въ кассахъ его на счету милліоны... А тамъ... А тамъ моментъ, когда «надо остановиться во-время». Лови этотъ моментъ, счастливый Альбертъ Вильгельмовичъ. Не прозѣвай его! Еще—минута и будетъ поздно... И онъ ловитъ, ловитъ... Онъ не опоздаетъ ни на минуту... А потомъ... Позади туманъ, нѣчто вродѣ «мрака временъ», гдѣ «ничего въ волнахъ не видно», а впереди новое существованіе, счастливое, ясное... съ милліонами, гдѣ-нибудь далеко, далеко... Такъ далеко, что кругомъ и люди, и природа будутъ новые, совсѣмъ новые... Гдѣ-нибудь за океаномъ...

— Господинъ Лаубе!—Онъ вздрогнулъ и оглянулся. Такъ неожиданно изъ яркаго міра блестящихъ мечтаній чей-то голосъ низводилъ его въ прозу и потемки земли! Оглянулся недовольный: еще бы, за мгновеніе онъ былъ такъ счастливъ!

— А... Господинъ Федоровъ... Вы это... Ну, что? Готово все?.. Я ждалъ васъ!

— Все исполнено... Я въ аккуратѣ. Вотъ списокъ... А вотъ ихъ собственноручная записка.

— Ну... Я вами очень доволенъ... Очень доволенъ... Вотъ условленное... Получите... Очень, очень вамъ благодаренъ.

Когда вытертый и вылинявшій Федоровъ исчезъ, Лаубе сзади еще разъ послѣ этого назамѣтно и радостно улыбнулся... Ему хотѣлось даже запѣть, заплясать—вообще выкинуть что-нибудь необыкновенное. И онъ съ радостнымъ волненіемъ обратился къ товарищу, даже по плечу его хлопнулъ.

— Ну, Кенигъ! Сегодня не ты меня—а я тебя угощаю... Одну кружку баварскаго пива у Лейнера,—спохватился онъ поправить, чтобы слово «угощаю» не было слишкомъ широко понято и принято тѣмъ.—Въ десять часовъ вечера я тамъ буду... И ты можешь пить мою кружку пива.

Когда контору закрыли, было уже шесть часовъ. У тетки обѣдали черезъ часъ. Лаубе рѣшилъ-было поѣхать къ ней въ конкѣ, но вскочивъ въ нее, вдругъ раздумалъ и соскочилъ на другую сторону. Чѣмъ платить пять копеекъ, лучше пройти по Невскому... Въ это время возвращается домой очень много богатыхъ людей—пріятно приподнять шляпу и, въ свою очередь, получить отвѣтный поклонъ отъ того или другого финансоваго генія. Пускай они его не знаютъ—это все равно. Сегодня поклонятся, какъ незнакомому, завтра тоже—а послѣзавтра при этомъ улыбнутся весьма привѣтливо и про себя станутъ думать: «гдѣ я встрѣчалъ и познакомился съ этимъ пріят-

нымъ молодымъ человѣкомъ?..» Смотришь—придется гдѣ-нибудь столкнуться—финансовый геній подойдетъ и самъ заговоритъ съ нимъ и другіе будутъ это видѣть и станутъ завидовать счастливому Альберту Вильгельмовичу, а это, какъ хотите, очень лестно для конторщика, получающаго 800 р. жалованья... Можетъ быть его патронъ, Эдуардъ Поппе, замѣтитъ это и спроситъ:—Вы давно, г. Лаубе, знакомы съ Юнкеромъ?... «О давно!»—коротко отвѣтитъ Лаубе; какъ будто онъ такъ привыкъ къ этому и не придаетъ подобнымъ мелочамъ никакого значенія... И Лаубе, дѣйствительно, пошелъ по Невскому, старательно вытягивая свои паутинныя ножки и вѣжливо кланяясь направо и налѣво. Если ему не отвѣчали на поклонъ—онъ весело улыбался, и всякій прохожій такъ и зналъ: «смѣется-де тому, что пріятель не замѣтилъ его!» Когда ему возвращали поклонъ—онъ приподымалъ шляпу еще разъ, и этимъ благодарилъ за вниманіе и вѣжливость... Остановясь у конторы Клима, онъ внимательно прочелъ выставленныя таблицы курсовъ и бумагъ. Пускай-де всѣ видятъ, что онъ интересуется этимъ,—и когда пошелъ дальше—на лицѣ его было озабоченное выраженіе, точно онъ про себя что-то разсчитывалъ, прикидывалъ въ умѣ цифры, слагалъ ихъ, вычиталъ, множилъ, дѣлилъ и

подводилъ итоги. Наконецъ, невѣдомо для чего, онъ даже вынулъ записную книжку и помѣтилъ въ нее что-то... «Сто двадцать семь тысячъ... Какъ жаль, что она моя тетка... Сто двадцать семь тысячъ! для начала это бы недурно... И женщина она еще сохранившаяся. Правда, волосы сѣдые, но это при ея приданомъ даетъ ей такой почтенный видъ», мѣшалось въ его головѣ по мѣрѣ того, какъ онъ ближе и ближе подходилъ къ дому, въ которомъ жила его тетка. «Да, жаль, жаль... И потомъ этотъ офицеръ...»

Выраженіе непримиримой вражды отразилось на его лицѣ.

«Да, этотъ офицеръ!... Ну, впрочемъ, теперь онъ будетъ разоблаченъ и разоблаченъ вполнѣ. Онъ увидитъ, что́ значитъ бороться съ Альбертомъ Лаубе, и она тоже убѣдится, насколько я ей преданъ и какъ я храню ея интересы, какъ вѣрная собака. О, еслибы только у нея была не женская голова. Еслибы она понимала цифры!..».

И Альбертъ Лаубе, быстро пройдя небольшой дворъ громаднаго дома, взбѣжалъ по темной лѣстницѣ и позвонилъ у двери, аккуратно обитой, хотя дешевой, но свѣжей клеенкой.

Бѣлобрысая чухонка отворила ему.

— Какъ вожделѣнное здоровье моей поч-

тенной тетушки? — нарочно громко спросилъ онъ, чтобы въ залѣ его слышали.

— Ахъ, это ты Альбертъ! — почла долгомъ вскрикнуть оттуда тетушка.

Хотя онъ постоянно бывалъ у нея по четвергамъ часъ въ часъ и минута въ минуту, но она неизмѣнно встрѣчала его этимъ восклицаніемъ, на что онъ такъ-же неизмѣнно отвѣчалъ ей, цѣлуя руку:

— Да, тетя Анхенъ, благодаря моему Создателю, это я, вашъ любящій племянникъ...

Потомъ съ хорошо разыграннымъ удивленіемъ, дѣлая два шага назадъ, онъ съ тѣмъ же разъ навсегда утвержденнымъ жестомъ изумленія говорилъ:

— Боже мой, тетя, какъ вы еще молоды и прекрасны!.. И какъ жаль, что природа создала васъ сестрою моего отца!..

И, быстро наклонившись, еще разъ цѣловалъ ей руку и отходилъ прочь.

II.

Продѣлывая все это, онъ показывалъ видъ, что не замѣчаетъ около молодцоватаго офицера, съ сильно нафабренными усами, красиво закрученными вверхъ, и легкою лысиною на головѣ. Офицеръ былъ еще штабсъ-капи-

таномъ и въ столь маломъ чинѣ уже ухитрился попасть подъ бандероль, т.-е. получить перекладину черезъ погонъ. Матвѣй Львовичъ Кутяпко—изъ хохловъ, попалъ въ запасъ за какую-то исторію. Его не хотѣли уволить изъ службы прямо и онъ теперь прикомандировался къ Аннѣ Вильгельмовнѣ Лаубе, существуя на ея иждивеніи и въ цѣломъ мірѣ душевно ненавидя только одного ея племянника.

— Ото вже-жъ, погубитъ меня этотъ нѣмецкій прыщъ!—живописалъ онъ своему пріятелю и родичу, жившему съ нимъ вмѣстѣ.

— А ты бы его согнавъ?..

— Сгонишь... Онъ, братику, безъ мыла во всякое мѣсто влѣзти можетъ... Не то, что мы...

Сегодня зато Альбертъ Вильгельмовичъ вдругъ оказался необыкновенно любезнымъ съ Кутяпкой.

Онъ не только замѣтилъ его, но, нащупавъ что-то въ своемъ боковомъ карманѣ, великодушно протянулъ ему руку.

Матвѣй Львовичъ, опомнясь, взялъ руку Лаубе и не зналъ, что̀ съ нею дѣлать, до тѣхъ поръ, пока тотъ ее не высвободилъ самъ... «Неправда ли, какая сегодня прекрасная погода?»—спросилъ его Альбертъ. Тотъ въ знакъ согласія щелкнулъ шпорами. «И какъ пріятно людямъ столь же прекрасную ясность сознавать въ своей душѣ», нравоучительно выразился

Лаубе и еще разъ улыбнулся загадочно... Потомъ онъ осторожно снялъ пылинку съ мундира офицера и сдунулъ ее съ своего пальца... И въ тотъ самый моментъ, какъ чухонка доложила, что супъ на столѣ, Альбертъ Вильгельмовичъ подлетѣлъ къ тетѣ Анхенъ, подалъ ей локоть и, прижимая ея руку сильно къ своему боку, повелъ ее въ маленькую столовую съ деревянными зайцами на стѣнахъ и олеографическими кистями винограда, перемѣшанными со всякою живностью...

— Я очень рада видѣть тебя въ столь пріятномъ состояніи духа!—замѣтила тетка.

— У кого совѣсть чиста (взглянувъ въ сторону Кутяпки) и кто въ этотъ день сдѣлалъ хорошее дѣло, тотъ не имѣетъ причинъ быть недовольнымъ жизнью и людьми.

— Ты очень хорошо выучился говорить!— похвалила его Анна Вильгельмовна.

Кутяпко сознавалъ, что хорошее расположеніе духа и веселость Лаубе касаются спеціально его интересовъ и, краснѣя, торопясь, глоталъ куски, накладываемые ему старою дѣвою.

— Кушайте, кушайте! — поощряла его Анхенъ...

— Не могу больше!—отваливался тотъ отъ тарелки.

— Почему-же... это нашъ прекрасный нѣ-

мецкій супъ. Мы его ѣдимъ постоянно и потому всѣ мы здоровы.

— Чувствую, но не могу!—щелкалъ тотъ шпорами подъ столомъ.

— Матвѣй Львовичъ просто встревоженъ сегодня!—началъ Лаубе военныя дѣйствія.

— Чѣмъ это?—заинтересовалась Анхенъ.

— Ахъ, тетя... Господинъ штабсъ-капитанъ—не нѣмецъ, а русскій... Поэтому у него есть долги.

— Развѣ у васъ есть долги?—строго спросила его Анхенъ и положила даже ложку.

— О, у Матвѣя Львовича...

— Немного... очень немного—давился тотъ.

— Зачѣмъ же долги?.. Развѣ вамъ мало того, что́ вы получаете?.. — подчеркнула она. — И сколько у васъ долговъ?.. Какіе-нибудь несчастные десятки рублей... И я не понимаю, Альбертъ,—обратилась она къ племяннику, что у тебя за страсть дѣлать всегда исторіи... Ну, какіе могутъ быть долги у Кутяпки?... Еще вчера я сапожнику заплатила...

— У Матвѣя Львовича.. Знаете, танте Анхенъ, я васъ такъ люблю, что лучше будемъ умалчивать объ этомъ.

— Нѣтъ, пожалуйста говори... — ужъ серьезно безпокоилась та.—Говори, что́ ты знаешь. Иначе—я не могу обѣдать.

— Сейчасъ, я только кончу тарелку этого

прекраснаго супа. И, наслаждаясь общимъ смущеніемъ, Лаубе съ аппетитомъ принялся за ложку. Окончивъ тарелку, онъ попросилъ еще. Взволнованная хозяйка заторопилась и чуть не совершила смертнаго грѣха по своему убѣжденію, т.-е. чуть не пролила на скатерть...

— Какіе у васъ еще долги?—приставала она къ Кутяпкѣ, но тотъ только щелкалъ шпорами и думалъ про себя: «ой, лишечко, чую, что зъѣстъ меня нѣмецки прыщъ!..»

— Вы помните, въ прошлый разъ господинъ офицеръ сказалъ, что я лгу на него, ну такъ я у насъ въ конторѣ поручилъ кой кому узнать... И вотъ оказывается... тетя Анхенъ, выпейте холодной воды,—загодя пугалъ онъ ее.—Я хотѣлъ скрыть это отъ васъ, но родственная любовь повелѣваетъ меня спасти заблуждающуюся особу!

Лаубе любилъ быть краснорѣчивымъ и именно «въ русскомъ стилѣ», какъ онъ себя самъ характеризовалъ.

— Ну, ну, что тамъ, что-нибудь...—растерянно роняла та.—Чего еще ты нашелъ...

— У Матвѣя Львовича двадцать тысячъ долгу...

— Двадцать тысячъ!.. О, mein Gott... Откуда... двадцать тысячъ долгу?..

— Позвольте... Кутяпкѣ казалось, что онъ

сейчасъ разлетится на тысячу частей.—Позвольте... Откуда.

— Сейчасъ... Вотъ у меня реестръ... О, я основательно приказалъ справиться... Но, танте Анхенъ, всѣ эти долги можно будетъ покрыть изъ семи тысячъ... потому что господинъ офицеръ выдавалъ двойные векселя и все время, не платя ничего, позволялъ присчитывать новые проценты... Двойные векселя съ тройными процентами.

— Двойные векселя!—всплескивала тетя Анхенъ руками, смотря на Матвѣя Львовича, какъ на страшное чудовище, и ужасаясь тому, что оно присутствуетъ здѣсь, за ея столомъ. —Двойные векселя!.. И какъ такіе люди смѣютъ жить на свѣтѣ!..

— Да, тетя, вы въ простотѣ своей невинной души не знаете, что̀ такое двойные векселя!..

— Позвольте объясниться,—обрѣлъ, наконецъ, даръ слова Кутяпко.—Это еще до того времени, когда я познакомился съ вами... я за товарища ручался .. Помилуйте, у насъ въ полку нельзя было иначе. Они за меня, а я за нихъ. Мы всегда такъ... Честь мундира... Опять же я ни у кого не прошу денегъ на уплату за эти...

— Ни у кого?.. И ни на кого не разсчитываете? Ни на кого?—какъ вампиръ впился въ него Лаубе.

— Да... Своими средствами... — терялся

тотъ.—Благоразумная экономія... у меня есть виды!..

— Знаете, тетя Анхенъ... Я хотѣлъ васъ освободить отъ этого униженія, но нѣкоторые люди до того гнусны, до того безнравственны, что молчать долго было бы преступленіемъ и я долженъ считать себя обязаннымъ показать вамъ еще документъ. Вотъ прочтите его, танте Анхенъ.

Танте Анхенъ дрожащими руками взяла записочку. Она оказалась написанною Кутяпкою.

Злополучный штабсъ-капитанъ увѣдомлялъ своего бывшаго пріятеля, что онъ ему отдастъ свой долгъ, какъ только ему удастся уломать «эту старую дуру Анхенъ, которая глупа, какъ пятка и жадна какъ попадья». Армейское остроуміе Матвѣя Львовича принесло ему ужасные проценты. Анхенъ сначала не повѣрила своимъ глазамъ и прочла еще разъ записку, потомъ она скомкала ее и вмѣстѣ съ салфеткой швырнула въ лицо Кутяпкѣ, послѣ чего замахала руками и ногами и непремѣнно сочла бы долгомъ упасть въ обморокъ, еслибы Альбертъ Вильгельмовичъ не подхватилъ ее на руки, не прыснулъ ей воды на лицо и не увелъ въ другую комнату. Тутъ танте Анхенъ сначала расплакалась, потомъ въ знакъ чувствъ вырвала фальшивый локонъ и осторожно, чтобы не

смять, уложила его на столикъ, потомъ она уставилась выпученными глазами на племянника.

— И кто бы, lieber Albert, могъ подумать, что свѣтъ столь жестокъ, а люди неблагодарны...

— Танте Анхенъ, надо быть готовымъ ко всему.—А самъ, не теряя времени, цѣловалъ ея руки.

— Ты только представь себѣ, что я хотѣла выдти за него замужъ!..

— За него!—И Лаубе всплеснулъ руками:— за него. За этого... Кутяпку!..—съ презрѣніемъ протянулъ онъ.

— О, не обвиняй меня! И танте Анхенъ всплеснула своими толстыми, унизанными перстнями руками.—О, не обвиняй меня!.. Я ужъ писала объ этомъ и Вильгельму, и Августу... И притомъ ты знаешь... военные одѣваются такъ чисто! При томъ же пройтись подъ руку съ военнымъ, когда онъ въ мундирѣ... Я еще когда была экономкой у этого бѣднаго генерала Попачеева, и тогда не могла видѣть равнодушно военныхъ... Ты знаешь, военные одѣваются такъ чисто!.. Генералъ Попачеевъ тоже одѣвался всегда очень чисто!—И Анхенъ мечтательно вздохнула.—Очень, очень чисто. Я ему каждый день подавала свѣжую пару бѣлья утромъ и вечеромъ!

Вспомнивъ «бѣднаго генерала Попачеева, послѣ котораго ей достались сто двадцать-семь

тысячъ рублей!» Анхенъ расплакалась навзрыдъ, повторяя: о, онъ никогда не называлъ меня «крокодилой», напротивъ, совсѣмъ напротивъ, онъ всегда цѣловалъ меня вотъ въ эту самую щеку и говорилъ: «вы самая настоящая алмазъ, Анхенъ!» И потомъ онъ былъ добръ, очень добръ, оставилъ мнѣ все по завѣщанію и всегда одѣвался такъ чисто!..

— Да какъ же, танте Анхенъ, Кутяпка могъ-бы жениться на васъ?

— Какъ... Онъ бы надѣлъ бѣлыя перчатки, парадный мундиръ и въ самой лучшей своей униформѣ сталъ бы на колѣни и сказалъ: Анхенъ, я хочу, чтобы вы были моей...

— Постойте, постойте, танте Анхенъ... Бѣдная женщина, она ничего не знаетъ!—И Альбертъ Лаубе возвелъ очи горѣ.

— Что, что, я не знаю!—затрепетала танте,— что это я не знаю?

— Хорошо, танте Анхенъ, что я у тебя есть... Я не спалъ ночей, тратилъ время днемъ. Мнѣ даже нашъ Поппе давалъ не разъ выговоръ и я все искалъ, все искалъ и наконецъ нашелъ.—Онъ вдругъ принялъ патетическій тонъ.—Нѣтъ! Бѣдная страдалица, нѣтъ. Кутяпка, хоть онъ и одѣвается очень чисто, но онъ не могъ-бы пріѣхать въ своемъ униформѣ и стать на колѣни и просить этой маленькой ручки на всю свою жизнь!—Лаубе незамѣтно

переходилъ на ты. Въ столь торжественную минуту танте Анхенъ не замѣчала этой вольности.

— Отчего не могъ, когда онъ мнѣ обѣщалъ. Ему нужно было только согласіе его отца. Сей престарѣлый отецъ живетъ гдѣ-то въ деревнѣ и Кутяпка проситъ денегъ, чтобы поѣхать къ нему и все устроить.

— Танте Анхенъ—приготовься!.. Танте Анхенъ, твой Кутяпка—подлецъ. Онъ, Кутяпка, уже пять лѣтъ женатъ.

Анхенъ взвизгнула, бросилась къ камину, схватила громадные щипцы и, потрясая ими, какъ Іоанна д'Аркъ мечомъ, кинулась въ столовую. Увы! Мѣсто, занимаемое обыкновенно штабсъ-капитаномъ, было пусто! Надо отдать Кутяпкѣ справедливость, онъ, пока Лаубе переговаривался съ танте Анхенъ, съ прожорливостью удава уничтожилъ все жаркое до тла. На вылизанномъ блюдѣ, посреди застывшаго сала, лежала только большая кость и нѣсколько картофелинъ. Услышавъ, что дѣло принимаетъ роковой оборотъ, штабсъ-капитанъ постыдно бѣжалъ. Чухонка, призванная къ отвѣту, сообщила, что Кутяпка вдругъ выскочилъ изъ-за стола, бросился въ прихожую, кинулъ пальто себѣ на руки, такъ торопился, что уже внизу на лѣстницѣ надѣлъ его, и когда она, Эмма Перкеярви, выбѣжала за нимъ,

онъ уже бренчалъ шпорами у самаго выхода во дворъ.

— Кто бы могъ подумать?!.. онъ одѣвался такъ чисто!..—меланхолически повторяла танте Анхенъ.

Альбертъ Лаубе остался при танте Анхенъ и утѣшалъ ее до вечера, а вечеромъ разнѣжившаяся танте спросила его:—Ты, кажется, говорилъ мнѣ, что тебѣ надо очень немного денегъ и ты сейчасъ-же начнешь свое дѣло?

Лаубе зажмурился, у него засосало въ желудкѣ и мурашки забѣгали по всему тѣлу. Анхенъ даже и не ожидала, когда онъ вдругъ упалъ передъ нею на колѣни и, цѣлуя полы ея платья, умолялъ помочь ему «сдѣлать свой милліонъ»!

—Да, да,—повторяла танте Анхенъ,—нашъ великій Августъ и писалъ, и говорилъ, что рано или поздно, а ты сдѣлаешь свой милліонъ, непремѣнно сдѣлаешь! Сколько же тебѣ надо на первыхъ порахъ, чтобы сдѣлать милліонъ?

— Тетя Анхенъ... Мнѣ надо... всего только пятнадцать тысячъ. Только пятнадцать тысячъ.

— И ты съ ними сдѣлаешь свой милліонъ? Да? Но я не могу дать иначе какъ... какъ ты это говорилъ про Кутяпку... «подъ двойной вексель»! Ахъ, это должно быть очень хорошо — двойной вексель. Это меня могло бы утѣшить въ моихъ несчастіяхъ. Я бѣдная, больная женщина. Я всѣми оставленная боль-

ная дама. Мнѣ бы очень хорошо двойной вексель!..

Лаубе клялся, что когда онъ сдѣлаетъ свой милліонъ, танте Анхенъ будетъ счастливѣйшею женщиною на свѣтѣ. Онъ ей купитъ въ Ревелѣ домъ, экипажъ...

Танте Анхенъ не дала ему докончить.

— И ты тоже чисто одѣваешься!.. Потомъ она ушла къ себѣ въ спальную, а Лаубе послалъ за вексельной бумагой. Черезъ часъ онъ выходилъ отъ тетки Анхенъ съ пятнадцатью тысячами въ карманѣ, счастливый и веселый...

Альбертъ Лаубе чувствовалъ себя у порога того рая, о которомъ онъ мечталъ всю свою жизнь. Онъ не замѣчалъ ничего, ни снѣга, падавшаго на него крупными хлопьями, ни прохожихъ, сталкивавшихся съ нимъ, ни этихъ улицъ, ни площадей, ни мостовъ, смутно рисовавшихся передъ нимъ подъ завѣсою начинавшейся непогоды. Онъ сбилъ съ ногъ какую-то даму и не извинился, наскочилъ на фонарь и приподнялъ шляпу, остановился ни съ того, ни съ сего передъ извозчикомъ, предлагавшимъ ему прокатиться на бѣлой «георгіевской кобылѣ» — и дѣлая все это онъ распахивался, трогалъ боковой карманъ съ какою-то страстною нѣжностью, ощупывалъ въ немъ плотный и твердый четыреугольникъ. Тамъ въ пакетѣ лежатъ пятнадцать тысячъ... Пятнадцать

тысячъ, которыхъ ему не хватало, чтобы сдѣлать милліонъ. Здѣсь, въ этомъ глупомъ лоскуткѣ бѣлой бумаги, завернута его жизнь, его счастье, все его будущее!.. Все, все... Вмѣстѣ съ двумя тысячами, которыя у него есть—это семнадцать!.. О Боже, да этого довольно для того, чтобы перевернуть міръ. Для чего—онъ не зналъ. Онъ любилъ деньги для денегъ. У него не было страстей, возможность удовлетворять которыя даютъ деньги, не было увлеченій, не было потребностей не по карману. Онъ жаждалъ милліона и только милліона. Это было его культомъ, его счастьемъ, его дыханіемъ. Внѣ милліона—мракъ и смерть, внѣ милліона—адъ... И теперь его рай передъ нимъ... Онъ можетъ взять его, онъ уже ощупывалъ его руками. Онъ здѣсь, здѣсь... Стоитъ только немного поработать и все-все дастся ему. И вдругъ онъ опять съ глупымъ ужасомъ хватался за карманъ. А какъ тамъ подкладка оторвана и онъ потеряетъ его — свой будущій милліонъ. Вѣдь это случалось, онъ самъ читалъ не разъ объ этомъ въ Герольдѣ и С.-Петерсбургеръ-Цейтунгъ... И какой-нибудь фатъ-дуракъ найдетъ... Что̀ онъ сдѣлаетъ съ этимъ милліономъ... Онъ спуститъ его глупо и безцѣльно... И Альбертъ Лаубе все бѣжалъ впередъ, поддерживая боковой карманъ рукою и радуясь: вотъ онѣ здѣсь, здѣсь... цѣлы... А

вдругъ съ нимъ случится ударъ? И это бываетъ, недавно вѣдь одного подняли, хорошо одѣтаго, съ деньгами на мостовой... И въ часть взяли, и два дня не могли рѣшить, кто онъ... Вдругъ этакая пакость случится съ нимъ, съ Альбертомъ Лаубе? Смотря на кого наткнется еще... А если его оберутъ... вѣдь и это не разъ случалось. Когда онъ придетъ въ себя— будетъ уже поздно. Этотъ пакетъ исчезнетъ. Поминай его какъ звали! Такъ, кажется, говоритъ русская пословица... Совершенно инстинктивно онъ добѣжалъ, такимъ образомъ, къ себѣ домой—въ четвертый этажъ громаднаго дома на Конюшенной... Здѣсь онъ занималъ маленькую комнату, казавшуюся такой же бѣлесоватой, лысенькой, чистенькой и безличной, какъ и онъ самъ. Онъ живо раскрылъ свой чемоданъ, бросилъ туда конвертъ. Потомъ его вдругъ остановило, — а если станутъ искать деньги и найдутъ? Что тогда? Если эти пятнадцать тысячъ будутъ украдены? Вѣдь и это бываетъ. И объ этомъ онъ читалъ въ своихъ цейтунгахъ и герольдахъ. Онъ забѣгалъ по комнатѣ, какъ вдругъ ему пришла въ голову остроумная мысль. У него въ плоской картонкѣ лежало шапо-клакъ. Онъ вынулъ ее, открылъ шляпу, на донышко положилъ пакетъ, опять сплюснулъ шляпу, завязалъ тесемки футляра и самый футляръ бросилъ между старымъ бѣльемъ

на дно чемодана. Теперь никому не придетъ въ голову. Нѣтъ, теперь не найдетъ никто, никто!..

И Альбертъ Лаубе положилъ въ карманъ ключъ отъ чемодана, заперъ свою комнату и, сдѣлавъ то же самое съ ключемъ отъ нея, отправился къ Лейнеру..

— Кенигъ здѣсь? — машинально спросилъ онъ у швейцара.—Впрочемъ, разумѣется здѣсь!— самъ себѣ отвѣтилъ онъ, вспомнивъ, что обѣщалъ тому кружку пива...

Въ залахъ было страшно накурено и стоялъ гвалтъ отъ грубаго животнаго смѣха и громкихъ нѣмецкихъ рѣчей. Вокругъ столовъ тѣсно сидѣли краснощекіе, мордастые тевтоны, сосавшіе свои отвратительныя сигары и уничтожавшіе несмѣтное количество «Мюнхенеръ-Биръ» и простого Баварія. Казалось, здѣсь нечѣмъ было дышать—люди совсѣмъ пропадали въ густомъ туманѣ... За громаднымъ прилавкомъ буфета сонно стояли утомленныя дѣвушки, то и дѣло ронявшія свои отяжелѣвшія головы на руки... Веселый и краснощекій, какъ посѣдѣвшій Гамбринусъ — хозяинъ перебѣгалъ отъ стола къ столу, здѣсь пожималъ руку, тамъ приказывалъ подать что-то, кое-гдѣ давалъ выговоръ нерасторопному лакею и всюду обнаруживалъ самую подкупающую любезность. Несмотря на то, что у него было уже за нѣсколько сотъ

тысячъ, жена его, въ позѣ богини Аѳины, сидѣла у одного конца буфета и въ гуттаперчевую трубу разговаривала съ кухней. То и дѣло слышался грохотъ—по рельсамъ подымался оттуда открытый ящикъ со всевозможными «клопсами», вѣнскими вюрстами и шницелями. Изрѣдка слышались точно пистолетные выстрѣлы — это завѣдующій пивными бочками выбивалъ одну и вставлялъ другую. Кое-гдѣ раздавались «гохи», и необыкновенно глубокомысленные нѣмцы чокались за что-то... У свѣжаго человѣка здѣсь пошла бы голова кругомъ, но Альбертъ Лаубе былъ свой. Онъ небрежно пожалъ руку какой-то дѣвицѣ за буфетомъ, кивнулъ розовому нѣмцу, похожему на молочнаго поросенка и столь же невинному видомъ, потрепалъ по плечу третьяго—хохотавшаго какимъ-то пятипудовымъ вицамъ, такъ что тарелки на буфетѣ подпрыгивали и дребезжали и, наконецъ, отыскавъ въ уголку Кенига съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, усѣлся, принявъ столь торжественное и важное выраженіе лица, что тѣ удивились.

— Что это съ тобой?.. Ты точно свиная голова въ окнѣ у колбасника Брауна!—спросилъ его молодой человѣкъ.

— Или какъ нашъ Эдуардъ Поппе, когда онъ на своей золотой свадьбѣ отплясывалъ со своей старухой,—засмѣялся Кенигъ.

Но Лаубе былъ непроницаемъ, онъ только и промолвилъ:

— Во всякомъ случаѣ мнѣ нечего завидовать имъ.

— Свиной головѣ?..

— Вы молодой эзель, — строго обернулся къ нему Лаубе... — Господа, я васъ сегодня угощаю... И онъ величественно позвалъ кельнера.—Подайте намъ бутылку мозель-муссе...

Кенигъ чуть не свалился со стула отъ изумленія. Онъ, впрочемъ, не сразу повѣрилъ.

— Ты что́ сказалъ?..—И онъ перемигнулся съ молодымъ человѣкомъ, тоже онѣмѣвшимъ отъ изумленія.

— Ничего, я только приказалъ подать бутылку мозель-муссе. — И Лаубе небрежно повернулся къ нему бокомъ.

Кенигъ пощупалъ себя за носъ, безсильно оглянулся и погрузился въ размышленіе.

— Кого ты ограбилъ?—получилъ, наконецъ, даръ слова молодой человѣкъ.

— Я ужъ сказалъ вамъ, что вы молодой эзель, Кнопфъ... Хотите еще разъ узнать это?.. Что васъ удивляетъ? Я хочу угостить добрыхъ друзей и больше ничего...

— Но мозель-муссе стоитъ шесть рублей, несчастный!

— Шесть?.. Ну тогда, кельнеръ, дайте намъ двѣ бутылки мозель-муссе. Если шесть...

Кенигъ схватилъ его за руку и пощупалъ пульсъ.—Покажи языкъ!—предложилъ онъ.

— Ты получилъ наслѣдство, вѣрно... Или выигралъ двѣсти тысячъ? Впрочемъ, тиража еще не было.

Идея о наслѣдствѣ очень понравилась Лаубе. Онъ хитро улыбнулся, сантиментально обнялъ Кенига за талію и, сладко глядя ему въ глаза, медленно самъ наслаждался этимъ моментомъ. —Да, мой добрый камрадъ, Кенигъ, я получилъ нѣкоторое наслѣдство и теперь чувствую себя на настоящей дорогѣ...

— Вѣрно изъ Америки наслѣдство? — насмѣшливо переспросилъ молодой человѣкъ.

Идея «американскаго» происхожденія наслѣдства еще больше понравилась Лаубе... Онъ утвердительно кивнулъ головою.—Ты,—обратился онъ къ юношѣ,—можешь даже сообщить объ этомъ въ Цейтунгъ...

— Да ты это серьезно?—остолбенѣлъ тотъ.

— Еще бы не серьезно, если я на дняхъ ухожу отъ Эдуарда Поппе и скоро открою свой банкирскій домъ.

— Hoch!..—закричали восторженно собесѣдники и такъ чокнулись стаканами, что засыпавшая-было за буфетомъ дѣвица вздрогнула, открыла чуть не подъ самую чолку свои бараньи глаза и вмѣсто икры намазала какому-то потребителю, въ это мгновеніе явив-

шемуся къ ней, бутербродъ французской горчицей.

— Ты знаешь, Кенигъ, пока мы еще товарищи и я тебѣ отъ всего моего сердца говорю: если ты будешь недоволенъ Эдуардомъ Поппе, помни, у меня—въ моемъ банкирскомъ домѣ, Альбертъ Лаубе, всегда для тебя найдется мѣсто за конторкою. Не всѣмъ же быть банкирами, но я тебя очень цѣню. Твое трудолюбіе... И потомъ ты очень внимателенъ... А банкирская контора нуждается въ обстановкѣ. Гдѣ это Кнопфъ?..—заинтересовался Лаубе.

Но тотъ уже, зайдя въ комнату за буфетомъ, строчилъ: «Мы слышали изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ, что служащій въ банкирской конторѣ Эдуарда Поппе, молодой и весьма способный Альбертъ Лаубе получилъ совершенно неожиданно колоссальное наслѣдство изъ Америки... Сегодня его видѣли у Лейнера... Счастливецъ - милліонеръ пилъ мозель-муссе, принималъ горячія поздравленія отъ своихъ товарищей и друзей... Мы можемъ отъ души порадоваться удачѣ, выпавшей на долю нашего соотечественника. Въ этомъ случаѣ деньги попали въ хорошія нѣмецкія руки, и давай Богъ этимъ милліонамъ привлечь за собою и другіе...» Кончивъ это, онъ сейчасъ же распорядился послать кого-то въ редакцію съ замѣткою. А

самъ какъ ни въ чемъ не бывало пошелъ допивать свой мозель; подходя, онъ услышалъ какъ Лаубе, прищуривъ лѣвый глазъ и заложивъ нога за ногу, требовалъ:

— Дайте мнѣ самую лучшую какая есть у васъ сигару... Теперь я могу позволить себѣ это маленькое удовольствіе...

III.

Эдуардъ Поппе, только-что пріѣхавшій къ себѣ въ контору, потребовалъ свой Zeitung. Цейтунгомъ и кофе онъ начиналъ трудовой день неизмѣнно, вотъ ужъ двадцать-восемь лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ на одномъ изъ самыхъ видныхъ мѣстъ Невскаго открылся его банкирскій домъ. Эдуарду Поппе было 65 лѣтъ, и природа украсила его громадною лысиною готическаго стиля, на самой вершинѣ которой торчали три «священные» для каждаго почтеннаго нѣмца волоска. «Вы знаете,—говорилъ Поппе,—вѣдь у «нашего» Бисмарка тоже было три, что еще тогда предзнаменовало заключеніе геніальнаго тройственнаго союза!» Гордясь нѣкоторымъ сходствомъ съ желѣзнымъ канцлеромъ, Эдуардъ Поппе выше всего ставилъ свой фатерландъ, неистовствовалъ лѣтомъ въ зоологическомъ саду, когда прусскіе барабанщики

исполняли «дробь», а берлинскій оркестръ радовалъ тевтонскія сердца своимъ Wacht am Rhein, искренно ненавидѣлъ русскихъ, называлъ ихъ «свиньями», но очень любилъ русскія деньги, былъ честенъ, тупъ, могъ работать сорокъ восемь часовъ въ сутки, отъ краснаго вина казался багровымъ, ѣздилъ на велосипедахъ и весьма нѣжной фистулой, несмотря на свой возрастъ, пѣлъ въ лидертафелѣ... Эдуардъ Поппе только-что отхлебнулъ глотокъ кофе, какъ его глаза остановились на фамиліи его клерка, напечатанной крупнымъ шрифтомъ въ Цейтунгѣ. Онъ съ удивленіемъ прочелъ статью и нажалъ пуговку электрическаго звонка.

— Альбертъ Лаубе здѣсь?—взволнованный спросилъ онъ разсыльнаго.

— Какъ всегда. Пришли въ свое время.

— Прекрасный молодой человѣкъ!—похвалилъ его про себя Эдуардъ Поппе.—Пригласите, пожалуйста, ко мнѣ Альберта Лаубе.

Лаубе вошелъ, скромно и почтительно поклонился патрону, который держалъ въ одной рукѣ свой Цейтунгъ.

— Это вы?—ткнулъ онъ свободной рукою въ заинтересовавшее его извѣстіе.

— О, да!—и Альбертъ Лаубе поклонился еще ниже.

Эдуардъ Поппе порывисто подошелъ къ нему и обнялъ. Подержалъ, подержалъ образ-

цоваго молодого человѣка у своего сердца и выпустилъ... Молодой человѣкъ скромно потупился и ждалъ.

— Ну, я радъ... Такъ радъ... какъ будтобы вы были мой родной сынъ... Сколько вы получили?

— Пока ничего не знаю... Говорятъ, милліоны... А впрочемъ—какъ Богъ дастъ!

— Поздравляю, поздравляю...

— Мнѣ пока прислали только семнадцать тысячъ рублей... Повѣренный моего умершаго родственника пишетъ, что когда кончатся всѣ формальности, я получу остальное... Я васъ хотѣлъ просить, не отказать мнѣ въ маленькомъ кредитѣ до поры до времени.—И Лаубе даже зажмурилъ глаза, ожидая отвѣта Эдуарда Поппе, вѣроятно для того, чтобы этотъ не замѣтилъ всей жадности, ярко сверкавшей въ нихъ въ эту минуту.

— А вамъ зачѣмъ именно?—безразлично спросилъ его патронъ.

— Я хочу открыть свое дѣло, о которомъ давно думаю.—И Лаубе зажмурился еще плотнѣе.

— Это не банкирскій ли домъ?—съ чувствомъ опасенія проговорилъ Поппе.

— О, нѣтъ!—И Лаубе, овладѣвъ собою, ясно и кротко взглянулъ въ глаза своему патрону:—о нѣтъ!.. Я мечтаю объ одномъ экспорт-

номъ дѣлѣ, секретъ котораго пока позвольте мнѣ сохранить.

— А сколько вамъ надо?.. Я уважаю чужіе секреты... Если сумма не превыситъ моей кассы...

— Тысячъ пятнадцать...—И у Лаубе сильно забилось сердце... Случись это—и завтра же онъ могъ бы начать свои операціи.—Тысячъ пятнадцать... Я тотчасъ же, получа наслѣдство, цѣликомъ внесу эту сумму вамъ... У меня теперь семнадцать и только этаго не хватаетъ.

Послѣднія сомнѣнія Эдуарда Поппе разсѣялись при видѣ бумажника, развернутаго Лаубе...

— Хорошо... Я прикажу... Вамъ сейчасъ нужно?..

— Да, если можно—сейчасъ...—А самъ думаетъ: «неужели дастъ, о какой счастливый день!»

— Вы, разумѣется, у меня не останетесь теперь... Хотя ваше присутствіе сдѣлало бы честь моему дому и удовольствіе мнѣ...—И, пожавъ пуговку, онъ приказалъ выдать деньги Лаубе.—Вы оставите свой вексель въ кассѣ, на какой вамъ угодно срокъ... А завтра я попрошу васъ обѣдать со мною...

Лаубе вышелъ отъ него, высоко держа голову. Слухъ объ его наслѣдствѣ ужъ распространился, и товарищи, окруживъ его, шумно поздравляли. Альбертъ Вильгельмовичъ всѣмъ

имъ жалъ руки и всѣхъ одинаково увѣрялъ въ своей дружбѣ и готовности быть имъ полезнымъ. Рѣшено было при этомъ торжественно обѣдать вмѣстѣ, что въ тотъ же день и было исполнено. Въ одномъ изъ маленькихъ нѣмецкихъ ресторанчиковъ клерки банковаго дома Поппе чествовали Лаубе и даже спѣли ему что-то необыкновенно громкое и дикое. Лаубе краснѣлъ, благодарилъ и самъ про себя соображалъ и мурлыкалъ что-то. Отъ времени до времени онъ бралъ подъ руку то одного, то другого конторщика, отводилъ его въ сторону и вкрадчиво говорилъ ему:

— Знаете, нашъ Эдуардъ Поппе—хорошій человѣкъ, но онъ ужъ старъ и у него тутъ—мало.—И Лаубе тыкалъ себя въ лобъ.—Напримѣръ, вы служите десять лѣтъ и получаете всего только тысячу двѣсти рублей! Развѣ это справедливо? Я вамъ вотъ что̀ скажу: переходите ко мнѣ, я вамъ сразу дамъ полторы тысячи въ годъ, а тамъ дальше будетъ видно.

Испытуемый горячо жалъ ему руки и увѣрялъ въ своей готовности служить ему вѣрою и правдою, какъ онъ служилъ Поппе.

Затѣмъ Лаубе бралъ другого, третьяго. Замѣчательно, что онъ выбиралъ для этого наиболѣе представительныхъ изъ бывшей съ нимъ молодежи. Нѣкоторымъ онъ говорилъ: «Мы все

равно будемъ какъ товарищи. Я самъ былъ конторщикомъ».

Въ концѣ-концовъ, когда таинственные сепаратные переговоры были покончены, Лаубе успокоился, сѣлъ и однимъ взглядомъ окинулъ свою контору. «О, это произведетъ впечатлѣніе!.. Это произведетъ большое впечатлѣніе, особенно, если мнѣ удастся переманить Крюдлиха, котораго здѣсь нѣтъ. У него такая длинная борода, что нашъ знаменитый художникъ Вольфгангъ Эбель писалъ съ него патріарха, и при-томъ онъ умѣетъ говорить съ кліентами какъ... какъ настоящій министръ!..» И Лаубе рѣшилъ для пріобрѣтенія Крюдлиха пойти на все. Подъ конецъ вечера авторитетъ Поппе былъ уже подорванъ, и Лаубе не считалъ нужнымъ церемониться съ нимъ, а просто говорилъ: «этотъ старый дуракъ». Пьяная аудиторія вполнѣ съ нимъ соглашалась и кричала «гохъ!» будущему банкирскому дому Альберта Лаубе. Скрывавшій свое предпріятіе отъ Поппе, онъ не счелъ нужнымъ таить его передъ товарищами. У него уже были 32,000 рублей, и онъ чувствовалъ себя въ томъ положеніи, въ какомъ бываетъ себя орелъ, уже раскинувшій крылья и съ своей высоты передъ смѣлымъ полетомъ высматривающій въ какую долину ему ринуться... Выходя вечеромъ изъ ресторана, Лаубе уже оралъ въ передней:

— Что онъ воображалъ купить меня этими пятнадцатью тысячами?.. Да я ему верну ихъ черезъ двѣ недѣли... Пусть онъ попадется мнѣ сейчасъ, этотъ Эдуардъ Поппе, и я ему прямо скажу: ты, старый дуракъ, ѣзди на велосипедахъ и не смѣй вести банкирскаго дѣла, потому что банкирское дѣло требуетъ глубокаго ума, котораго у меня довольно, а у тебя нѣтъ!.. Знаете ли что̀...

Онъ хотѣлъ-было объяснить, что не пройдетъ и шести мѣсяцевъ, какъ Эдуардъ Поппе лопнетъ, но во время удержался. Сегодня еще было не время объявлять открытую войну своему патрону.

За что онъ такъ ненавидѣлъ его? Во-первыхъ, Лаубе былъ ему обязанъ, а низкія души всегда чувствуютъ злобу при воспоминаніи о добрѣ, сдѣланномъ имъ. Во-вторыхъ, у Поппе были кліенты и вкладчики, которыхъ страстно желалъ имѣть Лаубе. Въ-третьихъ, даже сегодня утромъ патронъ говорилъ съ нимъ покровительственнымъ тономъ...

— Вы не знаете,—отвелъ уже на улицѣ Лаубе одного изъ конторщиковъ въ сторону:— сколько генералъ Ахвердовъ имѣетъ у насъ?

— Триста тысячъ!..

— Неужели триста тысячъ! Прекрасныя есть цифры!—и Лаубе мечтательно задумался.

Если предчувствія существуютъ въ дѣй-

ствительности—Эдуарду Поппе должно было скверно спаться въ эту ночь.

Генералъ Ахвердовъ былъ большой любитель музыки. Онъ служилъ по инженерному вѣдомству и отъ постройки казармъ, что̀ было его спеціальностью, съумѣлъ отложить крупное состояніе... Впрочемъ, его дѣятельность ограничивалась не однѣми казармами. «Сколько мостовъ построилъ и шоссе провелъ!» мечтательно говорилъ онъ, похлопывая по колѣнамъ собесѣдника, разумѣется, если послѣдній былъ въ одинаковомъ съ нимъ чинѣ. Генералъ Ахвердовъ былъ бодрый генералъ. Онъ носилъ плечи такъ, какъ будто толстые эполеты были выращены на нихъ самою природою, грудь держалъ колесомъ и ходилъ прямо, красилъ усы и брови, оставляя волосы на головѣ сѣдыми. Несмотря на свои 60 лѣтъ, думалъ жениться на сиротѣ, которая была бы ему «благодарна». Жадный и скупой, онъ бы самъ открылъ контору, да чувствовалъ, что это можетъ его скомпрометировать. Пока онъ держалъ свои деньги въ разныхъ мѣстахъ, довѣряя болѣе всего Эдуарду Поппе... Сегодня въ концертѣ, Никита Павловичъ—такъ его звали—нѣсколько разъ замѣчая поклоны вившагося около него бѣлобрысенькаго, безглазаго, юркаго господина, задавался вопросомъ: кто бы это могъ быть и гдѣ онъ видѣлъ эту против-

ную рожу. Наконецъ, послѣ исполненія оркестромъ увертюры къ моцартовскому «Титу», загадочный молодой человѣкъ (оба они сидѣли въ первомъ ряду) бочкомъ подобрался къ нему и, еще ниже кланяясь, проговорилъ:

— Ваше превосходительство, кажется, не узнаете меня?

— Не узнаю—извините... Съ кѣмъ имѣю честь...—И генералъ поднялъ плечи, какъ будто подъ самое небо вознося свои эполеты.

— Я служилъ въ конторѣ у Эдуарда Поппе...—И Лаубе сдѣлался еще скромнѣе, даже глаза опустилъ.

— А!..—Никита Павловичъ Ахвердовъ небрежно протянулъ ему палецъ. Лаубе схватился за него обѣими руками, точно онъ былъ ему, Лаубе—единственнымъ якоремъ спасенія. —Вы говорите—служили, а теперь не служите?

— Да... Я думаю завести свое дѣло на болѣе широкихъ и раціональныхъ основаніяхъ. Эдуардъ Поппе слишкомъ старъ.

Невѣдомо какъ, въ рукахъ у Лаубе вмѣсто одного очутились три пальца генеральской руки.

— Вы говорите: на новыхъ началахъ. То-есть, какъ же это? Разумѣется, если не секретъ... Прежде всего ваше имя?...

— Лаубе... Альбертъ Вильгельмовичъ Лаубе!..

Но при одномъ звукѣ этой фамиліи, генералъ вырвалъ свои пальцы и самъ обѣими ру-

ками схватился за руку своего собесѣдника и началъ усердно жать ее, любовно глядя въ глаза молодому человѣку.

— Вы... вы... тотъ самый... который... избранникъ судьбы... это еще въ газетахъ?..—безпорядочно ронялъ онъ.

Лаубе сталъ такъ скроменъ, что съ него можно было рисовать въ эту минуту.

— Тотъ самый... кажется, въ Америкѣ—нѣсколько милліоновъ долларовъ?!..

— Да, что-то въ этомъ родѣ. Я очень радъ случаю познакомиться съ вашимъ превосходительствомъ...

— Пожалуйста, садитесь рядомъ. Тутъ, около меня, есть пустое кресло... Садитесь рядомъ...

И было кстати: Начинался Шумановскій романсъ «Abend am Strande». Чудные звуки лились съ эстрады.

Wir sassen am Fischerhause,
Und schauten nach der See;
Die Abendnebel kamen,
Und stiegen in die Höh!..

Могучій басъ, казалось, наполнялъ всю залу. Безпокойное и равномѣрное движеніе восьмыми въ акомпаниментѣ рисовало безбрежную поверхность водъ, по которымъ послѣдніе, но уже безсильные порывы умирающаго урагана гнали величавую зыбь... Мелодія росла и па-

дала, какъ растетъ и падаетъ прибой, слышался страхъ передъ этою стихійною безпощадною мощью, невѣдомо откуда слетались воспоминанія объ иныхъ чудесныхъ, подъ яркимъ солнцемъ и голубымъ небомъ, таинственныхъ краяхъ, лежащихъ за дивнымъ океаномъ далеко, далеко... Тише и тише неоглядное море. Чуть плещетъ его волна... Точно и она заслушалась разсказа о чудномъ культѣ Лотоса.

Am Ganges duftet's und leuchtet's
Und Riesenbäume blühn,
Und schöne, stille Menschen
Vor Lotosblumen knien.

Тише и тише море... Все оно точно замираетъ въ гнетущемъ сіяніи зари... Тьма ползетъ съ востока... На западѣ еще чуть брезжетъ послѣдній отсвѣтъ отгоравшаго дня...

— Такъ вы говорите, что Эдуардъ Поппе старъ уже?—вдругъ наклонился къ самому уху Лаубе генералъ Ахвердовъ.

— Еслибы только это!—точно проговорился тотъ.—Еслибы только это...

— А что, что еще?—и Никита Павловичъ весь обратился въ вниманіе.—Я считалъ его всегда очень честнымъ человѣкомъ...—И замѣтивъ, что Лаубе молчитъ, Ахвердовъ нѣжно взялъ его за руку и точно котъ ласково замурлыкалъ:—Вы вѣрно, молодой человѣкъ, что-

нибудь знаете... Я такъ радъ нашей встрѣчѣ и знакомству... Такъ, что еще?..

— У васъ, ваше превосходительство, много лежитъ на текущемъ счету у Поппе?..—загадочно спросилъ Лаубе.

— Да... да... есть, знаете, малая толика.— И Ахвердовъ растерянно забарабанилъ перстами по его колѣну.

— Простите,—отодвинулся тотъ,—я ужасно боюсь щекотки... У васъ, насколько я помню: триста съ чѣмъ-то тысячъ?

— Да... именно... съ чѣмъ-то... Почему вы такъ улыбаетесь?—А самъ такъ и впивается въ своего сосѣда.

— Видите ли, генералъ, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, какъ говоритъ ваша прекрасная, чисто-русская пословица. Всѣ...

— Ну-ну?—поощрялъ его тотъ.—Ну-ну? А дальше-то что?

— У Эдуарда Поппе—во всѣхъ его операціяхъ есть одинъ существенный недостатокъ. Онъ честенъ, былъ энергиченъ и предусмотрителенъ, но съ годами вѣдь способности человѣка слабѣютъ... Онъ не такъ хорошо видитъ, какъ въ молодости. Если у него есть фондъ—это разумѣется не страшно для вкладчиковъ. Ну, потерпитъ онъ убытки на какой-нибудь «горнозаводской лѣсопромышленности»—сейчасъ же покроетъ изъ фонда... И

дѣло опять стоитъ крѣпко... У бѣднаго Эдуарда Поппе фонда нѣтъ.. фонда нѣтъ... Вы понимаете!.. И онъ убытки свои долженъ выбирать изъ вкладовъ... И желая поправить дѣло— опять черпать изъ того же источника... А это представляетъ очень мало гарантій для его кліентовъ.

— Вы не повѣрите, какъ я вамъ благодаренъ за это предупрежденіе... Надо поторопиться вынуть свой вкладъ.

Не будь теперь вечеръ, Ахвердовъ сейчасъже полетѣлъ бы туда. Но это вовсе не входило въ разсчетъ Лаубе. Теперь генералъ, получивъ свои деньги, положилъ бы ихъ въ другое мѣсто и только. Лаубе поэтому взялъ генерала за руку.

— Не торопитесь, ваше превосходительство. Теперь вы, пожалуй, только подорвете дѣло... Еще чего добраго у Поппе не окажется такой суммы—и вмѣсто того, чтобы выплатить ее вамъ, онъ поѣдетъ въ коммерческій судъ и объявитъ себя несостоятельнымъ должникомъ.— Лаубе и самъ не ожидалъ эффекта, который произвели его слова.

Генералъ поблѣднѣлъ. Кондрашка еще никогда не былъ такъ близокъ къ нему, какъ въ эту минуту. Мгновенно блѣдность смѣнилась багровымъ румянцемъ—онъ задышалъ часто, часто...

— Не торопитесь... Скоро Эдуардъ Поппе долженъ получить полмилліона, и если вы хотите — я наканунѣ зайду къ вамъ и скажу... Вы немедленно тогда вернете весь свой вкладъ...

— Благородный юноша!.. Но вы, вы сами, что́ предполагаете дѣлать?

— Я слишкомъ люблю свое ремесло... Милліоны не заставятъ меня бросить его—ни подъ какимъ видомъ. Я только могу шире и энергичнѣе дѣйствовать, потому что, благодаря имъ, могу предпринимать все за свой страхъ и рискъ, а никакъ не насчетъ вкладчиковъ... На дняхъ, вы прочтете объ открытіи моего банкирскаго дома.

— О... я буду первымъ вашимъ кліентомъ... Первымъ кліентомъ...

— При моихъ операціяхъ—я нахожу возможность платить по $6^1/_2{}^0/_0$ на вклады...

Генералъ зажмурился; когда онъ открылъ глаза, на его лицѣ сіяло восторженное выраженіе.

«Ахвердовъ и его 300,000—мои!—думалъ Лаубе.—Этотъ не уйдетъ отъ меня...» Онъ вынулъ записную книжку, заглянулъ въ нее... Оставалось въ ней еще нѣсколько намѣченныхъ имъ именъ. «Если и съ этими также удастся—тогда берегись Эдуардъ Поппе... А хорошо было бы проучить его... этого стараго дурака.

И потомъ взять на службу къ себѣ.. Какой бы это произвело эффектъ. Эдуардъ Поппе служитъ клеркомъ у Альберта Лаубе!»

И новыя мысли зароились въ предпріимчивой головѣ молодого человѣка.

Дня черезъ три послѣ этого, весь Петербургъ былъ изумленъ и зашевелился. Значительнѣйшія газеты вышли съ совершенно чистыми четвертыми страницами. Сверху значилось: «Объявленія», внизу стояли какіе-то кабалистическіе редакціонные знаки—и вся простыня затѣмъ оказывалась дѣвственной бѣлизны. На завтра было то же, на послѣзавтра—это повторилось опять. Бросились въ редакціи, стали разспрашивать, объясненія получались странныя. Какой-то господинъ купилъ эту страницу на цѣлый мѣсяцъ. О чудакѣ заговорили кругомъ. На четвертый день—посреди бѣлой страницы показались какія-то точки, какими астрономы на своихъ картахъ обозначаютъ туманныя пятна и скопленія космической матеріи. На седьмой—туманныя пятна приняли видъ яйца. На десятый—яйцо опредѣлилось. Но что такое въ этомъ яйцѣ—никто не зналъ. Въ кабинетахъ, гостиныхъ, въ ресторанахъ, въ департаментахъ, на улицахъ, всюду толковали о загадочномъ яйцѣ. Яйцо росло и росло, наконецъ, на одиннадцатый день изъ него показался острый носикъ. Скорлупа была проклевана, но кѣмъ?

Ожиданія стали лихорадочными. Люди безъ нервнаго состоянія не могли взяться за газету. Носикъ росъ. Показалась головка. На головкѣ невѣдомаго птенца значилась буква А... По мѣрѣ того, какъ птенецъ выходилъ изъ скорлупы, вмѣстѣ съ нимъ показывались буквы: л, ь, б, е, р, т, ъ. Наконецъ, когда яйца не стало, а на чистыхъ листахъ четвертой газетной полосы оказалась большая птица, на ея раскинутыхъ крыльяхъ можно было прочесть: «Альбертъ Лаубе». Альбертъ Лаубе сталъ героемъ дня. Объ Альбертѣ Лаубе толковали, его разыскивали, добивались, кто онъ такой, газетные репортеры охотились за нимъ съ утра до ночи. Но увы, его не было! Онъ былъ только на четвертой страницѣ газетъ, живымъ же и въявѣ его никто не видалъ. Лаубе на это время исчезъ въ Выборгъ и поселился тамъ въ отелѣ Бельведеръ, наслаждаясь издали эффектомъ своей выдумки. Юмористическіе журналы посвящали Альберту Лаубе и прозу, и стихи, табачные торговцы выпускали папиросы Альберта Лаубе. Разсказывались цѣлыя легенды объ Альбертѣ Лаубе. Басня объ американскихъ милліонахъ стала общимъ достояніемъ. Искали портрета Альберта Лаубе, и одинъ мелкій фотографъ изъ еврейчиковъ сдѣлалъ выгодный гешефтъ: снялъ съ своего помощника портретъ, подписалъ подъ нимъ: Альбертъ Лаубе, и въ

первую же недѣлю продалъ болѣе пяти сотъ снимковъ. Какой-то фельетонистъ острилъ надъ Альбертомъ Лаубе и проводилъ параллель между нимъ и Джекомъ-Потрошителемъ. Эдуардъ Гоппе воспроизвелъ на своихъ страницахъ портретъ quasi-Лаубе и этотъ номеръ «Всемірной Иллюстраціи» былъ немедленно расхватанъ публикою. Полиція стала на ноги и принялась тоже разыскивать Лаубе. Какой-то музыкантъ написалъ вальсъ «Альбертъ Лаубе», и въ первомъ же вечерѣ, когда его исполняли, публика требовала безчисленныхъ повтореній. Въ окнахъ бумажныхъ лавокъ были выставлены «загадочныя картинки»: Гдѣ Альбертъ Лаубе? Найдите Альберта Лаубе? Рестораторы включили въ свои меню: бефъ--а ля Альбертъ Лаубе. Нашлось нѣсколько Лаубе, которые воспользовались этимъ и пустили въ ходъ—одинъ свою ваксу, другой кандитерскую, третій помаду для рощенія волосъ. Наконецъ, въ моментъ, когда общія ожиданія дошли до высочайшей степени, когда вся атмосфера была переполнена Альбертомъ Лаубе, когда онъ сталъ сниться всѣмъ старымъ дѣвамъ, когда сама полиція оказалась безсильной что-нибудь понять въ этомъ столпотвореніи вавилонскомъ—на четвертыхъ страницахъ газетъ, посрединѣ, явилась лаконическая надпись:

«Банкирскій домъ Альберта Лаубе.
Основной капиталъ 25.000,000 долларовъ.
«Русско-американскій
финансовый союзъ».
Открываетъ свои дѣйствія завтра, въ десять часовъ утра, на углу Невскаго и...»
слѣдовало названіе улицы.

Всѣ вздохнули съ облегченіемъ. Петербургъ былъ спасенъ: новый Джекъ-Потрошитель былъ найденъ.

Въ этотъ день не было въ столицѣ имени популярнѣе. Куплетистъ въ какомъ-то поганомъ салонѣ на тридцать бисовъ долженъ былъ выходить, раскланиваться и повторять стихи, написанные объ Альбертѣ Лаубе.

IV.

На углу Невскаго и ***ой улицы, съ восьми часовъ утра, стояла сплошная толпа. Троттуары были запружены ею, конка—и та съ трудомъ проѣзжала, до того здѣсь столпилось каретъ, колясокъ, саней. Городовые, несмотря на морозный день, выбивались изъ силъ, желая устроить хоть нѣчто похожее на порядокъ. Несмотря на ранній часъ—подъѣзжали и подходили все новые и новые любопытные, желавшіе воочію увидѣть, наконецъ, Альберта

Лаубе. Окна конторы—громадныя зеркальныя окна, были плотно завѣшаны. За ними жизнь еще не начиналась. Въ толпѣ бродили и вздыхали какія-то необыкновенно слезливыя старушки, у которыхъ оказались сбереженія. Онѣ пришли сначала убѣдиться, здѣсь ли даютъ по шести съ половиной процентовъ, какъ онѣ слышали отъ досужихъ вѣстовщиковъ. Солидные купцы протискивались брюхомъ впередъ къ ошалѣвшему дворнику, спрашивая «сюда-ли?», бойкіе репортеры съ записными книжками въ рукахъ, чиновники въ форменныхъ пальто, замѣшавшіеся въ тѣснотѣ и убѣждавшіе сосѣда: «повремените, сами видите некуда». Наконецъ, въ десять часовъ ровно — шторы «Русско-американскаго финансоваго союза» поднялись, и тысячная толпа замѣтила за зеркальными окнами духовенство, служившее въ банкѣ молебенъ. Городовые не могли уже оттереть ее отъ дома и махнули руками. Въ дверяхъ банка стали два такіе мордастые швейцара съ «егоріями» на груди, что при видѣ ихъ вчужѣ страхъ бралъ. На вопросы «здѣсь-ли?» они только двигали бровями, но столь внушительно, что одна старушка сначала сомлѣла, потомъ перекрестилась и уже тогда изъ какихъ-то невѣдомыхъ кладезей своего салопа вытащила пачку бумагъ и съ ними рѣшительно двинулась въ банкъ. Швейцары окончательно

разсѣяли всѣ ея сомнѣнія, если они еще оставались въ ея ветхой душѣ. Но зато въ банкѣ ей пришлось стать въ хвостъ. Ближе всѣхъ къ Альберту Лаубе красовался Ахвердовъ.

— Ваше превосходительство! — наконецъ соблаговолилъ замѣтить его милліонеръ.—Радъ васъ видѣть, чѣмъ могу служить? Пожалуйте ко мнѣ... Въ мой кабинетъ.

Кабинетъ былъ еще внушительнѣе швейцаровъ. Черное дерево—столы, диваны и кресла, черная кожа, покрывавшая послѣднія, портреты Ротшильда, Блейхредера, Мозеса—на стѣнахъ. Нѣтъ лишняго, но все, что̀ было здѣсь, пахло милліономъ.

— Ваше превосходительство... чѣмъ обязанъ...

— Я какъ получилъ третьяго дня вашу записку, тотчасъ же пошелъ къ Попле.

— Ну? И что же?—Глаза Лаубе приняли необыкновенно ласковое выраженіе, безцвѣтные глаза, скорѣе достойные судака, чѣмъ человѣка. Онъ даже губы свелъ сердечкомъ.—Ну, и что же?

— Повѣрите ли, старикъ разжалобилъ меня. Плакалъ... Просилъ не сразу брать вкладъ. Умолялъ подождать двѣ недѣли.

— Вы, надѣюсь, не согласились?

— Нѣтъ, не согласился,—вздохнулъ Ахвердовъ.—Вотъ здѣсь триста сорокъ тысячъ въ

портфелѣ, прикажите счесть и принять. Я и изъ другихъ мѣстъ выну. У васъ вѣрнѣе вѣрнаго. Все равно, что въ Государственномъ банкѣ. Но вы не повѣрите, до чего былъ жалокъ старикъ. Я даже думалъ, что у него не хватитъ Какое, выдалъ чекъ сейчасъ же, когда понялъ, что я ухожу отъ него!

— Вы сдѣлали хорошо. Не пройдетъ двухъ недѣль—и Эдуардъ Поппе объявитъ себя несостоятельнымъ.

Ахвердовъ печально покачалъ головой. «Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ», вспомнился ему Державинскій стихъ.

Сегодня это былъ единственный крупный вкладъ. Зато мелкихъ несли безъ конца. Необыкновенно благообразные лакеи, вертлявыя горничныя, экономки у одинокихъ — все это ждало очереди. Артельщики въ своихъ зоологическихъ клѣткахъ сбились съ толку. Мокрые, мокрыми руками они считали деньги, съ ужасомъ замѣчая, что хвосты ожидавшыхъ передъ ними вытягивались все длиннѣе и длиннѣе. Священники вытаскивали пачки ассигнацій изъ красныхъ миткалевыхъ платковъ. Чиновники подавали деньги въ конвертахъ и, прежде чѣмъ разстаться съ ними, старались еще хоть лишнюю минутку за нихъ подержаться. Купцы сначала приходили справляться и высматривали обстановку. Но обстановка была на удивленіе.

Служащіе оказались все съ почтенными, внушавшими довѣріе лицами. Даже сѣдовласый и сѣдобородый патріархъ Крюдлихъ красовался на переднемъ планѣ, благосклонно глядя на входившихъ и уходившихъ. Его удалось-таки переманить Лаубе отъ Эдуарда Поппе. То и дѣло приносили телеграммы, и одна изъ нихъ была особенно дорога сердцу Альберта Вильгельмовича. Старый дядя Августъ «со слезами благословлялъ его и совѣтовалъ не пропустить момента, чтобы остановиться во-время». Наконецъ, въ довершеніе его благополучія, явилась танте Анхенъ. Ее провели въ кабинетъ къ самому. Самъ расцѣловалъ ея ручки, усадилъ ее въ покойное кресло и такъ очаровалъ танту, что та вдругъ вся помолодѣла, вынула изъ-за корсажа большой пакетъ и умоляющимъ голосомъ предложила ему: «вели ужъ и мои деньги принять. Здѣсь пока только сорокъ тысячъ. Но если я все найду, какъ слѣдуетъ, то и остальныя... тоже... только смотри, мой Альбертъ, предупреди меня, когда ты захочешь остановиться.

— Неужели вы можете сомнѣваться въ этомъ,—торопился Альбертъ поскорѣе унести деньги...—Тетя!..

— Ты знаешь, я твоя единственная тетка... И я помогла тебѣ... Ты началъ жить съ моихъ денегъ.

— Танте Анхенъ, это записано на вѣки вѣчные здѣсь! — благородно ткнулъ онъ себя въ грудь.

— А что́ дѣлать съ этимъ?—и она протянула ему Кутяпкины векселя.

— Забудьте... Съ него ничего не получите... У него, кромѣ мундира, ничего нѣтъ.

— А ты ихъ у меня не купишь?—заискивающе заговорила она. — Я бы ихъ дешево отдала тебѣ.

— Нѣтъ!..—засмѣялся Лаубе, ласково выпроваживая танту Анхенъ изъ своей конторы и отговариваясь множествомъ дѣла.

Потомъ къ нему явился Крюдлихъ и держалъ съ нимъ конференцію... «Кто займетъ конторку въ самомъ углу банкирскаго дома»... Она еще пуста... Ему надо знать, чтобы распорядиться.

— Она будетъ занята мѣсяца черезъ два!— рѣшительно объявилъ Лаубе.—Я ее берегу для одного стараго друга.

И насмѣшливая улыбка показалась на его безкровныхъ губахъ. Крюдлихъ, ничего не понимая, поклонился и вышелъ. Реклама и чисто американская изобрѣтательность Лаубе принесли надлежащіе плоды. Когда онъ кончилъ свой трудовой день и приказалъ запирать контору, — вкладовъ оказалось у него почти на полмилліона... У него даже духъ за-

хватило. Онъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ, и мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ за дверью прекращался шумъ и усиливалось движеніе, мысль его погружалась въ воспоминанія недавняго прошлаго. Ему становилось страшно... А вдругъ, какъ все это лопнетъ... Вдругъ его разсчеты окажутся невѣрными... Вдругъ, онъ не съумѣетъ остановиться во-время... Вдругъ онъ зарвется... Что тогда?.. Онъ видѣлъ себя мальчикомъ, зарывавшимъ пачки нарѣзанной бумаги въ ровъ, школяромъ, котораго товарищи оттузили, а начальство выгнало за первую удачную банкирскую операцію; наконецъ, скромнымъ конторщикомъ у Эдуарда Поппе... До сихъ поръ онъ твердо вѣрилъ и своей судьбѣ, и своему божеству, гимны которому пѣлъ онъ... Если оно не отвернется, не отойдетъ въ сторону, — будущее его. Гдѣ бы оно ни было, все равно... Здѣсь или тамъ, далеко за океаномъ... Онъ всталъ и заперъ за собою двери. Теперь онъ былъ одинъ. Теперь не явится никто потревожить его... Онъ вытащилъ громадный портфель, набитый весь банковыми билетами и распухшій словно икряная рыба. Дрожащей рукой онъ отворилъ замокъ... Перевернулъ портфель—и разноцвѣтныя пачки посыпались на столъ... Неужели это все у него въ рукахъ... У него, еще мѣсяцъ назадъ никому неизвѣстнаго, ничтожнаго человѣка, слу-

жившаго за какіе-то гроши у Поппе... Онъ разложилъ пачки процентныхъ бумагъ и денегъ. Выраженіе какого-то сладострастія отразилось на его лицѣ. Здѣсь его сила, могущество, здѣсь его все... Онъ, человѣкъ безъ страстей, въ цѣломъ мірѣ любитъ только вотъ это,—эти пачки, по которымъ рука его теперь проходила ласково и нѣжно, точно онъ касался теплой и атласной руки любимой женщины... Онъ жмурился, представлялъ себѣ, что денегъ этихъ нѣтъ, и опять открывалъ глаза, улыбался, видя ихъ здѣсь передъ нимъ на мѣстѣ... Да, да, вотъ онѣ, вотъ, ихъ никто не отниметъ отъ него, никто... Это частичка его колоссальнаго состоянія. Оно должно рости и будетъ рости. Сегодняшній день онъ проведетъ съ ними, какъ аскетъ-монахъ съ своими реликвіями. Сегодня онъ не могъ отказать себѣ въ этомъ наслажденіи... А завтра, завтра его увидятъ на биржѣ,—рѣшительнымъ, смѣлымъ, предпріимчивымъ, находчивымъ, геніальнымъ, какъ полководецъ передъ арміей... О, ему нуженъ успѣхъ. Онъ столько лѣтъ отказывалъ себѣ во всемъ—искалъ его, мечталъ о немъ. Другіе въ это время вкусно ѣли, сладко и пьяно пили, увлекались искусствомъ, театромъ, путешествовали, любили женщинъ и были любимы ими; у него, у этого бѣлобрысаго, безцвѣтнаго человѣка, ничего подобнаго не было. Онъ ѣлъ

и не замѣчалъ, что́ ѣстъ, пилъ чужіе шниты, когда его угощали, не зналъ никакихъ развлеченій, не любилъ и не былъ любимымъ. У него не было двухъ боговъ. Онъ служилъ только одному, одному... И теперь онъ одинъ здѣсь на одинъ, лицомъ къ лицу съ своимъ божествомъ. Святой Антоній, протягивавшій руки къ явившемуся ему Христу-Младенцу, едва ли испытывалъ такое состояніе.

Неизвѣстно, до какихъ поръ просидѣлъ бы Альбертъ Вильгельмовичъ, еслибы въ дверь къ нему не постучали. Онъ вздрогнулъ, заозирался, какъ разбойникъ, пойманный съ поличнымъ, быстро, жадно, захватилъ пачки бумагъ и денегъ, безпорядочно, торопливо, порывисто сталъ ихъ совать въ портфель, заперъ его и только тогда отозвался: кто тамъ?..

— Кучеръ спрашиваетъ, когда поѣдете!— послышался чей-то басъ за дверью.

Онъ отомкнулъ ее. Одинъ изъ мордастыхъ швейцаровъ былъ передъ нимъ, другой мелъ контору вдали.

— Какіе звѣри!—подумалъ про себя Лаубе, глядя на эти ощетинившіеся баки, усы и брови...—Какіе звѣри, стоитъ имъ только кинуться на меня... и ничего не останется отъ будущаго милліонера.

Чувство невыразимаго страха охватило его... Онъ съежился и прижалъ портфель къ сердцу...

Онъ даже чувствовалъ холодъ въ колѣняхъ, и мурашки забѣгали у него по спинѣ. Онъ прошелъ немного дальше... Швейцаръ слѣдовалъ за нимъ.

— Что̀ тебѣ надо? что̀ тебѣ надо?.. Чего ты идешь за мной?..—заговорилъ онъ, оглядываясь на него.

— Пальто подать... — отвѣтилъ тотъ:— пальто подать, вашему... выскородію...

— Ахъ, пальто... пальто...—началъ успокоиваться Лаубе, самъ про себя соображая: нѣтъ, непремѣнно надо впередъ быть съ револьверомъ. Да, чтобы револьверъ всегда былъ въ карманѣ. Револьверъ слабыхъ и сильныхъ равняетъ. Съ револьверомъ онъ менѣе будетъ бояться этихъ людей...—Ты говорилъ про кучера?... Кучеръ стоитъ у подъѣзда?...

— Точно такъ. Приказалъ спросить васъ...

— А! кучеръ здѣсь, это хорошо... хорошо...— Чувство облегченія охватывало его. Разъ кучеръ здѣсь, ему ничего не посмѣютъ сдѣлать. Кучеръ вѣдь спроситъ «гдѣ баринъ», подыметъ тревогу... И городовой вонъ стоитъ. Онъ видитъ городового въ окно. Это отлично, что городовой здѣсь... Все-таки швейцаръ испугается и городоваго, и кучера. Онъ вѣдь хорошо помнитъ разные случаи изъ уголовной практики... Фонъ-Зонъ вотъ былъ... его изрѣзали и въ кускахъ переслали какъ багажъ по

желѣзной дорогѣ... Во Франціи одинъ милліонеръ исчезъ, оказалось, что собственный конторщикъ убилъ его... А потомъ и гипнозъ... Онъ ужасно боится гипноза. Стоитъ только гипнотизеру подойти, усыпить и внушить ему: отдай деньги, а самъ забудь о нихъ и обо мнѣ. И онъ отдастъ и забудетъ, совсѣмъ забудетъ... И тогда все погибло... И по мѣрѣ того, какъ безпорядочно эти мысли тѣснились въ его головѣ, онъ все сильнѣе и сильнѣе охватывалъ свой портфель... Пыль стояла въ конторѣ... Сумерки уже охватывали ее...

— Прикажете подать? — послышалось за нимъ. Онъ оглянулся. Швейцаръ стоялъ наготовѣ съ пальто въ рукахъ.

«Онъ станетъ подавать... Руки его будутъ вокругъ моей шеи, стоитъ ему только сжать ихъ—и я даже не крикну. Какъ это ужасно, неосторожно, ужасно-неосторожно оставаться одному!..»—И помимо ужаса, чувство физической боли охватывало его, когда швейцаръ натягивалъ ему теплое пальто въ рукава... «Вотъ, вотъ сейчасъ же задушитъ»...

Только выйдя на крыльцо, онъ вдохнулъ въ себя съ наслажденіемъ холодный воздухъ... Чувство безопасности опять охватило его безконечною радостью... А тутъ еще и городовой выросъ рядомъ.

— Имѣемъ честь поздравить.

«Надо быть щедрымъ теперь... Надо быть щедрымъ!» пронеслось въ сознаніи Лаубе.

Онъ вынулъ изъ кармана десятирублевку и далъ ее городовому...

Лаубе не увлекся первымъ успѣхомъ и не сложилъ рукъ. Первыя недѣли по открытій конторы его, всѣ существующія изданія были переполнены его объявленіями. На провинціальный рубль особенно Альбертъ Вильгельмовичъ открылъ такую бѣшеную и страстную охоту, что, казалось, нѣтъ такой щели, куда бы этотъ несчастный рубль могъ спрятаться отъ него. Онъ настигалъ этотъ рубль и въ волостномъ правленіи, и на погостѣ, и въ какомъ-нибудь совѣстномъ судѣ, еще существующемъ въ дореформенныхъ губерніяхъ. Даже въ монастырскія кельи опускалась эта наживка вмѣстѣ съ епархіальными вѣдомостями и всякими церковными сборниками. На наживку шли всѣ. Казалось, стоитъ только купить билетъ въ разсрочку у Лаубе, и выслать ему пять рублей, и двѣсти тысячъ въ карманѣ. Никто не задавался вопросомъ, откуда это окажется столько двѣсти-тысячныхъ выигрышей. Лаубе обѣщалъ, Лаубе говорилъ, Лаубе писалъ—довольно этого. Нельзя было купить коробку конфектъ, чтобы, открывъ крышку, не наткнуться на его объявленіе.

Вмѣстѣ съ апельсинами вы его вынимали изъ тюричка. Юмористы распространяли слухи, что повивальныя бабки извлекали ихъ вмѣстѣ съ младенцами и что первое, бросившееся въ глаза археологамъ, вскрывшимъ древнюю могилу Херсонесскаго царя, было—напечатанныя въ два цвѣта приглашенія купить у Альберта Лаубе выигрышный билетъ въ разсрочку. Онъ преслѣдовалъ васъ повсюду—въ театрахъ, въ гостиныхъ, спальняхъ; въ холодные дни раздавалъ шерстяные набрюшники съ вышитыми на нихъ объявленіями своей конторы. Онъ вступилъ въ соглашеніе съ булочниками, и тѣ продавали хлѣбъ съ вытисненнымъ горельефомъ: «Альбертъ Лаубе». Въ домахъ сумасшедшихъ уже сидѣло нѣсколько несчастныхъ, вообразившихъ себя хозяевами его предпріятія. Нельзя было купить десятка папиросъ, чтобы оттуда не выскочилъ Альбертъ Лаубе. Истеричныя женщины видѣли его на каждомъ шагу, наконецъ, нашелся даже господинъ, выкрасившійся и гриммировавшійся Альбертомъ Лаубе, какъ нашелся сынъ какого-то участковаго пристава, сдѣлавшій изъ себя по наружности А. Пушкина, хотя вовсе отъ того не поумнѣвшій. Одними конвертами съ пятирублевыми вкладами и взносами можно было запрудить Неву. Три типографіи работали неустанно на Лаубе, печатали ему промессы, анонсы,

объявленія, рекламы, квитанціи и т. под. Тѣмъ не менѣе, кружки очень крупныхъ капиталистовъ еще игнорировали его. Онъ уже появился на биржѣ, и они даже не безъ любопытства смотрѣли на свѣже-испеченнаго милліонера, но его кабинетъ пока былъ дѣвственъ отъ ихъ посѣщеній. Они не хотѣли знать Альберта Вильгельмовича, который старательно забрасывалъ ихъ своими карточками и очаровывалъ любезностью. Это очень мучило Лаубе. Ему такъ хотѣлось почтительно сидѣть у себя передъ ними, скромно ихъ выслушивать и еще скромнѣе вставлять изрѣдка и «свое умное слово». Наконецъ, ему пришла въ голову геніальная мысль. Онъ сталъ по улицамъ ловить кучеровъ всевозможныхъ крезовъ и установившихся милліонеровъ. Увидитъ такого кучера и подойдетъ.

— Послушай, любезный. Эти лошади такого-то?.. Да?.. Прекрасный выѣздъ...

При этомъ онъ протягивалъ кучеру пятирублевку. Тотъ недоумѣвая бралъ и благодарилъ.

— Вотъ что... Видишь ты вонъ тотъ уголокъ?—И Лаубе указывалъ на банкирскій домъ.

— Вижу-съ... Черная съ золотомъ вывѣска еще?

— Ну, вотъ... Всякій разъ, когда баринъ тебѣ велитъ подождать—пріѣзжай туда съ

лошадью, постой тамъ съ десять минутъ и за это ты получишь три рубля. Хоть каждый день.

— Да вамъ зачѣмъ?—разѣвалъ ротъ кучеръ.

— Не твое дѣло. Пріѣдешь и получишь три рубля... Спросятъ тебя, кого привезъ—называй своего барина. Небось, я тебя не выдамъ... Прибавь, что баринъ каждый день бываетъ у Альберта Вильгельмовича.

Кучера кланялись и благодарили. И съ этихъ поръ начался ихъ съѣздъ у крыльца Лаубевской конторы.

— Э... да Орестъ Николаевичъ заѣхалъ къ Лаубе!—разсуждалъ проѣзжавшій мимо осетръ.—Надо, значитъ, будетъ и мнѣ заглянуть!...

— Э, да Петръ Федоровичъ уже познакомился съ Лаубе,—узнавалъ Орестъ Николаевичъ лошадь и экипажъ, и кучера осетра...

Скоро, благодаря этому ловкому ходу, у Лаубе стали бывать всѣ коммерческіе тузы. Самолюбіе было удовлетворено. Его только и встрѣчали, что въ ихъ обществѣ. Никогда ничего не пившій, онъ сталъ съ отвращеніемъ глотать шампанское, для поддержки связей надо было! Скоро его стали считать своимъ дорогія кокотки. Онъ для рекламъ отбивалъ и бросалъ любовницъ у людей извѣстныхъ всѣмъ и каждому. Его начали встрѣчать съ

такими лицами, при видѣ которыхъ простыхъ смертныхъ объемлетъ священный ужасъ. Барыни большого свѣта приглашали его на ужины, обѣды, чашки чая, сами заѣзжали къ нему въ контору. И потомъ всюду кричали:

— Помилуйте—это магъ! Я ему поручила двадцать тысячъ. Онъ мнѣ черезъ недѣлю привезъ на нихъ двадцать пять. Счастливо играетъ на биржѣ.

Рѣка денегъ, струившаяся въ его контору, скоро грозила затопить всѣ кассы. Нужно было строить противу нея плотины. Почтальоны таскали ему массу повѣстокъ. Двое мордастыхъ швейцаровъ оказались безсильны остановить притокъ посѣтителей. Конторщики ходили растерянные, опечаленные.

— Ай да Лаубе. Кто могъ ожидать отъ него!—восторгался Кенигъ.

— Да,—загадочно отвѣчалъ сѣдовласый Крюдлихъ и зорко смотрѣлъ за своимъ патрономъ.

Онъ одинъ не вѣрилъ ему и подозрѣвалъ что-то. Онъ одинъ не терялъ изъ виду Альберта Вильгельмовича и изрѣдка въ своей темной конторкѣ отмѣчалъ приходившія ему въ голову соображенія.

Самыя невообразимыя салопницы носили сюда приданое своимъ дочерямъ и называли артельщиковъ благодѣтелями; старцы сюда же

таскали свои десятки «на погребеніе». «Внесъ и спокоенъ», разсуждали они. Какія-то вручившія ему десятки тысячъ старыя дѣвы, провинціальныя вдовы, дамы патронессы, пенсіонныя сироты, служили за него молебны и вынимали частицы изъ просфоры, вышивали и посылали ему съ почтою салфетки, кисеты, полотенца. Все это, никогда не ѣвшее до-сыта, все это, трепетавшее завтрашняго дня, жило надеждой на Лаубе.

Онъ уже занялъ большую квартиру, но она пока пустовала.

Къ нему мало кто ѣздилъ. Надо было найти такую приманку, чтобы весь цвѣтъ Петербурга съѣзжался здѣсь. Лаубе понималъ, что такою приманкой можетъ быть только женщина. Но откуда было ее взять: красавицы на каждомъ шагу не попадались. Онъ далъ своимъ фактотумамъ приказъ отыскать такую. Она должна умѣть faire les honneurs de la maison, должна быть прилична, хорошо образована, граціозна, кокетлива, остроумна, чужда предразсудковъ.

Это сильно занимало его. Ему нужна была такая звѣздочка, на которую стали бы всѣ любоваться, а онъ, пользуясь этимъ, плелъ бы да плелъ на вѣрняка свою тонкую паутинку.

Еще одинъ предметъ началъ раздражать Альберта Вильгельмовича.

Онъ сѣялъ повсюду недовѣріе къ Эдуарду

Поппе. Вкладчики переходили отъ старика банкира къ Лаубе десятками, а все-таки тотъ существовалъ. Данный Альбертомъ двухмѣсячный срокъ давно истекъ, а вывѣска «Эдуардъ Поппе и К°» все еще красовалась, и апоплексическій старикъ такъ же аккуратно проводилъ утра на велосипедѣ, дни въ конторѣ, вечера въ лидертафелѣ, какъ и прежде. Разумѣется, нечего и толковать о томъ, что Альбертъ Лаубе давно ему заплатилъ свой долгъ. Теперь оставались только проценты, въ видѣ разоренія гордаго банкира.

И такъ для полнаго благополучія Лаубе недоставало двухъ событій: имѣть такую писаную красавицу дома у себя, какой другой нѣтъ въ цѣломъ Петербургѣ, и посадить Эдуарда Поппе въ качествѣ простого конторщика въ свой банкъ, за уготованной тому конторкой.

V.

Эдуардъ Поппе не давалъ ему спать спокойно.

Онъ недоставалъ Лаубе для величія и уничтоженія, такъ сказать, всѣхъ счетовъ съ прошедшимъ. Всякій разъ, проходя мимо конторки въ своемъ банкѣ, онъ мечталъ видѣть за нею начисто выбритое лицо стараго своего патрона и мысленно отдавалъ ему приказа-

нія: «господинъ Поппе, извольте приходить впередъ въ свое время. Я не могу потерпѣть у себя нарушенія разъ навсегда заведеннаго порядка...» Онъ, Богъ знаетъ чѣмъ, готовъ былъ поступиться, только бы это вожделѣнное событіе случилось скорѣе. За одну такую минуту онъ заплатилъ бы нѣсколькими вкладчиками. Убѣдившись, что избраннымъ имъ путемъ ему не удастся разорить Поппе, онъ свелъ знакомство съ Сережкой Клюквеннымъ — необыкновенно приличнымъ «молодымъ», лѣтъ сорока восьми, дѣйствительнымъ статскимъ кузнечикомъ.

Клюквенный былъ спеціальною овощью петербургской дѣловой почвы.

Онъ, никогда не написавшій ни одной строки для газеты, спеціально состоялъ при литературѣ. Сережку Клюквеннаго знали всѣ. Въ редакціяхъ онъ былъ свой человѣкъ, въ загородныхъ садахъ, за кулисами театровъ—тоже. Одни его брали любезно подъ руку, другіе фамильярно хлопали ладонью по лысинѣ, третьи мимоходомъ щупали—цѣлъ у него носъ или нѣтъ. Когда-то онъ дѣлалъ чиновную карьеру и дослужился до довольно-таки виднаго положенія. Даже пріѣзжіе губернаторы искательно смотрѣли ему въ глаза и просили доложить о себѣ въ томъ или другомъ смыслѣ. Отъ того времени у Сережки остались: привычка зади-

рать голову кверху и необъятное брюхо. Въ натурѣ у Клюквеннаго не было того матеріала, изъ котораго дѣлаются сановники. Онъ и въ пріемной у министра оставался богемой, и когда, наконецъ, его за какой-то совсѣмъ неподходящій его чину и званію скандалъ попросили удалиться отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ, онъ, не долго думая, пристроился къ литературѣ. Черезъ него обработывались всевозможныя дѣла и дѣлишки. Каскадныя французскія артистки, итальянскія балерины пріѣзжали сюда не иначе, какъ съ рекомендаціями къ cher Serge Klukwenny. Шеръ Клюквенный ампошировалъ чтó могъ и потомъ леталъ отъ рецензента къ рецензенту, изъ редакціи въ редакцію — всюду лансируя рекомендованную ему особу. Посему онъ расцвѣталъ лѣтомъ и увядалъ зимою, когда каскадный жанръ обрѣтался не въ авантажѣ. Онъ совершенно какъ-то не понималъ всей гнусности своего поведенія, вносилъ развращеніе въ литературу, ловилъ маленькихъ репортеровъ, угощалъ ихъ и мимоходомъ сообщалъ имъ новости, въ распространеніи которыхъ нуждался. Садовыхъ шмелей, промышлявшихъ замѣтками въ заднихъ рядахъ газеты, и изъ «петита» никогда не выходившихъ, о «боргезѣ» и «цицеро» не осмѣливавшихъ мечтать, онъ сводилъ съ таковыми же артистками, и тѣ потомъ, подъ именами нашихъ «боже-

ственныхъ», «несравненныхъ», «знаменитыхъ» и т. д. фигурировали гдѣ слѣдуетъ. Сержъ Клюквенный, случалось, оказывалъ существенныя услуги и болѣе крупнымъ особамъ. Такъ, напримѣръ, съ нимъ сошелся Лаубе, угостилъ его у Кюба обѣдомъ, напоилъ шампанскимъ и потомъ вдругъ, наклонясь съ любезной улыбкой подъ столъ, поднялся оттуда и еще любезнѣе подалъ ему двѣ сотенныхъ.

— Вы, кажется, уронили?.. Ваши?..

Сержъ Клюквенный не растерялся, взглянулъ равнодушно и проговорилъ: «мои, но тамъ, кажется, должна быть еще одна?..» Альбертъ Вильгельмовичъ потрепалъ его по плечу и загадочно произнесъ: «вы найдете, можетъ быть, и двѣ... дня этакъ черезъ три».

— Знаете, мнѣ ваше лицо «ужасно» нравится!—замѣтилъ Клюквенный. Я очень люблю дѣловыхъ людей. Особенно, когда они говорятъ по душѣ.

Дѣловые люди поговорили по душѣ, сладко глядя въ глаза одинъ другому.

Результаты этой бесѣды были совершенно неожиданны для Эдуарда Поппе.

Кой-гдѣ, въ мелкихъ изданьицахъ, начали пропечатывать на его счетъ инсинуаціи. Никто его не называлъ по имени, никто ему еще ничего ясно не ставилъ въ упрекъ и на видъ, но онъ самъ чувствовалъ вокругъ себя какую-

то сѣть совершенно непреоборимыхъ трудностей... То и дѣло, встрѣчаясь съ нимъ, знакомые были какъ-то слишкомъ вѣжливы, старались только не задѣть его какимъ-либо неосторожнымъ вопросомъ. Онъ чувствовалъ, что кредитъ его колеблется и шатается... Вклады уплывали изъ его кассъ, чтобы черезъ Невскій проспектъ приплывать прямо въ кассы его прежняго конторщика. Чаще, чѣмъ прежде, влеталъ къ нему встревоженный и возбужденный одинъ изъ его старыхъ кліентовъ, стараясь не смотрѣть въ глаза, требовалъ свои деньги и, получивъ ихъ, съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на полъ, а потомъ, столь же поспѣшно, исчезалъ изъ банка. Эдуардъ Поппе не былъ такъ глупъ, чтобы не понять во всемъ этомъ присутствіе какой-то посторонней руки,—руки врага, и тщетно только старался доискаться, въ чемъ тутъ дѣло. Ему и въ голову не могло придти, что противъ него работаетъ Лаубе. Еще если тотъ увелъ отъ него нѣсколько конторщиковъ—это было понятно. Они пошли къ своему бывшему товарищу, съ которымъ были связаны узами дружбы. Но интриговать противъ него и человѣку, которому онъ, Поппе, никогда не дѣлалъ зла—это было свыше разума честнаго нѣмца. Заботы и волненія отразились на бѣдномъ Поппе весьма очевидно—онъ похудѣлъ, изъ трехъ традиціонныхъ во-

лосковъ онъ теперь насчитывалъ только одинъ и вечерами въ лидертафелѣ, случалось, сбивался съ такту и попадалъ въ совершенно невѣдомые регистры. На биржѣ на него начали коситься и даже его ближайшіе друзья не разъ замѣчали между собою:

— Да, нечего дѣлать, а надо сознаться: Эдуардъ начинаетъ сильно старѣть и дряхлѣть!

Онъ бы еще могъ ликвидировать свои дѣла, но послѣ фатерланда онъ больше всего на свѣтѣ любилъ свою контору и передать ее въ чужія руки считалъ святотатствомъ. Она должна была умереть съ нимъ вмѣстѣ. Никто другой не войдетъ въ нее хозяиномъ... Разъ какъ-то онъ встрѣтился съ Лаубе. Тотъ шелъ, весело напѣвая что-то и ясно глядя на него.

— Здравствуйте, сосѣдъ!—меланхолически протянулъ ему руку Поппе.

Альбертъ схватилъ ее своими обѣими и изогнулся такъ, точно онъ былъ еще конторщикомъ, а тотъ оставался его патрономъ.

— Ну, какъ ваши дѣла? Я слышалъ вы идете въ гору?

— Да, жаловаться не могу... Думаю вскорѣ даже ограничить притокъ вкладовъ. Буду платить меньше процентовъ. Я слышалъ, что и у васъ продолжается отлично... Впрочемъ, чему же удивляться, такая старая, почтенная фирма,

пережившая сотни краховъ... какъ скала посреди бурнаго моря.

И лукавая улыбка пробѣжала по лицу Лаубе.

Поппе не замѣтилъ этого и нахмурился.

— Знаете, откровенно говоря, я не доволенъ. Не знаю, что̀ случилось, но самые крупные кліенты уходятъ отъ меня... Разумѣется я выдержу, но мои убытки громадны. Я бы не сказалъ это другому, но вамъ, моему другу. человѣку, которому я имѣлъ возможность оказать когда-то небольшую ислугу...

Альберта Вильгельмовича передернуло: «О, я возвращу ее тебѣ съ процентами». Но онъ тотчасъ же принялъ добродушный тонъ и небрежно проговорилъ:

— Знаете... Если вамъ когда-нибудь понадобятся деньги... Въ нашей профессіи вѣдь случается это, — я надѣюсь, вы ни у кого, кромѣ меня, не возьмете... Я былъ бы оскорбленъ, еслибы вы поцеремонились со мною. Я весь къ вашимъ услугамъ.

Поппе горячо пожалъ его руку. По порывистости, съ которою онъ сдѣлалъ это, Лаубе понялъ, что его предложеніе пало на подготовленную почву. Вѣроятно, Поппе самъ уже подумывалъ объ этомъ.

— Да, да, я весь, весь къ вашимъ услугамъ.

Когда они разстались, Лаубе смотрѣлъ долго вслѣдъ Поппе.

Тотъ шелъ понурившись, останавливался и даже разъ или два заговаривалъ вслухъ самъ съ собою и жестикулировалъ.

— Ну, нашъ старикъ плохъ! — уронилъ Лаубе, войдя въ свою контору и встрѣтясь съ Крюдлихомъ.

— Какой старикъ?—обидѣлся тотъ, принявъ это на свой счетъ.

— Я говорю про Эдуарда Поппе... Вы купили его векселя?.. Да? Очень вамъ благодаренъ...

Еслибы Лаубе видѣлъ, какимъ полнымъ ненависти взглядомъ проводилъ его Крюдлихъ, онъ бы не сидѣлъ съ такимъ безпечнымъ видомъ у себя въ кабинетѣ. Не успѣлъ онъ, впрочемъ, еще привести въ порядокъ свои мысли, какъ ему доложили, что его ожидаетъ Федоровъ, который когда-то доставилъ ему свѣдѣнія о Кутяпкѣ.

— Ахъ, — оживился Лаубе, — Федоровъ — просите его сюда.

Федоровъ значительно измѣнился послѣ того, какъ мы его видѣли въ послѣдній разъ. Во-первыхъ, благодаря подачкамъ Альберта Вильгельмовича, онъ пріодѣлся и высматривалъ теперь довольно почтеннымъ рантье. Во-вторыхъ, взглядъ его принялъ нѣкоторую самоувѣренность, въ-третьихъ, онъ уже не кланялся такъ низко и не смотрѣлъ въ глаза искательно, пособачьи.

— Ну-съ?.. Ну съ — по-нѣмецки орѣхъ!— спросилъ и самъ съострилъ надъ собой Лаубе.— Чтó скажете?

Федоровъ, молчаливый по природѣ, протянулъ къ нему листъ, на которомъ значилось:

«Леокадія Леонтьевна Здѣхонская, девятнадцати лѣтъ, кончила Елизаветинскій институтъ въ Москвѣ. Ея родители: Леонтій Непомуковичъ Здѣхонскій, служащій въ N банкѣ. Жалованья получаетъ 1,200 рублей при казенной квартирѣ. Нуждается. Мать, Матильда, изъ варшавскихъ нѣмокъ. Была гувернанткой прежде. Рижская уроженка».

— Вы сами видѣли эту Леокадію?

— Да-съ... Самъ... Своими глазами-съ.

— И что же-съ?.. — впадалъ патронъ въ тонъ своего фактотума.

— Особа весьма добропорядочная-съ. Полагаю, что больше всѣхъ прочихъ достойная.

— Красива?

— Даже до ужастей!.. Равнодушно смотрѣть невозможно. До-бѣла! вотъ какъ.

— Блондинка?

— Брюнетка-съ, съ синими глазами...

— Чтò такое ея мать?.. Чтò она любитъ?..

— Больше всего-съ выигрышные билеты 1-го займа.

Лаубе усмѣхнулся. «Вкусъ довольно рас-

пространенный»!—замѣтилъ онъ про себя.—А ея отецъ?

— Ужасно гордъ, но и у него есть мечта.

— Какая?

— «Майонтекъ подъ Радомомъ». «Еслибы мнѣ, говоритъ, майетность подъ Радомомъ—я бы умеръ спокойно».

— А съ самой Леокадіей вы говорили?

— Какже-съ. Испытывалъ чувства. Онѣ о замужествѣ не мечтаютъ. Я, говоритъ, достаточно навидалась какъ мой «тата» съ «мамой» бились и нуждались. Она больше всего, осмѣлюсь доложить, любитъ бриллiанты и даже такъ, что до тошноты.

— Какъ это до тошноты?—не понялъ Лаубе:—объясните пожалуйста.

— Такъ-съ. Какъ, говоритъ, увижу бриллiанты, такъ у меня сейчасъ голову закружитъ, закружитъ и сдѣлается здѣсь вотъ,—показываетъ подъ ложечку—тошно. Я бы, кажется, за бриллiанты способна была человѣка убить.

— Ну, а такъ... остроумна, мила, кокетлива?

— До нестерпимости... даже мелькаетъ въ глазахъ. Смотришь и думаешь: откуда ее такъ? Столь она на этотъ самый предметъ натаскана, что всѣ молодые банковскiе чиновники ходятъ отъ нея какъ бы въ обомлѣнiи.

— Гдѣ же ее можно увидѣть?—задумался Лаубе.

— У родителей...

— Ну... Это слишкомъ быстро – сейчасъ-же, не разсмотрѣвъ ее, ѣхать къ родителямъ. Гдѣ она бываетъ?

— А бываетъ она для собственнаго развлеченія и легкихъ танцевъ въ *** клубѣ. По средамъ.

— Вотъ это именно то, что̀ мнѣ надо. Достаньте мнѣ билетъ въ этотъ клубъ.

— Готово-съ. Я ужъ заранѣе подумалъ.—И онъ вынулъ изъ портмоне красный билетикъ.

— Вы, Федоровъ, золотой человѣкъ,—похвалилъ его Лаубе, пряча билетъ къ себѣ.

— Помилуйте, наше дѣло стараться для патроновъ, кои насъ цѣнятъ и благодарятъ по заслугамъ. А въ *** клубѣ въ эту среду балъ въ характерныхъ костюмахъ, и барышня Здѣхонская будетъ исполнять,—вотъ не угодно-ли афишка,—испанскую качучу въ греческомъ костюмѣ изъ «Прекрасной Елены».

— Вотъ возьмите...—И Лаубе бросилъ ему радужную. Федоровъ поймалъ ее на лету и отошелъ къ двери.

— Больше никакихъ приказаній не будетъ?

— Да, съѣздите къ Штокфишу и спросите—нѣтъ-ли у него векселей къ Поппе.

— Слушаюсь,—поклонился тотъ.

— И вообще подъ руками распространяйте, что у меня много его векселей и я продамъ ихъ съ уступкой.

Когда Федоровъ ушелъ, Лаубе задумался: «Ну, съ этой Рижской мамашей — покончить легко... И съ «татой» тоже. А вотъ съ дочерью? Я по этой части не мастеръ!»

Въ *** клубѣ былъ костюмированный балъ. Никогда еще не посѣщавшій никакихъ клубовъ, Лаубе не зналъ, когда надо пріѣхать, и разумѣется, явился слишкомъ рано. Въ прихожей висѣло только нѣсколько шубъ; въ верху было пусто, и онъ, скучая, проходилъ изъ японской гостиной въ большую бѣлую залу, оттуда въ столовыя, гдѣ два-три врача въ военной формѣ, съ орденами, пили чай. Потомъ Лаубе увидѣлъ, что комнаты начинаютъ мало-по-малу наполняться, причемъ большая часть посѣтителей оказались въ такихъ же мундирахъ, какъ и ранѣе замѣченные. Въ убранной съ большимъ вкусомъ японской гостиной уже показались нѣсколько парочекъ, прятавшихся по угламъ и разговаривавшихъ шопотомъ Лаубе всматривался въ нихъ съ недоумѣніемъ. Онъ никогда не былъ въ подобномъ же положеніи, и ихъ вспыхивавшія лица и ярко разгоравшіеся глаза казались ему странными по меньшей мѣрѣ. «Вѣрно о большихъ деньгахъ разговариваютъ», пришло ему въ голову. Мимо него прошла красавица-еврейка, съ открытыми наливными плечами и такою грудью, что даже у Лаубе глаза заискрились.

«Однако!—послышалось около него.—Этакое молочное хозяйство на рѣдкость встрѣтить! Дай Богъ каждому». Потомъ явились двѣ сестрицы, очевидно перешедшія «предѣльный» дѣвичій возрастъ. Онѣ, печально вытянувъ впередъ свои длинные носы, проходили по гостинымъ. Нѣсколько молодыхъ врачей увидѣли ихъ: «Старая гвардія въ сборѣ», замѣтилъ одинъ. Кругомъ былъ совершенно особый міръ, незнакомый Лаубе. Онъ сегодня замѣчалъ, что, помимо его интересовъ, есть другое дѣло, кругомъ кипитъ ключемъ иная жизнь. Въ большой гостиной шла болтовня. Альбертъ Вильгельмовичъ прислушивался и соображалъ, что онъ не съумѣлъ бы поддерживать ее. У него не было никого изъ знакомыхъ здѣсь. Вотъ мимо него пробѣжала прелестная блондинка съ ласковыми и шаловливыми голубыми глазками и такимъ чуднымъ ротикомъ, что Лаубе ей улыбнулся и спросилъ у стоявшаго около него врача: «Однако, сколько у васъ хорошенькихъ,—кто это?

— Это... это дочь одного врача. А хорошенькихъ у насъ, дѣйствительно, сколько угодно! И замѣтьте, вѣдь это не то, что въ другихъ клубахъ—это не улица. Это все изъ семей... Кромѣ нашего клуба, ихъ нигдѣ не увидите.

Флиртъ, очевидно, былъ въ разгарѣ. Все

ухаживало, все казалось влюбленнымъ. Красавица-еврейка опять прошла мимо.

— Какая красота!—проговорилъ Лаубе.

— Вамъ нравится?—спросилъ его врачъ.— Вотъ, батенька, погодите, пріѣдетъ Здѣхонская... Вы развѣ ее знаете?—удивился онъ, замѣтивъ, что Лаубе вздрогнулъ.

— Нѣтъ, не знаю. Только слышалъ...

— Слышать, что!.. Вы на нее посмотрите. Это настоящій цвѣтокъ...

— А вы съ нею знакомы?

— Я съ нею танцовалъ не разъ.

— Вы не откажетесь меня представить... Я Лаубе... банкиръ Лаубе.

Докторъ съ видимымъ почтеніемъ всмотрѣлся въ него.

— Тотъ самый Лаубе?..

— Да, тотъ самый, — улыбнулся Альбертъ Вильгельмовичъ, довольный произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ.—Да, именно тотъ самый.

А залы и гостиныя все наполнялись и наполнялись.

Лаубе изумлялся множеству врачей въ мундирахъ. Они слѣпили глаза. Свѣтъ электрическихъ лампъ дробился на густыхъ эполетахъ, на шитыхъ воротникахъ, на безчисленныхъ орденахъ, мягко струился серебристыми лучами по атласу женскихъ платьевъ, тепло отражался на бѣлыхъ и розовыхъ плечахъ, звѣздочками

загорался въ брилліантахъ, красными зловѣщими бликами вспыхивалъ въ рубинахъ... У Лаубе даже голова шла кругомъ съ непривычки при видѣ этого обилія тѣла кругомъ. Оно его дразнило своей роскошью и красотою! Выхоленное, казалось, горѣвшее подъ нескромными взглядами, оно мелькало впереди и по зади, справа и слѣва... Куда ни оглядывался Лаубе, всюду онъ встрѣчалъ эти плечи, розовые локти, округленные сверху руки съ ямочками и безъ нихъ... Одна нечаянно толкнула его, и онъ замѣтилъ правильныя, точно точеныя, формы ея груди, бѣлой какъ слоновая кость; другая, вся разгорѣвшаяся, лучившаяся веселостью и оживленіемъ, проходя мимо, безсознательно обдала его такимъ взглядомъ, что онъ невольно почувствовалъ какъ кровь приливала къ его щекамъ. «Неужели я до сихъ поръ почти не жилъ?» — пришло ему въ голову. Неужели мнѣ, несмотря на мои двадцать-восемь лѣтъ, все было некогда?» А въ это время раздался ритурнель, и послышался отовсюду громкій говоръ отыскивавшихъ своихъ дамъ танцоровъ. Какъ ни обыденно все это было, Лаубе не отрывался отъ нихъ глазами. Въ его чувствѣ не было удивленія. Онъ понималъ, что настолько богатъ теперь самъ, что захоти — и многое изъ того, что онъ видитъ, будетъ принадлежать ему. Онъ скорѣе смо-

трѣлъ на все съ любопытствомъ, къ которому примѣшивалось какое-то страстное удовольствіе

— Ну, что, Здѣхонская здѣсь? — спросилъ онъ у поровнявшагося съ нимъ врача, съ которымъ онъ разговаривалъ въ гостиной.

— О, нѣтъ... Она тамъ, за кулисами... Знаете гдѣ костюмированные.

Дѣйствительно, оглядываясь, Лаубе замѣтилъ, что въ толпѣ и теперь проходило нѣсколько дамъ и мужчинъ въ странныхъ костюмахъ. Мужчины были нелѣпы и всѣ казались переодѣвшимися въ табачной лавочкѣ. Зато женщины!.. Вотъ, напримѣръ, одна изъ нихъ... въ испанскомъ костюмѣ... Что за прелесть! Ярко вспыхиваютъ и томно гаснутъ ея черные глаза. Какъ красиво надъ правильнымъ и матовымъ лбомъ вьются тяжелые и блестящіе волосы. Какъ свѣжи эти губки и какъ густъ румянецъ, заливающій ея щеки... А сложена!.. Лаубе торопливо пробѣгаетъ взглядомъ по всей ея фигурѣ, точно глазами обнять ее хочетъ всю. Изъ-подъ короткой юпочки—изящныя ножки такъ хороши въ черномъ ревнивомъ шолкѣ ажурныхъ чулокъ. Въ разрѣзѣ рукава дразнитъ прелестная рука. Станъ какъ у стрекозы тонкій, такъ и гнется. Кажется вотъ, вотъ переломится... «Браво, браво!» — невольно вырвалось у Лаубе, когда она проходила мимо.

«Испанка» вспыхнула и, благодарно улыбнувшись, замѣшалась въ толпѣ.

— Да, дѣйствительно!—уже вслухъ проговорилъ онъ.—Да, дѣйствительно—сюда стоитъ заглядывать.

Танцы начались... Молодые студенты и почтенные врачи одинаково усердствовали въ этомъ отношеніи. Какой-то, судя по эполетамъ, медицинскій генералъ усердно отплясывалъ. Дамы краснѣли, волосы ихъ развивались, общее оживленіе росло, захватывая всѣхъ въ свою раздражающую атмосферу... Какою-то одуряющею волною подхватило и Лаубе.

— Неугодно ли вамъ выпить со мною стаканъ шампанскаго?—обратился онъ къ своему собесѣднику.

— О, нѣтъ... Я, знаете, пока до ужина стою за spiriti puri!..

И самъ засмѣялся своей остротѣ.

VI.

Программа вечера въ клубѣ была выполнена. Въ свое время подняли занавѣсь, за которою оказались живыя картины.

— Которая Здѣхонская?—приставалъ Лаубе къ своему собесѣднику.

— А вонъ видите, въ глубинѣ сцены!.. Вонъ, вонъ, въ бѣломъ.

Но тамъ было столько и бѣлаго, и краснаго, и желтаго, и зеленаго, и голубого, что Лаубе ничего не видѣлъ толкомъ.

Живыя картины не удались. Ихъ скверно освѣщали электрическимъ солнцемъ. Какой-то мужикъ выдвинулся изъ-за кулисъ и попалъ прямо подъ его лучъ; публика расхохоталась, но апплодировала. Вслѣдъ затѣмъ принесли сходни и уставили ихъ отъ сцены въ залу. По нимъ двинулась процессія. Народы Россіи, въ числѣ коихъ оказались, между прочимъ, и Перикола, и бабочка, и Орфей, и храбрый рыцарь Дюнуа, подъ звуки марша сошли внизъ попарно.

— Ну, теперь видите, видите?

— Ничего не вижу!—откровенно сознался Лаубе.—Рѣшительно ничего не вижу.

— Да, вотъ же. Въ костюмѣ прекрасной Елены.

Но попавшая въ число «народовъ Россіи» прекрасная Елена положительно не давалась ему—Альбертъ Вильгельмовичъ то улавливалъ что-то бѣлое и изящное впереди, то опять терялъ его изъ виду. Наконецъ, когда пары установились и начались характерные танцы, докторъ взялъ Лаубе за локти, провелъ его и поставилъ прямо передъ Здѣхонской... Лаубе

сначала показалось, что онъ видитъ сонъ. Бѣлый греческій костюмъ обрисовывалъ широкими и изящными складками красивую и сильную фигуру дѣвушки. Густые черные волосы ея едва держались, заколотые золотыми булавками и шпильками. Глаза такъ и пылали лихорадочнымъ блескомъ, отъ котораго просто жутко становилось Лаубе. Крупныя губы, полуоткрывшись, показывали двойной рядъ удивительныхъ, ровныхъ и мелкихъ зубовъ. Ноздри красиваго носа слегка вздрагивали. Волосы у висковъ завивались, надъ верхней губой тоже чуть-чуть намѣчивались они едва различавшейся тѣнью.

— Нѣтъ! Вы посмотрите на плечи!.. На плечи!

Лаубе посмотрѣлъ и почувствовалъ, что у него голова заходила кругомъ.

Лаубе сѣлъ на стулъ у стѣны и любовался каждымъ движеніемъ дѣвушки. Въ ней была грація превосходно сложившагося тѣла, каждое движеніе котораго не могло не быть прекраснымъ. Изъ-подъ бѣлаго шолка красиво рисовались ея формы, пышный станъ дразнилъ Лаубе. Онъ едва дождался, когда этотъ безконечный танецъ, съ качучами, тарантеллою окончился, и, весь вздрагивая отъ нетерпѣнія, слѣдилъ за новымъ своимъ знакомымъ, подходившимъ къ Здѣхонской.

— Поздравляю васъ, Леокадія Леонтьевна!..

— Съ чѣмъ это?—улыбалась она ему, тяжело дыша.

— Съ новою побѣдою. Видите, вонъ сидитъ на этомъ стулѣ...

— Этотъ...—И она презрительно сжала губы...—Ну, и нашли же вы... урода. Ничего на лицѣ не видно. Точно пятно!

— А вы знаете, кто этотъ уродъ, по вашему?—смѣялся врачъ, отлично понимавшій съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло.

— Ну?—полуобернулась къ нему дѣвушка.

— Самъ Альбертъ Лаубе!—И выпаливъ эту фамилію, врачъ посторонился. Дѣйствительно, эффектъ, произведенный на Леокадію Леонтьевну, былъ поразителенъ. Она живо подалась впередъ и часто, часто задышала. Глаза ея уже не отрывались отъ Лаубе...

— Этотъ... этотъ... у котораго, говорятъ, нѣсколько милліоновъ?..

— Да-съ... Угодно я вамъ его представлю?

— Я его не разсмотрѣла сразу,—рѣшилась поправиться она.—Онъ вовсе не такъ ужасенъ, какъ показался мнѣ съ перваго взгляда. Напротивъ, у него что-то есть въ лицѣ...

Но врачъ, улыбаясь, шелъ уже къ Лаубе.

Какой-то молодой человѣкъ подходилъ къ дѣвушкѣ, приглашая ее на кадриль. Но ей было не до него.

— Убирайтесь!—уже совершенно не сдер-

живаясь, отрѣзала она, вся вспыхивая и счастливая тѣмъ, что знакомый врачъ ведетъ къ ней Лаубе.

— Леокадія Леонтьевна... позвольте представить вамъ...—Она уже ничего не слышала дальше и протягивала сама руку бѣлобрысому, только въ первыя мгновенія терявшемуся человѣку. Освоясь съ своимъ положеніемъ, онъ дерзко поднялъ глаза, жадно охватилъ ими всю фигуру дѣвушки и остановился, толкомъ не зная, что̀ ему дѣлать дальше.

— Ну, Альбертъ Вильгельмовичъ, предложите руку и будьте счастливы!..

И докторъ еще болѣе грубымъ, чѣмъ его шутка, смѣхомъ проводилъ удалявшуюся отъ него парочку.

— Я васъ давно знаю!—освоилась первая Здѣхонская.

— Немудрено! — нагло пожалъ плечами Лаубе.—Меня вся Россія знаетъ.

Леокадія Леонтьевна послѣ этого почувствовала къ нему еще бо́льшее уваженіе.

— Вы не бываете у насъ въ клубѣ?—спросила она, начиная робѣть.

— Нѣтъ. Мнѣ некогда. Я только сегодня пріѣхалъ, и то для васъ.

— Что?—не повѣрила она ушамъ.

— Для васъ пріѣхалъ. Слышалъ о васъ и пріѣхалъ посмотрѣть, такая ли вы, какъ говорятъ.

— И что же?—задорно сверкнула она на него глазами.

— Вы, въ дѣйствительности, гораздо лучше. Вы меня извините, я биржевикъ... Я бы васъ котировалъ на биржѣ въ пять разъ выше нарицательной стоимости!—И довольный самъ собою, онъ громко расхохотался.

«Чего же мнѣ стѣсняться. У меня милліоны! за все, за что̀ хочу, я руками могу хвататься!» говорилъ его тонъ.

— Это что же значитъ, я не понимаю: котировать на биржѣ? Это что-нибудь нехорошее.

— Напротивъ. Сядемъ, барышня. Зачѣмъ же вы теряете брилліанты?

— Какіе?..—изумилась она.—У меня нѣтъ брилліантовъ.

— А этотъ!—и наклонясь, онъ вдругъ съ лукавымъ видомъ, какъ будто съ полу поднялъ, подалъ ей великолѣпный якорь, такъ и сверкавшій, такъ и дразнившій ея взглядъ.

— Ахъ!—воскликнула она и отшатнулась даже, безсильно стараясь рукою оттолкнуть эту такъ манившую ее къ себѣ игрушку. Въ японской гостиной никого не было. Лаубе засмѣялся.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не мое...—блѣднѣла и краснѣла она, гипнотизируемая крупными брилліантами.

— А я говорю, что ваше!—И не ожидая съ ея стороны сопротивленія, Альбертъ Вильгельмовичъ нагнулся и прикололъ ей якорь у плеча. — Посмотрите въ зеркало, какъ это красиво.

Она сорвалась съ мѣста, подбѣжала къ зеркалу и, вся горящая румянцемъ радости и счастья, любовалась.

— Послушайте,—вернулась она къ нему,— какъ же это?... За что же это?

— А вотъ за что̀!—Онъ поцѣловалъ ея руку выше локтя, она даже и не замѣтила.

— Что я скажу своимъ?..

— Скажите, что̀ хотите! Когда дарятъ такіе бриллiанты, тогда родители вѣрятъ чему угодно! – презрительно проговорилъ Лаубе.—А вы любите бриллiанты?

— Да, ужасно, ужасно люблю!..

— Ну, если вы будете умной дѣвушкой, у васъ ихъ будетъ сколько угодно.

Она широко открыла глаза, глядя на него, и вдругъ поняла или, вѣрнѣе, почувствовала, что онъ не шутитъ.

— Въ какое время вашъ папаша бываетъ на службѣ?—перешелъ онъ въ дѣловой тонъ.

— Отъ часу до четырехъ, —чуть слышно отвѣтила Здѣхонская.

— И ваша матушка въ это время дома? Отлично... Ну, такъ завтра я буду у вашей ма-

тушки... Слишите? А теперь вамъ пора танцовать, а мнѣ домой... У меня дѣла... Прощайте!—онъ взялъ ея руку и поднесъ ее къ своимъ холоднымъ и сухимъ губамъ.

— То есть «до свиданія»?—лукаво проговорила она.

Лаубе напрасно толковалъ о томъ, что онъ будетъ работать. Ему это не удалось. Всю ночь онъ промучился на своей постели. Передъ нимъ стоялъ неотступно образъ прелестной дѣвушки, такъ вызывающе смотрѣвшей ему въ глаза, сразу принявшей его подарокъ и предложеніе. «Да, это настоящая», соображалъ онъ. — Именно, настоящая. Она ему нравилась даже своей испорченностью. Ея лукавое «до свиданія» звучало въ его ушахъ какъ музыка. Будь она такъ же чиста и безгрѣшна мыслью, какъ она была чиста тѣломъ—она не произвела бы на него такого впечатлѣнія. Никогда бы не произвела! Ея задорная рѣчь, не опускавшіеся передъ нимъ глаза манили его всей прелестью своей... «Ну,—думалъ онъ,—если и мамаша такова же—тогда мое дѣло въ шляпѣ». Ему, впрочемъ, ни разу не приходило въ голову жениться на ней. Объ этомъ Лаубе не думалъ. «Глупости!» отвѣтилъ бы онъ, еслибы кто-нибудь серьезно предложилъ ему такую комбинацію. Не то чтобы уже очень пугалъ его «бракъ». Дѣло въ томъ, что

вѣдь и въ этомъ отношеніи можно «во-время остановиться» и при его средствахъ очень легко избавиться отъ какой угодно жены. Утромъ онъ заѣхалъ къ себѣ въ контору, взялъ пакетъ, заготовленный наканунѣ, и когда на часахъ его стрѣлка показывала часъ, онъ, безъ церемоніи, въ сѣромъ пиджакѣ, отправился къ мадамъ Здѣхонской. Дочь ея онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ; она весело сбѣгала внизъ, напѣвая что-то. Увидѣвъ Лаубе, она вспыхнула и остановилась.

— Куда же вы?—обиженнымъ тономъ спросилъ онъ ее.

— Я... я черезъ часъ вернусь... А можетъ быть и раньше.

— Хорошо, что вы не надѣли перчатокъ еще,—улыбнулся Альбертъ Вильгельмовичъ ея догадливости. Въ самомъ дѣлѣ, она была бы совершенно лишнею въ томъ свиданіи, которое теперь ему предстояло.

— Почему хорошо?—а въ глазахъ ея такъ и загорѣлось жадное любопытство.

— А вотъ почему. Давайте вашу рученку... Ну, вотъ такъ!—онъ поцѣловалъ ее. И не успѣла Леокадія очнуться, какъ на ея мизинцѣ уже играло брилліантовое кольцо... Она для приличія ахнула, но тотчасъ же пришла въ себя.

— Такъ черезъ полчаса, не больше, вы бу-

дете дома? Да?.. Не заставьте меня напрасно ждать

— А я зачѣмъ вамъ?—опустила она свои смѣющіеся глазки.

— Я, можетъ быть, поѣду съ вами кататься...

— Куда?—но она уже не ждала его отвѣта, а стремглавъ летѣла внизъ, счастливая и возбужденная.

Мадамъ Здѣхонская, иначе Матильда Абрамовна, изъ рижскихъ нѣмокъ, а можетъ быть и полуевреекъ, тоже, очевидно, была когда-то очень хороша собою. Теперь она растолстѣла. Разумѣется, она ждала Лаубе: этимъ объяснялся желтый чепецъ на ея головѣ, фальшивыя букольки у висковъ, громадная брошь на шеѣ, изображавшая кавалерійскую шпору. Она облачилась въ муаръ-антиковое платье и столь пышно шуршала юбками, что ея приближеніе слышалъ Альбертъ Вильгельмовичъ по крайней мѣрѣ за двѣ комнаты.

Она вовсе не оказалась слишкомъ застѣнчивою.

Лаубе началъ-было что-то несвязное, но она перебила спокойнымъ тономъ: «Дочь мнѣ сказала о вашемъ знакомствѣ вчера», и потомъ прибавила, съ слабой и томной улыбкой: «Напрасно только вы ее такъ балуете. .»

— Это вы на счетъ чего именно?—притворился тотъ непонимающимъ.

— Помилуйте, эта брошь... Ей полторы тысячи цѣна.

— И всѣ двѣ!—небрежно поправилъ ее Лаубе.

— Вотъ видите. Пустая бездѣлушка. А на двѣ тысячи сколько можно купить выигрышныхъ билетовъ,—и въ голосѣ ея послышалось что-то сладострастное и мечтательное.—Ахъ, выигрышные билеты—моя страсть!

— Позвольте, въ такомъ случаѣ, предложить вамъ, для перваго знакомства, какъ будущему моему другу,—и Лаубе вѣеромъ развернулъ передъ нею пять штукъ 1-го займа.—Пожалуйста, не стѣсняйтесь. Я такъ въ васъ люблю и уважаю мать Леокадіи Леонтьевны. И притомъ это для меня сущіе пустяки. Въ большомъ дѣлѣ и при крупномъ оборотѣ, что̀ значатъ какія-нибудь тысячи двѣ рублей!

Мамаша поняла все и даже не притворялась удивленной. Тогда Лаубе, наклонясь къ ней, сталъ вести конфиденціальный разговоръ. Его порадовало, что и она относительно замужества раздѣляла его взгляды.

— Ахъ, знаете, бракъ — это такая лотерея!.. Еще на кого нарвешься!

Съ этого момента разговоръ принялъ чисто коммерческій характеръ, причемъ мадамъ Здѣхонская почувствовала себя какъ рыба въ водѣ.

Ко времени возвращенія Леокадіи Ле-

онтьевны все уже было покончено между договаривающимися сторонами. Онѣ даже начинали тяготиться одна другою. Матильда задумывалась: о чемъ бы еще заговорить съ гостемъ, а Лаубе зѣвалъ и думалъ, скоро ли придетъ Леокадія. Дѣвушка отлично поняла положеніе вещей. При ея матери Альбертъ Вильгельмовичъ дольше удержалъ ея руку въ своей и даже цоцѣловалъ ее въ ладонь, причемъ мамаша счастливо улыбалась. Леокадія пытливо взглянула на нихъ обоихъ. Когда Лаубе оставилъ ея руку, она быстро пришла въ себя, вся красная отъ волненія. Физически чистая, она умомъ давно уже была знакома со всѣмъ на свѣтѣ, и взглянувъ на собесѣдниковъ, почти все поняла о чемъ они говорили. Изъ своей комнаты она громко крикнула: «Мама, поди сюда на минуту!» Тяжело шурша своимъ параднымъ платьемъ, Матильда пошла къ ней.

— Ну, кажется, вы тамъ обо мнѣ разговаривали?—спросила она мать, хмуря красивыя брови.

— Думаю, я не прогадала. Онъ кладетъ на твое имя въ государственный, *не въ свой*, а въ государственный банкъ пятьдесятъ тысячъ.

— Это ничего, — похвалила дочь, покраснѣвъ.—У кого будутъ находиться бумаги?

— У тебя. Мнѣ онъ подарилъ пять выигрышныхъ билетовъ. Я думаю, папа нечего разсказывать объ этомъ. Онъ слишкомъ гоноро-

венъ для этого, и этихъ псякревъ нѣмцевъ терпѣть не можетъ. Одно только я ему сообщу, что Лаубе твой обѣщалъ справиться въ Виленскомъ банкѣ, нѣтъ ли тамъ подходящаго заложеннаго майонтека близъ Радома. И въ случаѣ, если онъ обойдется не дороже пятнадцати тысячъ—Лаубе его купитъ въ подарокъ Леонтію. Гдѣ ты будешь жить первое время? Здѣсь или...

— Разумѣется или... Неужели же я останусь въ этой нищенской обстановкѣ?—И она съ отвращеніемъ оглянулась назадъ.

— Однако, ты выйди къ нему,—посовѣтовала практическая мамаша.—Я здѣсь пока позамѣшкаюсь.

Весело напѣвая, вышла къ Альберту Вильгельмовичу Леокадія, протянула ему обѣ руки; тотъ взялъ ихъ, притянулъ ее къ себѣ и началъ цѣловать въ глаза, въ губы. Она не сопротивлялась ему, только смѣялась и шутя отводила лицо отъ него, пока онъ, наконецъ, не схватилъ ее за голову.

— Леокадія,—шепотомъ заговорилъ онъ.—Поѣдемъ... тебѣ вѣдь не надо одѣваться...

— Нѣтъ... Куда только? — Она даже не замѣтила, что онъ перешелъ съ нею на ты. Или же замѣтила, но приняла это какъ должное.

— Сначала въ банкъ! Въ государственный!

Я хочу сдѣлать тебѣ маленькій подарокъ. А потомъ ко мнѣ завтракать. Ты согласна?

Она сочла нужнымъ на этотъ разъ притвориться сконфуженной и спрятала свое лицо у него на плечѣ.

— Ну, что же... Леокадія?

— Дѣлай, что́ хочешь. Что ты меня спрашиваешь!

Точно въ какомъ-то угарѣ поднялся Лаубе и, не ожидая выхода мамаши, чтобы съ нею проститься, одѣлся, дождался на лѣстницѣ дѣвушку, сунулъ горничной десять рублей и спустился внизъ.

— У меня здѣсь сани,—считалъ нужнымъ пояснить онъ.—Кузьма, подавай.

Леокадія впрыгнула въ нихъ, точно она всегда ѣздила на такихъ.

— Ты сначала заѣдешь къ себѣ?

— Нѣтъ, деньги со мною.

Ни ее, ни его нисколько не стѣсняло это. Онъ ее купилъ, она готовилась получить свою плату—вотъ и все. Это было для обоихъ—проще чего нельзя. Еслибы она вздумала сантиментальничать, это бы только стѣснило его, и онъ не зналъ бы, что́ ему дѣлать и какъ приступиться къ ней. Въ государственномъ банкѣ ихъ задержали на полчаса. Кончивъ, онъ передалъ ей чековую книжку. Она положила ее-было въ карманъ.

— Сначала посмотри. Развѣ можно безъ счету. А можетъ быть я тебя надулъ?

Она поспѣшила исполнить его желаніе. На ея имя значилось въ банкѣ 50,000 рублей.

— Ты довольна?—интересовался онъ.

Она кивнула ему утвердительно головою.

— Ну, теперь ко мнѣ, Леокадія?

— Куда хочешь!—Она стала его собственностью и не смѣла разсуждать.

— Твои вещи мама пришлетъ вечеромъ?

Она утвердительно кивнула головою. На одну только минуту ей стало грустно, это—когда они подъѣхали къ роскошному дому на Адмиралтейской набережной и она въ подъѣздѣ оглянулась назадъ. Тамъ была ея свобода, можетъ быть, любовь или, по крайней мѣрѣ, увлеченіе... Чьи-нибудь яркія молодыя очи могли ей сверкнуть привѣтомъ и ласкою издали. Она вздохнула, но, пощупавъ книжку чековъ въ карманѣ, успокоилась.

— Ты будешь жить со мною. Завтра мы разберемся и устроимся какъ слѣдуетъ. Сегодня, сама видишь, не было времени.

«О чемъ ты говоришь. Стоитъ ли о такихъ пустякахъ!» — выражалъ въ это мгновеніе ея взглядъ, устремленный на него.

Разъ перейдя за свои двери, Лаубе не счелъ нужнымъ стѣсняться съ нею. Онъ ее купилъ,—что̀ же тутъ новаго? Онъ, смѣясь, сбросилъ

пиджакъ и надѣлъ халатъ, приказалъ подать завтракъ и къ завтраку шампанскаго, потомъ схватилъ ее, точно принадлежавшую ему живую вещь, и когда она, защищаясь, протянула руки впередъ и уперлась ими въ грудь ему, Альбертъ Вильгельмовичъ отвелъ ихъ и проговорилъ только одно слово: «Глупости!»—«Ты моя теперь!»—пояснилъ онъ, немного погодя.—Значитъ о чемъ же разсуждать?.. Ни онъ, ни она не дѣлали даже иллюзій. Поваръ ихъ сегодня не ждалъ. Имъ оставалось до завтрака еще часа полтора. Онъ взялъ за плечи дѣвушку, закружилъ ее по комнатѣ, сталъ цѣловать! Все, что такъ долго сдерживалось въ его душѣ—разомъ вырывалось на свободу, грубо неудержимо! Онъ даже не справлялся—какъ ей достаются его ласки, какъ она къ нимъ отнесется? Не ждалъ чтобы она къ нимъ привыкла.

Она краснѣла, даже она чувствовала какой-то приливъ несвойственнаго ей стыда—но не смѣла мѣшать ему, отбиваться отъ него, вѣдь онъ ей заплатилъ дорого и полностью!

Сегодня вполнѣ для него былъ день удачъ.

Когда онъ часамъ къ четыремъ пріѣхалъ въ контору, Крюдлихъ предупредилъ его.

— У васъ въ кабинетѣ сидитъ и ждетъ васъ Эдуардъ Поппе. Очень чѣмъ-то разстроенъ. Два раза приходилъ.

Лаубе мгновенно преобразился. Лицо его

стало въ высшей степени любезнымъ. Равнодушное выраженіе слетѣло съ него.

— Чѣмъ могу служить?—запѣлъ онъ, входя къ себѣ и горячо пожимая руки Эдуарду Поппе.

— Вы вызывались когда-то помочь мнѣ въ трудную минуту. Такая минута настала для меня теперь.

— Въ чемъ дѣло?—И Лаубе сѣлъ противъ него.—Въ чемъ дѣло, мой добрый и дорогой другъ?

— Мнѣ надо къ завтрему сто пятьдесятъ тысячъ. Непремѣнно надо. Скажите мнѣ—можете ихъ дать, или я долженъ искать въ другомъ мѣстѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же въ другомъ мѣстѣ!—испуганно прервалъ его Лаубе.—Я сейчасъ справлюсь.—Онъ вышелъ изъ кабинета, вмѣсто всякихъ справокъ, прошелся по своей конторѣ и, вернувшись, замѣтилъ:—Сейчасъ такой суммы нѣтъ, но завтра утромъ намъ должны сдѣлать взносъ, и я къ вашимъ услугамъ.

— Вѣрно ли? Иначе... — и старый Поппе схватился за голову:—иначе мой банкъ взлетитъ на воздухъ, и я банкротъ... Вѣрно ли?

— Считайте какъ въ своемъ карманѣ!—торжественно проговорилъ ему Лаубе.

Въ искреннемъ порывѣ Эдуардъ Поппе обнялъ его и поцѣловалъ. Лаубе проводилъ его до двери, потомъ черезъ банкъ, самъ, не

позволивъ швейцару, надѣлъ на него шубу и потомъ, когда Эдуардъ Поппе вышелъ вонъ и исчезъ на улицѣ, Лаубе быстро прошелъ къ Крюдлиху.

— Завтра утромъ, если пришлетъ сюда Эдуардъ Поппе—меня нѣтъ дома, слышите ли?

— А если явится самъ?

— Все равно. Я уѣхалъ, не сказавъ ни слова, и раньше трехъ дней не вернусь. Будетъ спрашивать, не говорилъ ли я чего-нибудь—ни слова! Слышите?

Крюдлихъ молча поклонился и отошелъ къ своей конторкѣ.

VII.

На другой день Лаубе проснулся чуть свѣтъ и все былъ въ лихорадочномъ состояніи. Онъ понималъ, что Эдуардъ Поппе будетъ искать его повсюду — и страшно торопился. Леокадія Леонтьевна еще спала. Онъ ее разбудилъ. Она подняла отъ подушки свою голову, вокругъ которой разсыпались густые тяжелые волосы, и вопросительно взглянула на Альберта Вильгельмовича.

— Я хотѣлъ тебѣ приготовить сюрпризъ. Ты никогда не была на Иматрѣ?

— Нѣтъ... А что?

— Сейчасъ мы ѣдемъ туда.

— Сейчасъ... Какъ сейчасъ... Мои вещи еще не доставлены отъ мама...—И она сѣла на постель.

— Да?.. Это все равно. Тебѣ на дорогу надо немного бѣлья. Мы возьмемъ его по пути. Вотъ и все. А Иматра зимою прелестна. До Вильманстранда мы доѣдемъ по желѣзной дорогѣ, а оттуда—на лошадяхъ. Дорога прекрасная, помѣщеніе на Иматрѣ тоже отличное.

— Я боюсь, что мама очень будетъ обезпокоена. Вдругъ куда-то я исчезла, не видавшись съ нею.

— Какія нѣжности! — насмѣшливо улыбнулся Лаубе.—Если это такъ, то ты ей телеграфируешь изъ Выборга, вотъ и все. Это будетъ нашею свадебною поѣздкою. Вѣдь все равно, надо же было куда-нибудь дѣваться А на Иматрѣ теперь чудный зимній видъ и воздухъ.—И онъ самъ улыбнулся надъ собою. Что ему было за дѣло до «чудныхъ» зимнихъ видовъ, и фразу-то при этомъ онъ сказалъ не свою. Чужое вспомнилъ!

— Да... но... Я разсчитывала, что мы поѣдемъ за границу... — нерѣшительно проговорила та —За границу! Я такъ много слышала и читала.

— За границу осенью и надолго! — улыбнулся Лаубе. — Разумѣется, если у меня дѣла пойдутъ такъ, какъ они идутъ теперь. И очень

надолго. Ты любишь Россію?.. Ну вотъ, что́ бы ты сказала, еслибы я, впослѣдствіи разумѣется, всѣ свои дѣла перенесъ куда-нибудь вдаль?

— Я бы ничего не сказала. Я твоя, слѣдовательно, дѣлай какъ хочешь.

Лаубе мысленно поставилъ ей пять балловъ и рѣшилъ по возвращеніи изъ Иматры сдѣлать ей дорогой подарокъ.

Эдуардъ Поппе всталъ очень рано. Сегодня былъ для него роковой день. Переживи онъ его благополучно—дѣла поправятся и контора его опять пойдетъ. Одному настойчивому вкладчику, соображалъ онъ, надо непремѣнно выдать болѣе двухсотъ тысячъ. У него не хватаетъ ста пятидесяти. Хорошо еще, что Лаубе (благородный Лаубе!) обѣщалъ ему непремѣнно!.. Это успокоило старика. Его домъ, его контора выдержитъ послѣдній ударъ такимъ образомъ — и на всѣхъ парахъ опять пойдетъ впередъ!.. Впередъ. О, онъ еще дождется своего тридцатилѣтняго юбилея. Тридцать лѣтъ безупречной жизни — это цѣлый вѣкъ для банкира. Сколько на его глазахъ лопалось ихъ, какъ пузыри на водѣ. Каждый разъ общество волновалось, газеты шумѣли, вкладчики и кредиторы кричали «караулъ»! — и спустя нѣкоторое время на старомъ мѣстѣ открывалась новая западня, и новыя толпы легкомысленныхъ

дураковъ несли туда кровныя сбереженія, деньги. Къ этимъ крикамъ Поппе давно присмотрѣлся. Одна его контора стояла (какъ это выразился Лаубе—кажется: какъ утесъ посреди океана!..), да, именно какъ утесъ. Грозы и бури налетали на нее, волны громили, а она презрительно относилась ко всему. Берлинскіе банки, связанные съ нею, лопались. Поппе не прекращалъ платежей. Война, точно ураганъ, подхватила и унесла съ собой до пяти самыхъ прочныхъ банковыхъ домовъ. Была минута, когда и Эдуардъ Поппе задрожалъ. Но счастье выручило, и его банкирскій домъ вышелъ изъ этого испытанія еще солиднѣе и могущественнѣе. Довѣріе къ нему послѣ того возросло. Онъ чуть не гналъ отъ себя вкладчиковъ. Ему уже не надо было ихъ. Но эти послѣдніе два мѣсяца!.. О, они страшно измучили его. Что̀ такое случилось? Онъ не понималъ ничего. Чувствовалось только, что кто-то противъ него работаетъ, работаетъ во всю. Онъ былъ слишкомъ гордъ, сначала только презрительно улыбался. Первый ушелъ Ахвердовъ безъ объясненія причинъ, за нимъ потянулись другіе. Ему хотѣлось вознаградить потерю, онъ сталъ рисковать на биржѣ. Дѣло не выгорало: или неудача его преслѣдовала, или онъ старъ сталъ—только разсчеты его оказались невѣрны. Онъ потерялъ массу денегъ. Ликвидируй онъ

наканунѣ, у него былъ бы милліонъ пожалуй— теперь ему грозилъ большой минусъ. Закрой банкъ сегодня — онъ, Поппе, оказался бы на мостовой жалкимъ нищимъ. Нищимъ! Жребій нищаго былъ бы завиденъ для него. Нищій— не запятнанъ. А прогорѣвшій банкиръ — кто его не потащитъ на скамью подсудимыхъ! Вотъ его конецъ! Выдержи онъ эту недѣлю, да,— онъ опять милліонеръ. Дѣла такъ расположились. Онъ, разумѣется, наверстаетъ свое. А сорвись сегодня, откажи ему вчера Лаубе (благородный Лаубе! — опять подумалъ про себя Эдуардъ Поппе) — и онъ банкротъ! А банкротства ему, старому Эдуарду Поппе, не выдержать, нѣтъ, не выдержать. Ну, да слава Богу, все случилось такъ, какъ онъ хотѣлъ. Онъ дотянетъ до тридцати лѣтъ, отпразднуетъ юбилей своего дома и закроетъ его, потому что ему некому передавать своей конторы. Родныхъ никого. А продать ее—ни за что! Дочерей не продаютъ честные люди, а она — его дочь.

Эдуардъ Поппе выбрился начисто, сѣлъ за кофе и сталъ пробѣгать газеты.

Опять на него намеки. Онъ уже привыкъ къ этому. Онъ презрительно швырнулъ прочь нѣмецкій листокъ и прошелся по комнатѣ. Кто бы это работалъ противу него? У кого онъ сталъ на дорогѣ? Враговъ у него не было, онъ

никому не сдѣлалъ зла, никому рѣшительно. Напротивъ, когда могъ, онъ, даже теряя самъ, старался помочь другимъ.

Пробило одинадцать часовъ. Пора было ѣхать къ Лаубе за деньгами.

Старикъ вышелъ. Онъ уже давно не держалъ лошадей. Его личныя привычки были очень скромны. Вся роскошь, какую онъ допускалъ, заключалась въ бутылкѣ хорошаго краснаго вина за обѣдомъ. Дальше онъ не шелъ.

Онъ нанялъ извозчика. Тотъ живо довезъ его до конторы Лаубе.

— Да, ростетъ Лаубе, ростетъ, — думалъ старикъ, не безъ горечи сравнивая массу народа въ конторѣ своего бывшаго клерка съ пустынею, которую за послѣднее время представлялъ его банкирскій домъ... — Ростетъ Лаубе, ростетъ. Ну, что же,—успокоивалъ себя старикъ. — Пускай! Молодому надо... Пусть смѣло идетъ впередъ.

— Альбертъ Вильгельмовичъ у себя?—спросилъ онъ у Кенига.

Тотъ удивился, посмотрѣлъ внимательно на Эдуарда Поппе. Очевидно, здѣсь въ конторѣ были предупреждены на его счетъ.

— Я ей Богу не знаю... Надо пойти справиться...

Пошелъ и пропалъ. Эдуардъ Поппе замѣ-

тилъ вдали сѣдую бороду и почтенную лысину Крюдлиха и направился къ нему.

— Здравствуйте, товарищъ, — улыбнулся онъ старику, чуть ли не съ самаго основанія его конторы работавшему у него. — Что, Альбертъ Вильгельмовичъ пріѣхалъ?

Крюдлихъ съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ его, не могъ отдѣлаться отъ чувства какой-то неловкости всякій разъ, какъ встрѣчалъ своего прежняго патрона.

— Нѣтъ... Альберта Вильгельмовича нѣтъ... —отвелъ онъ отъ него свои глаза.

— Скоро, значитъ, пріѣдетъ... Я пойду къ нему въ кабинетъ и подожду. Мнѣ надо.

— Вы напрасно будете ждать... У Альберта Вильгельмовича оказалось какое-то спѣшное и важное дѣло... очень спѣшное и очень важное. Онъ выѣхалъ на три дня изъ города.

Эдуардъ Поппе заметался.

— Выѣхалъ... куда выѣхалъ?.. Вы не знаете?.. Онъ не могъ выѣхать.

— Выѣхалъ... Куда—не знаю. Онъ ничего не сказалъ... Можетъ быть дома распорядился.

— А здѣсь, здѣсь .. Онъ ничего не оставилъ мнѣ?..

Эдуарду Поппе казалось, что полъ подъ нимъ вертится. Онъ схватился за перила, отдѣлявшія его отъ Крюдлиха, и такъ вцѣпился въ нихъ, что подъ ногтями почувствовалъ боль.

— Онъ ничего не оставлялъ мнѣ?—уже шепотомъ переспросилъ онъ.

— А развѣ онъ долженъ былъ оставить?..—И Крюдлихъ удивленно поднялъ свои сѣдыя брови.

— Да, деньги! Онъ обѣщалъ мнѣ сегодня полтораста тысячъ.

— Ни слова! Онъ не сказалъ мнѣ ни одного слова.

— И ордера не давалъ?

— Никому... Я бы зналъ... Мимо моихъ рукъ это не могло пройти... Можетъ быть есть письмо къ вамъ въ кабинетѣ.

Крюдлихъ самъ пошелъ туда. На столѣ ничего не оказывалось.

— Какой я дуракъ... Можетъ быть онъ отъ себя послалъ ко мнѣ!.. Разумѣется, Лаубе хотѣлъ быть вѣжливымъ.

И Эдуардъ Поппе, простившись со старикомъ, пріѣхалъ къ себѣ въ контору.

— Никто и ничего не приносилъ мнѣ отъ Лаубе?

— Никто!.. Тутъ явился вкладчикъ, вчерашній. Ему слѣдуетъ 210,600 рублей...

— Да... да... Сейчасъ, сейчасъ—растерянно заговорилъ Поппе. — Сейчасъ, сейчасъ... Я поѣду къ себѣ. Деньги отъ Лаубе вѣрно тамъ ждутъ меня. Навѣрное такъ...

Но съ дороги бѣдный Эдуардъ Поппе,

подъ вліяніемъ внезапно пришедшей ему въ голову мысли, вдругъ приказалъ свернуть на улицу, гдѣ жилъ Альбертъ Вильгельмовичъ. Извозчикъ ему попался бойкій, тѣмъ не менѣе онъ страшно торопилъ его. Ему казалось, что дѣло зависитъ отъ каждой лишней минуты, которую онъ терялъ по пути. У старика была одышка, но онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ, какъ юноша, и передъ дверью Лаубе почувствовалъ, что у него кружилась голова и что ему тошно. Онъ нервно позвонилъ. Лакей зналъ Поппе...

— Гдѣ баринъ?.. И дайте мнѣ, ради Бога, сейчасъ стаканъ воды только. Лакей, не отвѣтивъ ему, бросился исполнять приказаніе. Банкиръ пошелъ за нимъ. Въ комнатахъ нигдѣ Лаубе не было. Жадно проглотивъ воду, онъ повторилъ свой вопросъ.

— Они уѣхали сегодня утромъ... Такъ, въ девять часовъ... тронулись...

— Уѣхалъ... Сейчасъ пріѣдетъ значитъ?

— Нѣтъ-съ, они съ чемоданомъ .. На три дня—сказывали. Будутъ не иначе, какъ во вторникъ.

Поппе схватился за голову... «Неужели гибель?» — въ первый разъ мелькнула въ его соображеніи ужасная истина. — «Неужели гибель?..» Онъ, впрочемъ, скоро овладѣлъ собою. Странное спокойствіе охвати-

ло его. Онъ сѣлъ въ кресло, чтобы собрать мысли.

— Альбертъ Вильгельмовичъ не оставилъ ничего мнѣ? Ты вѣдь знаешь меня.

— Какже-съ... Они передъ самымъ отъѣздомъ послали къ вамъ. Вы вѣрно разошлись съ нашимъ человѣкомъ... Конвертъ—вамъ.

— Да, вотъ что!—обрадовался Поппе, но тотчасъ же опять, блѣдный, упалъ на стулъ.

«Разумѣется ничего хорошаго, ну кто же изъ дѣловыхъ людей будетъ посылать съ «человѣкомъ» такую сумму! Впрочемъ, можетъ быть въ конвертѣ лежитъ ордеръ на его контору. Разумѣется ордеръ. Неужели я такъ разстроился,—неужели въ самомъ дѣлѣ я до такой степени самъ струсилъ, что могъ заподозрѣть моего Лаубе, моего добраго, благороднаго Лаубе!..

Онъ быстро ушелъ внизъ. Тотъ же извозчикъ ждалъ его. Эдуардъ Поппе поѣхалъ домой.

Дома на столѣ его кабинета, дѣйствительно, лежалъ конвертъ отъ Лаубе. Поппе взялъ его дрожащими руками и разорвалъ. Оттуда выпалъ не ордеръ, а письмо на нѣмецкомъ языкѣ. «Многоуважаемый господинъ патронъ!.. Съ почтеніемъ и грустью пишу вамъ сіи печальныя строки. Лицо, обѣщавшее внести мнѣ сегодня деньги, которыми я считалъ себя въ правѣ

располагать, увѣдомило меня передъ самымъ моимъ отъѣздомъ, что взносъ этотъ оно можетъ произвести не ранѣе какъ черезъ двѣ недѣли... Я бы заѣхалъ къ вамъ лично, но дѣла требуютъ моего отъѣзда изъ Петербурга на три дня. Мнѣ весьма совѣстно, что я не исполнилъ обѣщанія, я досадую не за васъ, а за себя. Такъ пріятно быть полезнымъ тѣмъ, кого отъ всего своего сердца любишь и почитаешь, какъ отца—вамъ, разумѣется, все равно: ваша контора пользуется такимъ огромнымъ довѣріемъ, что вы эту пустяшную сумму найдете сейчасъ; но мнѣ было бы такъ лестно, такъ радостно, именно мнѣ, нѣкогда вамъ столь обязанному—выручить васъ при такомъ пустомъ затрудненіи я въ отчаяніи, дорогой мой учитель... Я въ отчаяніи—но обстоятельства оказались сильнѣе меня...»

Дальше уже не читалъ Поппе.

Строки перепутались въ его глазахъ какими-то узлами, буквы казались разноцвѣтными, и каждая отдѣльно отъ другихъ вращалась, прыгала и разсыпалась... какія-то искры летали передъ нимъ... Онъ безсильно опустился въ кресло... Лакей, слѣдовавшій за нимъ, бросился за водою и брызнулъ ею на барина.

— Нѣтъ, ничего,—бормоталъ тотъ ему.— Ничего не надо... Все, все хорошо... Все хорошо... Да... Только вотъ... вотъ это письмо...

Неужели же?... Онъ, Лаубе, онъ, благородный Лаубе, написалъ его... Ложь сквозила въ каждой строкѣ... Ложью былъ пропитанъ этотъ тонкій листокъ почтовой бумаги. Ложью, подлою ложью... Нѣтъ, теперь некогда страдать. Некогда... Мучиться — значитъ терять время, а время дорого, страшно дорого... Теперь надо во что бы то ни стало достать эти проклятыя сто-пятьдесятъ тысячъ! Именно проклятыя. Еслибы еще нѣсколько дней назадъ знать это. Еслибы Лаубе его не обнадежилъ... Онъ бы могъ воспользоваться этимъ временемъ, а теперь, гдѣ взять?... Кто дастъ ихъ? И при этомъ надо быть покойнымъ, равнодушнымъ. Если онъ пріѣдетъ разстроенный, смущенный, онъ не достанетъ и десяти тысячъ. Денежные люди чутки, слишкомъ чутки. Надо шутить, улыбаться. Говорить обычнымъ небрежнымъ тономъ... Да, именно — обычнымъ, небрежнымъ тономъ...

— Дай мнѣ краснаго вина! Скорѣе только!..

Лакей бросился исполнять его приказаніе. Поппе вошелъ въ спальню и облилъ свою голову холодною водой. Это его освѣжило, если не успокоило. Потомъ онъ выпилъ стаканъ лафиту. Вино ему немного ударило въ голову,—онъ тотчасъ же ободрился. Энергія опять нежданно вернулась къ нему. Онъ выпилъ еще—и ему показалось, что не все еще поте-

ряно, что онъ поправитъ дѣла. Взявъ свою записную книжку, онъ намѣтилъ къ кому заѣхать.

— Я дома обѣдать не буду!—обернулся онъ ужъ въ дверяхъ своей квартиры.

— Слушаю-съ. Если кто придетъ, что̀ прикажете сказать?

— Буду вечеромъ! Больше ничего...

«Ну, Эдуардъ Поппе, теперь выручай себя,— подбодрялъ себя старикъ.—Помнишь, какъ точно такъ же пошатнулись твои дѣла въ 1877 году, передъ объявленіемъ войны—и ты цѣлый день рыскалъ по Петербургу. Положимъ, тогда былъ живъ Шпельманъ—и онъ выручилъ. Ну да и теперь авось... Вѣдь двадцать-семь лѣтъ честнаго и безупречнаго существованія банкирскаго дома тоже чего-нибудь да стоятъ. Будь это за границей—я бы и хлопотать не сталъ. Тамъ кредитъ легокъ. Здѣсь—иное дѣло, въ этой дикой странѣ!...» Даже въ эти роковыя минуты онъ не могъ отрѣшиться отъ своей нелюбви къ Россіи и всему русскому.

— Да, да... Въ 1877 году было хуже, гораздо хуже! Было такъ скверно—теперь нѣтъ никакого сравненія..:

Но сравненіе оказалось возможнымъ!

Въ первомъ же мѣстѣ, куда онъ заѣхалъ—одинъ изъ его старыхъ друзей, въ отвѣтъ на просьбу, вѣжливо пригласилъ его въ кабинетъ, поблагодарилъ за довѣріе и... отказалъ.

Дома за послѣдние дни не шли. Лаубе перебивалъ у всѣхъ доходу. Лаубе предложилъ слѣдующія такія условія, какихъ нѣмецкіе банкирскіе дома не могли выдержать. Хуже стрелится Лаубе, на чемъ онъ проситъ свои разсчеты—не зналъ обманщикъ Эдуардъ. Лише не дѣятельности Альберта. Вильгельмовичъ былъ всегда слишкомъ ровенъ—приходъ денегъ прекратился. Выгодныя закладныя нѣтъ. Закладныя все одинъ и тотъ же. Если онъ сидѣлъ въ одномъ мѣстѣ и перебрался въ другое—новаго не изобрѣсть, не сдѣлать. Новые условія не дано.

Въ другомъ мѣстѣ еще Лише и тотъ же сказалъ какъ говорилъ, смущенный и растерянный какъ растерянный до того, что не замѣчалъ состоянія гостя, вдругъ обратился къ нему.

- Эдуардъ, тебя посылаетъ самъ небо. Я въ отчаянномъ положеніи. Ты меня знаешь, не можешь ли дать мнѣ, за какихъ тебѣ угодно процентовъ, пятьдесятъ тысячъ?

Бѣдность Эдуарда Лише стала сидѣть.

Въ третьемъ домѣ его приняли тоже съ разнообразными объятіями, но не хотѣли вѣрить сначала, что его домъ, домъ Э. Лише, нуждается въ деньгахъ, и когда повѣрили, то, сдѣлавъ перемѣнивъ тонъ, очень сухо отказали. Въ четвертомъ—не было дома никого, въ па-

томъ—бѣдному старику выразили самое горячее соболѣзнованіе, но денегъ не дали. Въ слѣдующемъ—Поппе всходилъ на лѣстницу уже съ смутнымъ ужасомъ въ душѣ,—еще двѣ попытки—и къ этому ужасу въ первый разъ присоединилось сознаніе полной безнадежности. Въ послѣднемъ мѣстѣ, куда онъ направился, старикъ даже не кончилъ своей просьбы и разрыдался, какъ ребенокъ. Но и тутъ результатъ былъ тотъ же. Всѣ ему вѣрили, всѣ его знали—только никто не далъ денегъ. Ни у кого ихъ не было! Только-что состоялась подписка на какой-то заемъ... Всѣ свободные гроши пошли туда, въ кассахъ не оказывалось суммы, необходимой Эдуарду Поппе. А у кого такія и еще бо̀льшія суммы были, тѣ благоразумно отказывались входить въ какое бы то ни было соглашеніе съ нимъ—съ Эдуардомъ Поппе. Одинъ даже не поцеремонился сказать ему: «Ну, батюшка, вы уже стары, вамъ пора закрывать лавочку. Въ самомъ дѣлѣ—не до гробовой же доски работать. Набили себѣ зобокъ и будетъ съ васъ...»

Когда Эдуардъ Поппе вернулся къ себѣ домой—было уже два часа.

У него сидѣлъ весь блѣдный и встревоженный его управляющій.

— Ну, что еще?... (ничего пріятнаго уже не ждалъ старикъ).

— Невозможно сидѣть въ конторѣ... Вкладчики бунтуютъ. Шумъ. Одинъ даже приводилъ полицію составлять протоколъ.

«Полиція въ его домѣ, полиція у него... У него, у Эдуарда Поппе составили протоколъ!»

Это, точно электрическій ударъ, подняло его на ноги, гальванизировало его упавшія силы.

— Сейчасъ ѣду на биржу... Прошу васъ подарить мнѣ еще два часа... Слышите, два часа... Послушайте, Розановъ, съ вами мы долго работали... очень долго... Вы состарились и посѣдѣли на службѣ у меня... Да!..—И вотъ-вотъ... И старикъ всхлипнулъ и, опираясь на руку Розанова, вышелъ въ переднюю.

— Поѣзжайте назадъ еще только на два часа. Слышите ли вы, два часа...

Дорога на биржу лежала мимо его банка... Онъ еще издали замѣтилъ сплошную толпу у своего подъѣзда. Въ дверяхъ стояли городовые и не пускали взволнованныхъ и возбужденныхъ людей, лѣзшихъ къ нему. До средины улицы, по которой онъ ѣхалъ, долетѣлъ до него гулъ проклятій и крики. Онъ даже замѣтилъ лицо какого-то человѣка, невѣдомо кому грозившаго кулаками. И это въ его конторѣ... Въ его конторѣ, которую онъ любилъ, какъ любятъ дочь, которая была единственной привязанностью всей его жизни..

На биржу онъ вошелъ убитый и уже невѣрующій въ успѣхъ...

Здѣсь, очевидно, знали о его паденіи. Ему уступали дорогу, но при этомъ раздвигались такъ, что, очевидно, каждому хотѣлось не попасться ему на глаза. Двое или трое, къ которымъ онъ подошелъ, притворились занятыми и юркнули въ толпу... Одинъ, котораго Эдуардъ Поппе взялъ за руку, рѣзко отвѣтилъ ему, еще не выслушавъ его просьбы:

— Не могу, рѣшительно ничего не могу... До свиданія.

Эдуардъ Поппе почувствовалъ, что какой-то желѣзный обручъ сжимаетъ его голову.

— Что это, что это!—зашатался онъ и прислонился къ какой-то колоннѣ...

Около него сейчасъ же образовалось пустое мѣсто. Казалось, онъ зачумленный—всѣ эти люди, еще вчера его друзья, обязанные ему не разъ, боясь заразиться, стараются даже нечаянно не коснуться рукава его платья. Это было такъ страшно, такъ невыносимо старому банкиру, еще нѣсколько дней назадъ такому невозмутимому, гордому, державшему высоко голову, что онъ рѣшительно пошелъ къ выходу, уже не глядя ни на кого и не отыскивая никого глазами.

Одно только было понятно ему: все кончено!..

Узкая тропа привела его къ безднѣ. Назадъ идти нельзя, чьи-то черныя, громадныя крылья гонятъ его—броситься въ эту жадно и хищно разверстую подъ его ногами пасть... И стоять нельзя, и ждать нечего...

Да, онъ рѣшился. Онъ чувствовалъ, что на этотъ послѣдній прыжокъ у него хватитъ силъ.

— Куда прикажете?—обернулся къ нему извозчикъ.

— Въ коммерческій судъ.

Обручъ вокругъ его головы все сжимался болѣе и болѣе... Ему становилось физически больно. Въ ушахъ стучало. Грудь ныла. Дыханіе перехватывали въ горлѣ какія-то спазмы... Онъ смутно соображалъ, что доѣхалъ до суда, что кто-то его спрашиваетъ, чего ему надо?

— Объявить.. объявить свою... несостоятельность...

И Эдуардъ Поппе во весь свой громадный ростъ рухнулъ навзничь...

VIII.

Черезъ нѣсколько дней на Литейной генералъ Ахвердовъ встрѣтился съ Лаубе. Еще издали его превосходительство замахалъ руками и всѣмъ своимъ объемистымъ корпу-

сомъ изъявилъ готовность унестись въ пространство по направленію къ Альберту Вильгельмовичу.

— Я вамъ такъ благодаренъ, такъ благодаренъ,—кричалъ онъ на всю улицу.—Вы меня тогда предупредили...

— А что такое случилось?

— Развѣ вы ничего не знаете, вы?... Да что вы съ луны, что ли?...

— Не съ луны... Но около того. Я уѣзжалъ... Я отпраздновалъ свой... ну какъ это... «гражданскій бракъ», знаете этакъ втихомолку, безъ шуму...

— А... вотъ какъ! ну, поздравляю, поздравляю!—Генералъ жалъ ему руку но, очевидно, думалъ о другомъ и только объ этомъ другомъ и могъ теперь говорить.—Да, да... а вѣдь банкирскій-то домъ Эдуарда Поппе—ау!.. Приказалъ долго жить!..

Лаубе прикинулся пораженнымъ.

— Ахъ, mein Gott, mein Gott!—счелъ онъ необходимымъ воскликнуть по-нѣмецки.

— Нѣтъ, подумать только, что еслибы тогда я поддался слабости, знаете—мы всѣ русскіе люди сантиментальны,—наклеветалъ на себя генералъ,—мои триста пятьдесятъ тысячъ тоже бы теперь приказали долго жить.

— Это ужасно... это ужасно... И все это оттого, что онъ не умѣлъ во́-время остано-

виться! Ну, что съ нимъ, какъ онъ старикъ переноситъ свое несчастіе?

— Сначала, въ коммерческомъ судѣ, его хватилъ кондрашка. Старикъ-то вѣдь полнокровный былъ, сами изволите знать...

— Да, да!.. — поторопился согласиться Лаубе.

— Ну, вотъ. Къ счастію или къ горю его—понимайте какъ хотите—тутъ же оказался зачѣмъ-то нижнійскій докторъ. Ну, Эдуарду пустили кровь, привели его въ себя—и отвезли домой. Нѣсколько дней онъ былъ въ бреду—теперь, какъ разсказывалъ управляющій его, пришелъ въ себя... Эдакая все-таки здоровая натура. Докторъ говорилъ, что выживетъ.

— Разумѣется, его признаютъ несчастнымъ несостоятельнымъ.

— Навѣрное. Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи... Лучше всего, что у старика ничего не осталось. Рѣшительно ничего.

— Вы знаете, — конфиденціально наклонился Лаубе къ Алвердову, — вы знаете, я вѣдь хотѣлъ помочь ему.

— Неужели!.. Да развѣ еще можно было спасти дѣло?

— Это меня и остановило. Стой во главѣ его кто-нибудь другой...

— Напримѣръ, хоть вы?

— Вообще, дѣло вѣдь вѣрное и прочное. Но Эдуардъ Поппе зарвался. Онъ бы не успокоился. Онъ бы захотѣлъ непремѣнно вернуть свои потери и сталъ бы играть на биржѣ и, разумѣется, моя помощь отстранила бы катастрофу только на время—мѣсяца на два, а тамъ опять пришлось бы его выручать... Не правда ли?.. могъ ли я сдѣлать что-нибудь при такомъ условіи?

— Да, да, вы благородный, благородный человѣкъ. Я никогда не сомнѣвался въ этомъ... Я вамъ такъ обязанъ, такъ обязанъ.

— Что говорить объ этомъ. То, что̀ я сдѣлалъ, было для меня долгомъ совѣсти... Зато теперь я въ полной мѣрѣ помогу Поппе.

И Лаубе сдержалъ свое слово. Вернувшись домой и переодѣвшись, онъ заглянулъ въ контору, и когда Крюдлихъ спросилъ его: «Вы слышали уже?»—Лаубе поднесъ платокъ къ глазамъ.

— Это ужасно, ужасно... И подумать, что вы всѣ бы служили еще у него, что и на васъ бы легло пятно.

Крюдлихъ, котораго мудрено было поймать на это, въ качествѣ стараго воробья, тонко улыбнулся.

— Ну, что̀ объ этомъ говорить...

— Въ какомъ положеніи его дѣла?—заинтересовался Лаубе.

— Вовсе не такъ плохи, какъ казались съ перваго раза. Кредиторы получатъ по семидесяти-пяти копѣекъ за рубль. Пережди онъ этотъ ударъ, поддержи его кто-нибудь пустою суммой (подчеркнулъ Крюдлихъ), и Поппе былъ бы еще, пожалуй, богатымъ человѣкомъ. Фирма старая, прочная.

Но Лаубе уже не слушалъ. Планъ его былъ составленъ. Онъ потребовалъ денегъ, собралъ ихъ какъ можно больше и поѣхалъ сейчасъ же къ Поппе.

Тотъ его встрѣтилъ въ постели... Острый взглядъ больного на минуту остановился на Лаубе, но тотъ не далъ Эдуарду придти въ себя. Онъ кинулся къ нему и, со слезами на глазахъ, поцѣловалъ его руку. Старикъ былъ совсѣмъ смущенъ. Онъ съ трудомъ говорилъ еще. Но Лаубе и не спрашивалъ его ни о чемъ.

— Вотъ эти проклятыя деньги, которыя я обѣщалъ вамъ. Вотъ они... Я только сегодня ихъ получилъ. Если еще можно спасти дѣло— онѣ ваши.

Слабая улыбка показалась на поблѣднѣвшемъ лицѣ Эдуарда Поппе.

Онъ покачалъ головою и, собравъ усилія, проговорилъ:

— Разъ банкъ пошатнулся, онъ уже не возстановится... Вы сами знаете... Напрасно...

— Все-таки, чѣмъ я могу вамъ служить... Я знаю, вамъ теперь нужны средства... Разсчитывайте на меня... Я весь къ вашимъ услугамъ...

По взгляду, какимъ Поппе провожалъ Альберта Вильгельмовича, видно было, что онъ колебался въ своемъ мнѣніи объ этомъ человѣкѣ. Онъ долго лежалъ, закрывъ глаза.

«Можетъ быть... можетъ быть, я и ошибаюсь, и Лаубе не виноватъ».

Лаубе постарался доказать это: онъ послалъ къ Эдуарду Поппе лучшаго врача, окружилъ его вниманіемъ и заботливостью. Въ то же самое время, обращаясь къ Крюдлиху, онъ говорилъ: «Скоро у насъ въ конторѣ будетъ перемѣна. О, большая перемѣна, которая всѣхъ удивитъ!..» Отъ этой исторіи съ Поппе Альбертъ Вильгельмовичъ ужасно выигралъ. Сержъ Клюквенный сейчасъ же пустилъ въ печать разсказъ о томъ, какъ молодой банкиръ Лаубе съ нѣсколькими сотнями тысячъ являлся къ Поппе, предлагая ихъ, чтобы спасти его. Какъ его великодушіе потрясло несчастнаго старика, и какъ тотъ долженъ былъ отказаться отъ помощи въ виду невозможности уже исправить дѣло!.. Одна изъ статей оканчивалась даже патетической фразой: «Итакъ, судьба подарила своему баловню милліоны, а Богъ вложилъ въ него благородную душу». Маленькія

газетки иначе его и не называли, какъ «нашъ великодушный банкиръ», и приглашали весь міръ полюбоваться на него.

Альбертъ Вильгельмовичъ, послѣ того, сталъ ежедневно посѣщать больного старика и обнаружилъ такое горячее участіе къ его положенію, сталъ такъ горячо хлопотать за него, подымая даже и печать на защиту несчастнаго банкирскаго дома, что не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Эдуардъ Поппе могъ уже располагать собою, какъ хотѣлъ. Всѣ дѣла его были въ порядкѣ. Кредиторы получили больше, чѣмъ ожидали: по 85 к. за рубль, и репутація старика была обѣлена вполнѣ. Но самъ Поппе въ послѣднее время совсѣмъ измѣнился. Это была тѣнь прежняго благополучнаго и самодовольнаго тевтона. Онъ опустилъ голову, и спина его согнулась. Онъ ходилъ теперь понурясь, точно что-то отыскивалъ подъ ногами, чего найти ему не удавалось. Говорилъ онъ медленно. Багровый румянецъ сбѣжалъ съ осунувшагося лица. Изъ старой квартиры, къ которой онъ такъ привыкъ, ему пришлось переѣхать въ меблированныя комнаты. Поппе теперь медленно двигался по улицамъ и больше всего опасался встрѣтить знакомыхъ, знавшихъ его въ лучшія времена. Совѣсть его была чиста, но ему было стыдно передъ ними. Онъ, какъ генералъ въ запасѣ, совѣстился и стараго

пальто, и шляпы, давно уже не утюженной, и необходимости ходить пѣшкомъ. Входя въ дешевыя кухмистерскія, онъ зорко оглядывался, не узнаетъ ли его кто и тамъ, старался забиться въ уголъ, быстро ѣлъ, расплачивался и исчезалъ такъ же незамѣтно, какъ и входилъ. Честный до смѣшного (для своихъ коллегъ, разумѣется), онъ ничего не спряталъ, ничего не сохранилъ. Чтобы улучшить свое положеніе теперь, онъ не могъ ничего продать. Все его имущество заключалось въ тощемъ чемоданѣ, который онъ вывезъ изъ своей квартиры. Недоданный пятіалтынный на рубль мучилъ его какъ величайшій подлогъ. Онъ цѣлые дни былъ занятъ проектами: что же ему сдѣлать и что придумать, изобрѣсти, найти, чтобы скорѣе внести этотъ двугривенный и очистить, такимъ образомъ, память своего банкирскаго дома. Когда распродавали его вещи, онъ былъ спокоенъ и равнодушенъ. Но когда дѣло дошло до вывѣски—онъ плакалъ. Ему казалось, что вмѣстѣ съ нею отъ него уходитъ его жизнь, что сейчасъ и его сорвутъ и бросятъ въ пыль, какъ старую, никуда ненужную дрянь. Онъ любилъ теперь по вечерамъ—чтобы его никто не узналъ—прохаживаться по улицѣ мимо темныхъ оконъ своей бывшей конторы и смотрѣть на нихъ, неосвѣщенныхъ, мертвыхъ для толпы, сновавшей около,

но для него населявшихся жизнью, блескомъ, людьми, дѣятельностью. Онъ видѣлъ за ними конторки, внимательныхъ служащихъ, слышалъ шумъ ассигнацій въ кассахъ, тихій говоръ кліентовъ съ конторщиками... Мысленно онъ входилъ туда опять, величавый, смѣлый, какъ полководецъ передъ арміей. Онъ выдавалъ ордера, держалъ конференціи съ болѣе крупными вкладчиками, ѣздилъ на биржу—игралъ, въ мечтахъ продѣлывалъ все то, что было его жизнью когда-то. Только у самыхъ воротъ онъ высоко подымалъ воротникъ пальто. Ему не хотѣлось, чтобы его узнали дворники. Скоро, впрочемъ, и это грустное удовольствіе сдѣлалось для него недоступнымъ. Квартиру его бывшаго банкирскаго дома сняли, и въ одинъ туманный вечеръ, подходя сюда, Эдуардъ Поппе замѣтилъ, что изъ ея оконъ льются на сырые тротуары и во мглу шумной улицы цѣлые потоки электрическаго свѣта. Онъ забылъ обычную осторожность и подошелъ,—оказалось, что тамъ уже была открыта и работала какая-то роскошная кондитерская. Съ этого дня его прошлое было глубоко похоронено въ могилѣ, такъ глубоко, что даже отсвѣтъ его уже не ложился призракомъ улыбки на блѣдное, изможденное лицо прогорѣвшаго стараго банкира. Его давно стали уже забывать, и только одинъ Лаубе посѣщалъ старика. Именно

у Альберта Вильгельмовича были на него какіе-то виды. Онъ горячо убѣждалъ Поппе опять заняться дѣлами. Осторожно намекалъ ему, что если самостоятельная дѣятельность для него невозможна, то ему открытъ широкій путь быть полезнымъ другимъ съ его высокой опытностью и знаніями. Лаубе даже негодовалъ на его бездѣйствіе.

Старикъ выслушивалъ его сначала съ неподвижностью и равнодушіемъ полной безнадежности, потомъ онъ началъ самъ отвѣчать ему, приводилъ свои резоны, спорилъ, наконецъ, начиналъ разгораться и принималъ живое участіе въ новостяхъ, передававшихся ему Лаубе, и соображеніяхъ, которыми тотъ съ нимъ дѣлился.

— Да куда же я дѣнусь?... Кто меня возьметъ?—сорвалось разъ у Эдуарда Поппе.

— Васъ... Да вы себѣ, любезный вы мой патронъ, цѣны не знаете. Васъ... Да любой банкиръ.

А у самого сердце такъ и заколотилось—рыба шла на удочку, надо было ждать, не дернуть прежде времени, чтобы не испугать ее.

— Любой, разумѣется, любой... Помилуйте, вы всякому дому сдѣлаете честь.

— Да,—раздраженно заговорилъ тотъ.—Что же по вашему—мнѣ идти и наниматься?

— Идти!.—И Лаубе пожалъ плечами.—За-

чѣмъ идти. Сами къ вамъ придутъ и поклонятся. Кто откажется отъ такого золотого сотрудника, отъ такого руководителя!

— Это вамъ такъ кажется. Чтобы я пошелъ къ тѣмъ, которые могли спасти меня и не спасли!.. Съ которыми я двадцать лѣтъ дружилъ, ихъ выручалъ. Да имъ прежде всего будетъ совѣстно на меня взглянуть. Они только потому не примутъ меня, чтобы не вспомнить своего подлаго поступка по отношенію ко мнѣ.

Лаубе молчалъ. Онъ ждалъ, чтобы сѣмя, заброшенное имъ въ душу старика, само принесло плодъ. И дѣйствительно, разсчетъ былъ вѣренъ. Ждать ему пришлось не долго.

— Да, разумѣется! Кому я нуженъ? Да доведись мнѣ придти хоть къ вамъ... вы вѣжливо постараетесь отдѣлаться отъ меня.

— Я васъ ловлю на словѣ. Попробуйте. Я вамъ отвѣчу: любезный мой патронъ и учитель, продиктуйте сами условія, на которыхъ вы согласитесь сдѣлать честь моему дому, и я съ закрытыми глазами подпишу ихъ.

Поппе остолбенѣлъ и колебался.

— Ну да что толковать!—смущенно проговорилъ онъ.—Вы одни не оставили меня и не бросили, какъ бросаютъ больную, паршивую собаку, когда она уже не можетъ лаять и кусаться. И повѣрьте, этого я никогда не забуду.

Разговоръ этотъ возобновлялся нѣсколько разъ, когда, наконецъ, у Эдуарда Поппе вырвалось:

— Знаете, къ вамъ служить я бы пошелъ.

И онъ потупился съ чувствомъ невыносимаго стыда на душѣ.

— Мнѣ и то ѣсть уже нечего!—попробовалъ онъ какъ будто бы оправдаться въ собственныхъ глазахъ.

Черезъ день послѣ этого Лаубе, сіяющій и радостный, вошелъ къ себѣ въ контору.

— Господа!..—обратился онъ къ служащимъ.—Съ завтрашняго дня вакантная конторка будетъ занята. У васъ новый товарищъ, которому, я надѣюсь, вы не откажете въ своемъ вниманіи и уваженіи.

— Кто это?—спросилъ Крюдлихъ.

— Вѣрно, кто-нибудь изъ родныхъ хозяина, изъ Ревеля!—дѣлился своими соображеніями Кенигъ съ сосѣдями.

— Господа!—покончилъ ихъ недоумѣнія Лаубе.—До завтра недалеко, а до тѣхъ поръ, все-равно, я ничего больше не скажу вамъ.

На другой день ожиданіе охватило всю контору,—какъ вдругъ въ дверяхъ ея показался Поппе.

Никто не думалъ, что это онъ.

Крюдлихъ первый подбѣжалъ къ нему.

Эдуардъ не поднималъ головы. Казалось, ему страшно встрѣтить чей-нибудь взглядъ.

— Какъ мы рады васъ видѣть!—вырвалось изъ самаго сердца у старика Крюдлиха.—Что вамъ угодно? Скажите.

— Хозяина... Я къ нему...—Ноги измѣняли разорившемуся банкиру. Казалось, вотъ-вотъ колѣни подогнутся, и онъ упадетъ на полъ. Крюдлихъ взялъ его подъ-руку, съ другой стороны подбѣжалъ Кенигъ.

Лаубе вскочилъ съ своего кожанаго кресла, когда къ нему вошелъ нѣсколько оправившійся и совладавшій съ собою старикъ.

— Вотъ и я... Вотъ...—растерянно заговорилъ онъ.—Вотъ и я...

— Радъ, очень радъ!

Еслибы Поппе не былъ такъ взволнованъ, онъ бы различилъ, во-первыхъ, какой-то отсвѣтъ торжества въ глазахъ у Лаубе и, во-вторыхъ, совершенно новую нотку въ его голосѣ.—Радъ... господинъ Поппе... очень радъ... Ваше мѣсто ждетъ васъ... Я васъ самъ представлю вашимъ новымъ товарищамъ.

Лаубе вышелъ вмѣстѣ съ нимъ. Старикъ все такъ же смотрѣлъ сконфуженно и не подымалъ головы.

— Вотъ, господа!—И голосъ Лаубе сталъ необыкновенно громокъ и отчетливъ.—Позвольте представить вамъ вашего новаго това-

рища, Эдуарда Поппе. Вы всѣ его знаете. Значитъ мнѣ много толковать нечего. Господинъ Поппе, вотъ ваше мѣсто, а Крюдлихъ объяснитъ вамъ, въ чемъ будутъ состоять ваши обязанности.

Видно старикъ и теперь еще ничего не понималъ. Еслибы его привели на бойню и сказали: «Вотъ, господинъ Поппе, молотокъ, которымъ этотъ господинъ Крюдлихъ стукнетъ васъ въ темя, а вотъ ножъ, которымъ господинъ Кенигъ будетъ имѣть честь перерѣзать ваше горло»—старый банкиръ такъ же бы кланялся и такъ же бы стоялъ потупясь.

— Ну, господинъ Поппе, извините, мнѣ некогда. *Вы сами были банкиромъ* и понимаете, что я не могу слишкомъ щедро тратить свое время.

Эдуардъ Поппе добрался до своей конторки и сѣлъ. Всѣ кругомъ молчали. Каждый чувствовалъ только, что здѣсь, въ его присутствіи, совершилась величайшая подлость, унижающая человѣчество. Но въ чемъ эта подлость—никто не могъ понять. Крюдлихъ хмурилъ свои сѣдыя брови и шепотомъ говорилъ что-то своему бывшему патрону. Кенигъ не рѣшался поднять на него своихъ глазъ. Онъ написалъ на бумажкѣ: «какъ страшно измѣнился, не правда ли?» и бросилъ сосѣду, тотъ ему отвѣтилъ: «узнать нельзя».

И такъ, Эдуардъ Поппе поступилъ на службу къ Лаубе. Объ этомъ сейчасъ же оповѣстили публику газеты.

Эдуардъ Поппе у Лаубе. На биржѣ эта новость подняла престижъ Лаубе до небесъ. Его всѣ фетировали, прославляли его доброту и благородство. Нѣмцы изъ старыхъ знакомыхъ нарочно заѣзжали къ нему въ банкирскій домъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлалъ Поппе. Одни замѣчали его; другіе дѣлали видъ, что не узнаютъ стараго банкира; третьи добродушно подходили и жали ему руку. Положеніе старика было ужасное. Неизвѣстно еще, попалъ ли бы онъ сюда, еслибы ему не грозила голодная смерть. Все, что было кругомъ—когда-то гнулось передъ нимъ въ три погибели... Эти Кениги мальчишками начали у него свою карьеру. Онъ, между тѣмъ, былъ хозяиномъ, и хозяиномъ строгимъ и требовательнымъ, и теперь все это его товарищи... Пусть въ ихъ глазахъ и не было пренебреженія къ нему, насмѣшки, но и насмѣшка, и пренебреженіе чудились Поппе. Онъ никогда не подымалъ на нихъ взгляда, мысленно видѣлъ улыбки на ихъ губахъ и выносилъ пока только одного Крюдлиха. Лаубе гордился Эдуардомъ Поппе. Теперь онъ самъ уже говорилъ вездѣ о немъ.

— Понимаете, я не знаю, что мнѣ дѣлать

съ нимъ. Такъ держу. Нельзя же выбросить старика на улицу.

— Совсѣмъ «рамолисменъ»—мой Эдуардъ! —смѣялся онъ другимъ.—Впрочемъ, пускай живетъ... Меня не разоритъ лишній служащій.

Злобной душѣ Лаубе было этого мало. Онъ мало-по-малу входилъ во вкусъ и переставалъ церемониться.

Ему нравилось—когда въ конторѣ было много народу — отворить двери и громко крикнуть:

— Пошлите ко мнѣ Поппе... Поппе, почему вы не исполнили мой приказъ?... Поппе, неугодно ли вамъ попроворнѣй... Я не могу ждать...

Разъ онъ дошелъ до того, что при старыхъ знакомыхъ Поппе крикнулъ:

— Господину Поппе, кажется, нравится получать свое жалованье даромъ... Онъ вѣрно хочетъ, чтобы я разорился такъ же, какъ и онъ?..

Мало-по-малу, на лицѣ у Эдуарда Поппе началъ отражаться нечеловѣческій страхъ. Онъ вздрагивалъ, когда Лаубе проходилъ мимо него. У него языкъ заплетался, когда Альбертъ Вильгельмовичъ заговаривалъ съ нимъ, что подавало поводъ этому спросить: «Вы попрежнему любите, кажется, красное вино? Не

ужели я вамъ плачу жалованье, чтобы вы могли пить его?» Вмѣстѣ со страхомъ, въ глазахъ у Поппе порою показывалось нѣчто подозрительное. Онъ смотрѣлъ порою вслѣдъ Лаубе, и точно только теперь узнавалъ его. На лицѣ у старика отражалось изумленіе. Прежній Лаубе линялъ какъ-то, и изъ-за сбѣгавшихъ съ него красокъ выступалъ страшный врагъ, приближеніе котораго обдавало холодомъ Поппе. Лаубе теперь не прикрывался... Когда онъ говорилъ съ Поппе, въ его голосѣ слышалась ненависть... «За что... за что?..—задавался старикъ.—Развѣ я не мало оскорбленъ и униженъ.

— Я васъ, кажется, въ богадѣльню отправлю! Вы просто воруете у меня свое жалованье!.. Я долженъ буду выгнать васъ вонъ!—заоралъ разъ на него Лаубе.

Контора вся притихла. Слышно было, какъ муха пролетитъ.

Эдуардъ Поппе схватился за конторку и поднялъ на Лаубе умоляющій взглядъ.

— Или работайте, или убирайтесь къ чорту!.. И то я позорю свой банкъ...

И Лаубе, не окончивъ, ушелъ къ себѣ, громко хлопнувъ дверью.

Къ счастію, пора было уже запирать контору. Старикъ зашатался у выхода. Крюдлихъ подалъ ему руку и провелъ его. Вдругъ

Эдуардъ Поппе обернулся къ нему и спросилъ громко и рѣшительно. Онъ давно не говорилъ такимъ голосомъ. Точно прежній банкиръ и хозяинъ сказался въ немъ.

— Послушайте, Крюдлихъ... Вы все видите, все знаете, хоть и молчите... Я это замѣтилъ. Отвѣтьте мнѣ, какъ передъ самимъ Богомъ... Помните, передъ Богомъ, къ Которому скоро и вы, и я явимся на страшный судъ. Меня сегодня поразила одна мысль... Не Лаубе ли разорилъ меня, не онъ ли распространялъ обо мнѣ разныя гадости въ газетахъ?.. Не онъ ли?..

Крюдлихъ не далъ ему докончить; онъ схватилъ его за руку и отвѣтилъ ему двумя словами: «да—онъ»!

— Благодарю васъ... Прощайте... Дайте мнѣ вашу руку.—И Поппе крѣпко пожалъ ее.

Крюдлихъ, обернувшись, увидѣлъ, что Эдуардъ Поппе попрежнему пошелъ впередъ, смѣло и высоко поднявъ свою голову. Очевидно, какая-то рѣшимость созрѣла въ немъ. «Такъ это онъ... онъ! — думалъ Поппе и чувствовалъ, что въ груди его жжетъ что-то.— Да, это онъ... Ну, что-жъ... Я не могу... надо уходить».

Онъ пробрался къ себѣ, наклонился къ чемодану и вынулъ оттуда что-то въ кожаномъ футлярѣ.

— Только не здѣсь... только не здѣсь...—

самъ про себя шепталъ онъ. — О, только не здѣсь... Здѣсь такъ тихо...

Онъ сѣлъ на извозчика и пріѣхалъ на Невскій. Вышелъ противъ того мѣста, гдѣ была его контора. Въ кондитерской ярко блистали электрическія лампочки. Кругомъ было шумно и весело. Онъ вошелъ, сѣлъ.

«Да... Именно здѣсь... именно здѣсь... Ну, что-жъ... пора... Прощай... прощай... мой старый, честный домъ!..»

Послышался какой-то сухой и громкій стукъ... Прислуга бросилась. Свалившись со стула, на полу лежалъ старикъ Поппе. Револьверъ крѣпко зажатъ былъ въ его рукѣ. Часть черепа была сорвана выстрѣломъ.

Широко открытые, полные тоски глаза смотрѣли прямо передъ собою.

Казалось, и теперь онъ прощался со своимъ старымъ, честнымъ домомъ.

IX.

Смерть Эдуарда Поппе произвела очень малое впечатлѣніе на Лаубе. Онъ даже похвалилъ покойнаго. «Старикъ хорошо сдѣлалъ... очень хорошо... Ему больше ничего не оставалось». Крюдлиха возмутило это. «Почему ничего?—осмѣлился возразить онъ своему

патрону.—Почему ничего?» — «Такъ; куда бы онъ дѣвался? Разъ онъ не съумѣлъ во время остановиться...» И Лаубе смолкалъ, показывая видъ, что ему не о чемъ говорить болѣе. Онъ, впрочемъ, слишкомъ занятъ былъ эти дни. Ему, дѣйствительно, некогда оказывалось обращать вниманія на такія мелочи. Онъ счелъ, съ своей стороны, приличнымъ послать вѣнокъ на гробъ Эдуарда Поппе и даже лично присутствовалъ на погребеніи. «Ты видишь, я сдѣлалъ для тебя это!» говорилъ его взглядъ. Когда могила была засыпана землей, и Крюдлихъ сталъ обходить всѣхъ собравшихся, предлагая пожертвовать что-либо на памятникъ своему бывшему хозяину, Лаубе бросилъ ему въ шляпу сторублевую бумажку и, уѣзжая съ кладбища, считалъ всѣ свои счеты съ Поппе и воспоминанія о немъ погребенными разъ навсегда. И то уже онъ много сдѣлалъ, отнявъ у себя драгоцѣнное время. Еще бы! Альбертъ Вильгельмовичъ отдѣлывалъ большую квартиру. Онъ взялъ ее въ одномъ изъ лучшихъ домовъ на Дворцовой набережной и не жалѣлъ средствъ, чтобы она была какъ можно изящнѣе и роскошнѣе. Все, что можно было достать въ Петербургѣ—онъ добылъ. Мягкіе ковры, дорогая бронза, статуэтки; масса старинныхъ вещей, великолѣпные «жакобъ». Онъ опустошилъ склады Линевича. Гдѣ-то отыскалъ старинныя и на-

стоящія картины — не болѣе двухъ, но зато великихъ мастеровъ — и заплатилъ за нихъ громадныя деньги. Ему нужна была реклама. На рекламѣ онъ основывалъ все свое предпріятіе. Онъ велъ переговоры съ «Эрмитажемъ» въ Москвѣ. Ему хотѣлось купить у того сервизъ Луи-Филиппа. Но Московскій ресторанъ самъ дорожилъ имъ. Мѣсяцъ Альбертъ Вильгельмовичъ не спалъ, не зналъ минуты отдыха, и когда, наконецъ, его квартира была готова, онъ переѣхалъ туда вмѣстѣ съ Леокадіей Леонтьевной.

— Ну, ты довольна? — спрашивалъ онъ у своей подруги, совершенно ослѣпленной всей этой пышностью кругомъ.

Она только щурилась и жмурилась. Въ его квартирѣ всякая мелочь представляла собою извѣстную цѣну. Ничего не было обыденнаго, ничего не было такого, что могло быть доступно людямъ со средними средствами. Художникъ, завѣдывавшій этимъ, кричалъ потомъ нѣсколько мѣсяцевъ о великодушіи и щедрости Лаубе. «Помилуйте, онъ мнѣ по-царски заплатилъ, по-царски!» Сержъ Клюквенный, приглашенный опять сюда, долго ходилъ изъ комнаты въ комнату, разинувъ ротъ, и только могъ проговорить: «Ну, батюшка!» Въ печати тотчасъ же явились описанія «уголка» нашего знаменитаго архи-милліонера, и знакомые Альберта Вильгельмовича были заинтере-

сованы свыше мѣры, въ ожиданіи, когда же онъ, наконецъ, пригласитъ ихъ къ себѣ. Онъ на первый разъ, впрочемъ, выбралъ наиболѣе необходимыхъ ему людей. Два-три банкира, нѣсколько биржевиковъ, пара-другая крупныхъ экспортеровъ, два видныхъ консула, Ахвердовъ и нѣсколько его значительнѣйшихъ кліентовъ. Всего незамѣчательнѣе въ этомъ чудномъ зáмкѣ былъ самъ хозяинъ. Наружность его нисколько не выиграла за послѣднее время отъ озарившаго его самодовольствія. Посѣтители останавливались въ его кабинетѣ передъ громаднымъ портретомъ Эдуарда Поппе. Лаубе купилъ его на аукціонѣ, когда распродавалось имущество обанкрутившагося банкира, и тогда-же рѣшилъ повѣсить его у себя. Это придавало ему престижъ человѣка съ сердцемъ и зажимало рты тѣмъ, кто догадывался о настоящихъ отношеніяхъ его къ покойному. «Помилуйте,—это было бы невѣроятно—погубить человѣка и повѣсить его портретъ, чтобы вѣчно видѣть его передъ собою. Какіе нервы нужны для этого!» Разгадка была въ томъ, что у Лаубе никакихъ нервовъ не оказывалось. Онъ спокойно работалъ, ѣлъ и засыпалъ передъ изображеніемъ своего патрона, такъ люто имъ загубленнаго, и даже иногда, оставаясь съ Леокадіей Леонтьевной, слегка касался тростью носа Эдуардова, спрашивая его: «Ну что, ста-

рый Поппе, покойно ли тебѣ теперь?..» Старый Поппе строго смотрѣлъ на него съ полотна такъ, что даже Леокадія, нѣсколько смущенно и суевѣрно оглядываясь, говорила: «Уйдемъ, уйдемъ отсюда!..»

— Мы, нѣмцы, никого на свѣтѣ не боимся, кромѣ Бога!—величественно отвѣчалъ ей на это Лаубе традиціонной фразой, вспоминая при этомъ, что и Эдуардъ, обожавшій Бисмарка, часто повторялъ то же самое.

Но все же сильнѣйшее впечатлѣніе на всѣхъ здѣсь производила именно Леокадія Леонтьевна.

У генерала Ахвердова глаза совсѣмъ обратились въ какія-то щелочки, а губы приняли такой видъ, точно онъ собирался сосать ими леденецъ. Онъ долго не отрывалъ ихъ отъ руки Леокадіи, пока та, наскучивъ, сама не отняла ее.

— Ну, Лаубе! — воскликнулъ генералъ:— ваша хозяйка въ этой оправѣ настоящій брилліантъ!

Леокадія живо вошла въ свою роль. Она отлично понимала здѣсь свое положеніе и выполняла свои обязанности съ спокойной граціей. Она съумѣла прибрать къ рукамъ Альберта Вильгельмовича, и у нея теперь было много брилліантовъ и денегъ. Пятьдесятъ тысячъ, положенныя на ея имя въ банкъ, удвоились отъ маленькихъ подарковъ, которые ей дѣлалъ ея

обладатель. Когда, въ отсутствіе мужа, къ ней заходила мать, Леокадія Леонтьевна обнаруживала въ разговорахъ съ нею весьма основательный умъ.

— Я *работаю* до двухсотъ тысячъ,—говорила она,—когда у меня будетъ десять тысячъ годового дохода, тогда, мама, я брошу Альберта и возьму васъ... Потомъ, конечно, я выберу себѣ какого-нибудь молодого и красиваго доктора или адвоката и выйду за него замужъ. О, мы будемъ жить очень счастливо...

— А твой Лаубе?.. Если онъ самъ захочетъ жениться на тебѣ?

— Во-первыхъ, онъ этого не захочетъ! А во-вторыхъ, еслибы и захотѣлъ, то мнѣ самой невыносима мысль цѣлую жизнь прожить съ нимъ... Еслибы ты знала, мама, какой онъ противный!.. холодный, влажный, фу, пакость!

И Леокадія Леонтьевна съ такимъ отвращеніемъ смотрѣла на большую фотографію своего quasi-супруга, исполненную недавно, что матери ея вчужѣ становилось тяжело. Надо отдать и фотографу справедливость: по своему обыкновенію, онъ изъ плоскаго и безъ того невыразительнаго лица Альберта Вильгельмовича сдѣлалъ блинъ.

— Знаешь, кто у меня недавно былъ?— наклонилась къ Леокадіи мамаша, живо входившая въ чужія дѣла.

— Кто?..—И личико m-me Лаубе загорѣлось живѣйшимъ любопытствомъ.

— Твой теноръ: Антошка Мякининъ...

— Ну, мама, какъ вы его называете!

— А то какъ же еще?

— Antonio Michini... Кажется знаете. Такъ онъ и въ афишахъ себя зоветъ.

— Да вѣдь онъ русскій, Мякининъ.

— Мало ли что!.. Такъ онъ былъ у васъ, ну, что-жъ?.. Да говорите скорѣе, мама...— тормошила она ее.

— Былъ... И слезы у него на глазахъ. «Лаубе, говоритъ, лишилъ меня моего блаженства!» А только, я думаю, онъ самъ добивается чести быть представленнымъ твоему мужу и получить его приглашеніе. Правду тебѣ скажу: нашъ Антошка, — не морщись, пожалуйста, разумѣется Антошка!—нашъ Антошка при видѣ пачки кредитныхъ бумажекъ чувствуетъ даже легкое разстройство желудка.

Антоніо Микини, онъ же Антошка Мякининъ, былъ глупъ, но хитеръ и подлъ въ достаточной степени для того, чтобы имѣть успѣхъ въ жизни и искусствѣ. При видѣ денегъ, его глаза, дѣйствительно, дѣлались сладкими, а при встрѣчѣ съ музыкальными рецензентами даже передъ такимъ ничтожествомъ, какъ ставшій притчею во языцѣхъ худородный и глупый «Васькинъ», метавшій громы «не изъ тучи» во

всё и во всѣхъ, онъ не упускалъ случая прослезиться отъ умиленія. Когда-то онъ былъ гордостью консерваторіи, теноръ его называли надеждою лирической сцены. Онъ усердно участвовалъ въ концертахъ и охотно являлся пѣть въ купеческіе дома. Къ купчихамъ онъ обнаруживалъ профессіональный аппетитъ. Съ дамами былъ дерзокъ, съ мужчинами трусливъ. Онъ уже перешелъ за 28 лѣтъ. Его находили красивымъ, хотя красота его была какая-то лакированная.

— Этотъ сдѣлаетъ карьеру, если не зарѣжетъ кого-нибудь! — говорилъ про него его профессоръ.

Леокадія Леонтьевна была когда-то влюблена въ тенора и, не умѣя пѣть, все же исполняла съ нимъ дуэты. Онъ ее убѣждалъ учиться и негодовалъ обыкновенно на мамашу, не оставлявшую ихъ наединѣ. Но мамаша Леокадіи знала свое дѣло тонко и вела настоящую линію. Она говорила дочери: «Обезпечь себя и тогда дѣлай, что хочешь, я первая не скажу тебѣ ни слова...»

— А знаете, мама! Что если я теперь стану брать уроки у Микини?

— А Лаубе позволитъ? — удивлялась та.

— Альбертъ вотъ у меня гдѣ! — и прелестная дѣвица вытягивала впередъ руку и сжимала ее въ кулакъ для наглядности. — Онъ

сдѣлаетъ все, что я захочу... Понимаешь, мама... Я его совершенно...

Но мать не дала ей окончить. Она прослезилась.

— Обними меня, дочь моя... Теперь я вѣрю, что не даромъ въ мукахъ родила и воспитала тебя!.. Съ тобой мы можемъ быть спокойны!..— Потомъ она тотчасъ же перешла въ дѣловой тонъ.—А ты напоминала ему,—презрительно кивала она головою на фотографическій блинъ,— ты напоминала ему про имѣньице около Радома, тамъ такія чудныя сливки и такая прекрасная сметана!..

— Не бойся, мама... Я ничего не забываю, и бѣдный папа будетъ вполнѣ успокоенъ...

— Да?.. Онъ такъ любитъ хорошую сметану!..

И «мама» погружалась въ счастливую мечтательность.

Сегодня Леокадія Леонтьевна среди гостей Лаубе производила положительный фуроръ.

Они ходили за нею, смотрѣли на нее, цѣловали ея ручки и къ вящшему упоенію Альберта Вильгельмовича, повторяли:

«Счастливецъ, право счастливецъ этотъ Лаубе!..»

Правда, что и Леокадія Леонтьевна не теряла времени и вывела въ боевое поле всю свою армію. Она и запрокидывалась на спинку

кресла, рисуясь чудными рельефами своего бюста, и поворачивалась быстро и неожиданно то къ тому, то къ другому собесѣднику, показывая тонкость и гибкость своей таліи, и, нечаянно какъ будто, выдернула разъ шпильку и распустила волосы, чтобы похвастаться, какіе-де они у нея, всю ее покрываютъ, и потомъ, чтобы не чесаться—заплела ихъ тутъ же въ толстую, тяжелую косу и какого-то любезника, чуть ли не Ахвердова, ударила ею такъ больно, что онъ нѣсколько минутъ послѣ того ежилъ плечи, не оставляя своей сладкой улыбки. Она и ножку свою показывала, дѣйствительно маленькую и точеную и съ высокимъ подъемомъ, и даже какъ-то расшалилась до того, что позволила какому-то почтенному экспортеру снять съ нея туфлю, причемъ сквозь ажурный шолкъ чулка сверкнули въ глаза тому такія художественныя линіи, что у опьяненнаго капиталиста голова кругомъ заходила. Лаубе нисколько не мѣшалъ ей. Когда она продѣлывала самыя смѣлыя изъ своихъ шутокъ и выходокъ, даже не приличныхъ, тотъ чувствовалъ, что упоеніе его растетъ, ибо, во-первыхъ, вокругъ все настойчивѣе и настойчивѣе слышалось: «какой счастливецъ этотъ Лаубе»; а во-вторыхъ, Альбертъ Вильгельмовичъ прекрасно сознавалъ, что все это—*его* и то, что въ ажурныхъ чулкахъ, и то, что въ превосходномъ, выписанномъ изъ

Парижа корсетѣ, и эта коса, и эти глазки, и эти алыя горячія губы. Предѣлъ доступнаго ему счастія былъ—чтобы другіе ему завидовали, а онъ этому радовался. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи онъ достигъ своей цѣли.

— Я сегодня доволенъ тобою вполнѣ!— уронилъ, пройдя мимо жены, Лаубе.

— Я бы, кажется, весь свой вкладъ отдалъ,— шепнулъ Ахвердовъ на ухо Леокадіи.

— А сколько у васъ?—И она такъ сверкнула на него глазами, что тотъ даже зажмурился.

— Сколько бы ни было!.. Все бы къ вашимъ ножкамъ!..

— Для моихъ ножекъ надо много, очень много!.. Въ самомъ дѣлѣ, сколько вашихъ денегъ у моего мужа?

— Триста тысячъ... — совершенно разнѣженнымъ тономъ не проговорилъ, а прошепталъ онъ.

— Триста тысячъ...—она сдвинула брови,— триста тысячъ... это по мнѣ, это недурно.—А сама про себя соображала: «15000 вѣрнаго годового дохода!..»

Она ни на одну секунду не оставалась неподвижна; она держала всѣхъ въ какомъ-то угарѣ. Каждое ея слово и жесты дѣйствовали на нихъ, какъ новый лишній бокалъ шампанскаго.

Но когда она присѣла къ фортепьяно и начала пѣть съ истинно-цыганскими ухватками пѣсни, которыхъ наслушалась въ Аркадіи и Ливадіи, — ея публика положительно сошла съума, до того, что Ахвердовъ, забывъ свои чинъ, званіе и лѣта, съ платочкомъ прошелся русскую, а какой-то почтенный и лысый экспортеръ въ блаженномъ упоеніи дрыгалъ ножками и ни съ того, ни съ сего кричалъ: «Ай сожги, не говори», желая, вѣрно, изобразить цыганскую пѣсню: «Ай жги, говори!..»

— Браво! У васъ чудный, чудный голосъ!— кричали кругомъ.

И дѣйствительно, хотя Леокадія совсѣмъ не умѣла пѣть, но у нея было звучное, сильное, бархатное контральто съ тембромъ, которому позавидовала бы любая оперная пѣвица.

— Ахъ, какой у васъ дивный голосъ! Вы учитесь пѣть?

— Нѣтъ...—отвѣтила та. Она довела дѣло до вожделѣннаго момента и теперь предоставляла ему идти самому.

— Лаубе, и тебѣ не стыдно?

— Чего?..—изумлялся тотъ.

— Тебѣ не стыдно не учить пѣть свою маленькую жену? Да вѣдь у нея въ горлѣ милліонъ!

— Развѣ?—изумился Лаубе.—Развѣ...—До сихъ поръ онъ не имѣлъ понятія объ этомъ.

Несмотря на свое нѣмецкое происхожденіе, онъ въ музыкѣ смыслилъ столько же, сколько быкъ въ сочиненіяхъ Шиллера. Уши у него были изъ сапожнаго товара, и даже для приличія записавшись въ лидертафель, онъ тамъ только моргалъ глазами.—Развѣ у нея такой голосъ?.. Что вы мнѣ говорите?

— У нея?! Да черезъ два года она будетъ гремѣть!..—восторженно проговорилъ какой-то кудлатый и до того черный биржевикъ, что, казалось, онъ по ночамъ, вмѣстѣ съ сапогами, выставлялъ и свою голову къ дверямъ спальни.

«Его любовница будетъ гремѣть... Это превосходно... это очень хорошо...» И Лаубе вдругъ рѣшился.

— Вотъ какая ты лѣнивая, отчего ты мнѣ не сказала объ этомъ ранѣе? Я бы пригласилъ къ тебѣ учителя...

Но для перваго раза это было слишкомъ. Леокадія не хотѣла рисковать такъ легко доставшимся ей успѣхомъ и недовольно проговорила:

— Стану я тоже... Очень мнѣ надо учиться! Скажите... Точно я маленькая!

— Если я прикажу—станешь!—строго замѣтилъ ей Лаубе. Ему ужасно хотѣлось показать при другихъ свою власть надъ нею.—Если я прикажу—станешь.

— Ну вотъ... — поддавалась и уступала она:—какая надобность бросать деньги!..

Болѣе вѣрнаго удара она не могла направить въ свою цѣль. При этой фразѣ Лаубе даже вскочилъ.

— Деньги? Что такое деньги?—точно онъ въ первый разъ услышалъ о нихъ:—деньги!.. Скажите, пожалуйста, что такое деньги? Завтра же...

— Ну, если ты приказываешь... если тебѣ это доставитъ удовольствіе...—немедленно и покорно согласилась она, погрузивъ этимъ Лаубе въ такой океанъ блаженства, что онъ весь, съ головой, утонулъ въ немъ.

Первый опытъ для него былъ удаченъ.

Теперь Лаубе понималъ, что отъ его квартиры силой не оторвешь нужныхъ ему людей, и на другой же день поѣхалъ и купилъ Леокадіи такую «ривьеру», что когда онъ ей надѣлъ ее на шею, она обвила его своими руками, да такъ и замерла, опустивъ голову на его узкое плечо.

О пѣніи она не говорила ни слова. Лаубе самъ вспомнилъ о немъ. «Да, тебѣ непремѣнно надо учиться пѣть, непремѣнно, слышишь—я этого хочу. Я знаю, что тебѣ это не нравится, ты лѣнтяйка, но я этого хочу, и это будетъ... Не знаю только, гдѣ взять профессора. Я у насъ спрашивалъ, никто не знаетъ...

— Очень хвалятъ какого-то Мякинина...

— Какого?

— Почему я знаю? Только приходилось читать о немъ, онъ поетъ подъ именемъ Антоніо Микини.

— Ну вотъ, пошли за нимъ и уговорись!

Прошла недѣля. Лаубе забылъ-было объ этомъ. Но ему напомнилъ Ахвердовъ.

— Что же, ваша прелесть учится пѣть?..

Онъ даже покраснѣлъ, не зная, что ему отвѣтить. Пріѣхавъ домой, онъ бросился къ Леокадіи:

— Ну, что, какъ твои уроки?

— Какіе уроки?

— Пѣнія!

— Какого пѣнія?

— Да вѣдь я же тебѣ приказалъ учиться... Я же тебѣ велѣлъ послать за Мякининымъ?.. Это чортъ знаетъ что! Кто здѣсь хозяинъ?

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу. Ему уже казалось, что это онъ выдумалъ и нашелъ Мякинина, и жестоко оскорбился на то, что его еще не пригласили.

«Нѣтъ, такъ нельзя... Завтра я самъ къ нему поѣду. Гдѣ его адресъ?..»

Въ тотъ же вечеръ Мякининъ получилъ записку.

«Caro Antonio!—писала ему Леокадія.— Завтра къ вамъ пріѣдетъ мужъ—просить васъ

давать мнѣ уроки. Остерегайтесь намекнуть ему, что я васъ знаю... Мы съ вами совсѣмъ не знакомы. Записку сожгите».

Но Антоніо Микини записки не сжегъ. Напротивъ: «такія посланія, при случаѣ, большихъ денегъ стоятъ», соображалъ онъ и присовокупилъ ее къ прочимъ таковымъ же—въ завѣтную шкатулку.

Когда на другой день Лаубе пріѣхалъ къ Мякинину, — теноръ его встрѣтилъ въ черномъ бархатномъ пиджакѣ, въ красной фескѣ на головѣ и притомъ съ такимъ величественнымъ видомъ, что Лаубе сейчасъ же преисполнился къ нему величайшаго уваженія.

— Ахъ, я о васъ что-то слышалъ! — окончательно сразилъ его Микини. — Гдѣ-то мнѣ говорили. Едва ли не во дворцѣ, когда я пѣлъ тамъ въ послѣдній разъ...

Лаубе почувствовалъ себя маленькимъ.

— Что вамъ угодно? — Выслушавъ его просьбу давать уроки его женѣ, Микини поморщился.

— У меня ихъ столько, что я не знаю, гдѣ мнѣ взять времени... И притомъ, я ѣзжу давать уроки только ***,—и онъ назвалъ такихъ лицъ, что Лаубе привсталъ.

— Какъ же сдѣлать это?—робко и почтительно спросилъ онъ.

— Ваша жена можетъ сюда ѣздить ко мнѣ?

— О, нѣтъ, это неудобно... Я готовъ платить больше... Но...

— Наплевать мнѣ на ваши деньги! – воскликнулъ Микини, хотя онъ уже чувствовалъ при одномъ намекѣ на нихъ легкое разстройство желудка, какъ говорила мамаша Леокадіи.— Что для меня, для Микини, деньги!

Лаубе въ первый разъ встрѣчалъ человѣка, такъ презрительно относившагося къ деньгамъ.

— Впрочемъ... графиня *** уѣзжаетъ заграницу, и у меня будетъ лишній часъ времени...

— Ради Бога!—взмолился Лаубе. Ему уже казалось, что Микини придастъ еще болѣе блеска его дому.

— Я долженъ васъ предупредить только, что я навѣрное вамъ не обѣщаю. Если ваша жена талантлива—хорошо, нѣтъ—я откажусь. Я не могу терять свое время даромъ, вы понимаете. Мои условія—если самъ я ѣзжу,— пятьдесятъ рублей за полчаса,— у меня на дому— половина.

— О, это пустяки.

Когда Лаубе ушелъ, все спокойствіе Микини исчезло. Онъ вдругъ ослабѣлъ и упалъ въ кресло.

— Ну, Леокадія, мнѣ удалось убѣдить

Микини послушать тебя,—объявилъ ей Лаубе вернувшись.—Только смотри, онъ очень труденъ. Онъ даетъ уроки во дворцахъ... Если ты да не съумѣешь завлечь его давать уроки тебѣ—на глаза мнѣ не показывайся. Я не даромъ нашелъ его тебѣ. Это надо цѣнить.

— Знаешь,—раздражительно объявила Леокадія,—ты мнѣ надоѣлъ съ этимъ Микини, и я его уже начинаю ненавидѣть.

X.

А дѣятельность конторы Лаубе за все это время развивалась все шире и шире. Казалось, вся Россія была захвачена сѣтью безчисленныхъ рекламъ, объявленій, приглашеній, направлявшихся во всѣ ея концы неутомимымъ Альбертомъ Вильгельмовичемъ. Цѣлая экспедиція была занята ихъ разсылкою, и не было такого мѣстечка въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Сибири и Кавказа, которое уже не получило бы въ томъ или другомъ видѣ вѣсточки о томъ, что объявился-де въ Петербургѣ нѣмецъ, благодѣющій русскому человѣку по семи и по восьми проц. годовыхъ, на какой угодно капиталъ, будь онъ большой или малый—все равно. Рѣка вкладовъ обратилась въ наводненіе. Духовенство сходилось и съѣзжалось сюда

изъ деревень. Прямо посылать деньги попы не хотѣли. Сначала желали убѣдиться. Являлись и видѣли въ дѣйствительности: стоитъ такая банка, сидитъ въ этой банкѣ и раздаетъ деньги нѣмецъ. Настоящій нѣмецъ—склизкій: Лаубе былъ необычайно любезенъ съ ними. Онъ, казалось, только и существовалъ для того, чтобы давать имъ «деньги». Сначала служившимъ у него конторщикамъ было страшно, но видя его спокойствіе и увѣренность, они перестали разсуждать. Шуршаніе ассигнацій цѣлый день наполняло контору какимъ-то стихійнымъ шумомъ. Въ кабинетѣ у патрона начали уже показываться сановники, которые, отчасти благодаря прекраснымъ глазкамъ и чуднымъ ножкамъ Леокадіи Леонтьевны, оказывались постоянными гостями Лаубе. Онъ переманилъ къ себѣ какого-то замѣчательнаго повара на министерское жалованье, выписалъ отъ Бребана изъ Парижа остатки бывшихъ въ Тюйльери погребовъ Наполеона III и сталъ кормить такими изумительными обѣдами и поить столь тонкими винами, что никому и въ голову не приходило справляться: «откуда сіе» и куда стремится самъ Лаубе? Теперь уже онъ улыбался, когда все еще бременившій свѣтъ дядя Августъ телеграфировалъ ему: «Умѣй остановиться!» Опоздалъ старина!—смѣялся Лаубе:—и безъ тебя знаю моментъ. Являясь въ театры,

онъ, какъ свой, раскланивался съ самыми недоступными Зевсами, въ ихъ гостиныя приходилъ, какъ къ себѣ въ контору. Онъ бралъ у нихъ деньги, но немедленно доставлялъ имъ такіе куши, что тѣ изумлялись.

— Неужели это на мои деньги?

— Да!—скромно улыбался Лаубе.—Мнѣ посчастливилось поиграть ими на биржѣ.

— Пожалуйста, вотъ еще...

Онъ бралъ *еще* и приносилъ *опять еще*. Самые осторожные люди вынимали свои капиталы изъ государственнаго банка и несли къ нему. «Помилуйте, стоитъ это держать тамъ!» За Лаубе установилась кличка «геніальной головы», «министра финансовъ» и т. д. Случалось, нѣкоторые выражали даже сожалѣнія.

— Вотъ задумываются, какъ возстановить металлическое обращеніе. Ничего нѣтъ проще. Не будь нашихъ табелей о рангахъ да назначь Лаубе министромъ—и мѣсяца не прошло бы, какъ дѣла бы приняли иной оборотъ...

На Лаубе ссылалась печать. Лаубе по этому вопросу сказалъ то-то, Лаубе думаетъ то-то, Лаубе предпринимаетъ... и т. д. И чѣмъ судьба выше и выше къ самому небу подымала его на ладони, и чѣмъ больше у него кружилась голова, тѣмъ сильнѣе онъ старался владѣть собою. Запираясь у себя въ кабинетѣ, онъ за-

думывался. Часто ему самому приходило на мысль:

— Не пора ли... Не пробила ли уже минута *остановиться*?..

Онъ раскидывалъ умомъ: у него было уже полтора милліона, положимъ чужихъ, но это все равно, онъ считалъ ихъ своими, все остальное уплывало изъ его конторы на уплату процентовъ, премій, на взятки, на подарки, на благотворительность... Онъ сыпалъ щедрою рукою.

У него было уже полтора милліона. Не правъ ли ветхій деньми дядя Августъ? Не пробилъ ли часъ остановиться?.. Но полтора милліона теперь, когда онъ вошелъ во вкусъ дѣла, казались ему такою мелочью... Нѣтъ! Еще недавно предполагая работать не далѣе милліона, теперь онъ считалъ бы себя несчастнымъ, почти нищимъ, еслибы у него было бы менѣе трехъ. Съ величайшею осторожностью онъ мало-помалу переводилъ ихъ за границу. У него уже были значительныя суммы въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ. Онъ уже началъ вліять на берлинскую биржу неожиданными ударами, въ постоянной игрѣ en à la baisse... Его стѣсняло то, что популярность его становилась чрезмѣрна. Его могли узнать почти вездѣ, но... онъ успокоивался — онъ бѣлобрысъ. Стоитъ ему только почернѣть, и никто рѣшительно не

отгадаетъ въ немъ бѣжавшаго милліонера. Онъ открылъ даже у себя особенныя рубрики. Ему уже теперь постоянно посылали деньги на «приданое» и на «погребеніе». Онъ называлъ ихъ фондами и на нихъ выдавалъ еще бо́льшіе проценты. Рядомъ съ этимъ онъ уже видѣлъ себя въ невозможности держаться исключительно нѣмецкой среды, которой принадлежали всѣ его симпатіи. Русское все входило въ моду, національная партія уже сложилась и росла, пріобрѣтала внутреннюю упругость, яркую окраску. У Лаубе всегда было прекрасно развито верхнее чутье, и онъ уже вездѣ кричалъ: «мы русскіе, у насъ—у русскихъ, нашъ русскій народъ» и такъ далѣе. Самая литература его анонсовъ и объявленій измѣнилась значительно. Онъ теперь уже пестрилъ ихъ фразами: «съ нами Богъ» или «по славной русской пословицѣ», или «мудрость русскаго народа». Скоро, не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ уже считалъ себя призваннымъ стоять на стражѣ священнѣйшихъ русскихъ интересовъ. Ему недоставало случая публично выразить это, и онъ его страстно ждалъ, записывая народныя слова, поговорки и т. д. Особенно ему нравилось «трезвенное направленіе», и на немъ онъ выводилъ такія модуляціи, что самые непреоборимые идолы, самое несуразное boeuf-à-la mode начинало его считать своимъ. Онъ

иногда уже говорилъ «эфто и эфтимъ». Когда съ нимъ начинали по-нѣмецки, онъ нарочно громко обрывалъ собесѣдника и предлагалъ ему: «пожалуйста по-русски. Нашъ прекрасный и выразительный русскій языкъ...»—и шелъ уже въ карьеръ, закусивъ удила, на этомъ прекрасномъ и выразительномъ русскомъ языкѣ. Въ своей конторѣ, въ присутствіи массы кліентовъ,—въ день, когда выдавали проценты, онъ сдѣлалъ публично выговоръ преувеличенно приподнятымъ тономъ Крюдлиху за то, что тотъ заговорилъ съ кѣмъ-то по-нѣмецки. «Это русскій банкъ, русская контора и по сей причинѣ я прошу васъ выражаться на нашемъ прекрасномъ русскомъ языкѣ». Мало-по-малу, онъ проникъ въ кружокъ людей, стоявшихъ во главѣ этого движенія. Тутъ онъ былъ нуженъ. Ещебы, имъ недоставало денегъ, а самое имя Лаубе въ ушахъ ихъ звенѣло какъ золото. Въ обществѣ содѣйствія русской промышленности дебатировали вопросъ о вліяніи берлинской биржи на Россію. Лаубе казалось святотатствомъ упустить этотъ случай. Онъ явился, принялъ сначала участіе въ преніяхъ, а потомъ всталъ и произнесъ размѣренно—для нанятого имъ же стенографа — энергическую рѣчь, что пора-де намъ освободиться отъ берлинской биржи, что нѣмцы совсѣмъ насъ заѣли, до того, что положительно дышать спокойно не

даютъ прекрасному и благородному русскому народу, многотерпѣливому и довольному всѣмъ. Лаубе говорилъ горячо, жестикулировалъ сильно, и при словѣ «народъ» у него на глазахъ навертывались слезы. Онъ повѣдалъ о своей борьбѣ съ берлинской биржей, разсказалъ всѣ подвохи ея главарей, объяснилъ пути, которыми оттуда направляется эксплуатація всего русскаго. Встрѣченный аудиторіей довольно недовѣрчиво, Лаубе увлекъ въ концѣ-концовъ всѣхъ за собою, и рѣчь его была покрыта такими рукоплесканіями, что онъ только раскланивался смущенно и обрадованно. Всѣ газеты привели стенограмму его рѣчи, причемъ нѣкоторыя сочувственно подчеркнули ее передовыми статьями, а органы противоположнаго направленія, обругавъ его, сдѣлали ему этимъ еще бо́льшую услугу. Какой-то сановникъ, встрѣтясь съ нимъ, облобызалъ его и не могъ не выразить изумленія: «какая жалость, что у васъ, у русскаго по сердцу человѣка — нѣмецкая фамилія».

— У меня вовсе не нѣмецкая!—поправилъ тотъ.

— Какъ не нѣмецкая—«Лаубе»!

— Что-же, что «Лаубе». Я даже по-нѣмецки плохо говорю. И притомъ, я по происхожденію не нѣмецъ, а чухна.

— Вотъ-те и на!—не ожидалъ этого сановникъ.

— Разумѣется, ваше высокопревосходительство. Еще дѣдъ мой назывался «Лайба»— такія чухонскія лодки есть — и ужъ это мой отецъ измѣнилъ въ Ревелѣ Лайбу на Лаубе.

— Отчего бы вамъ не сдѣлаться русскимъ Лобовымъ?.. И похоже, и звучно.

— Я даже, можетъ быть, возсоединюсь... ей-Богу возсоединюсь со святою православною церковью.

Его высокопревосходительство былъ окончательно покоренъ этимъ. Онъ горячо обнялъ Лобова, Лайбу, Лаубе тожъ, и, гдѣ слѣдуетъ, началъ ходатайствовать о награжденіи Альберта Вильгельмовича орденомъ св. равноапостольнаго князя Владиміра. Почва была такъ подготовлена, что крестъ украсилъ, наконецъ, петличку «великодушнаго благотворителя».

До сихъ поръ у Лаубе все шло прекрасно «въ гостяхъ и дома».

Повинуясь ему, Леокадія Леонтьевна сильно занялась пѣніемъ и сдѣлала большіе успѣхи.

Когда Антошка Мякининъ въ первый разъ пришелъ къ ней, она его приняла безъ мужа.

— Здравствуйте, Антошка!—безцеремонно встрѣтила она его, и, увидѣвъ его торжественное лицо, лакированное, съ влажными карими глазами—расхохоталась.

— Чего это вы?—съ неудовольствіемъ спросилъ онъ.

— Какіе вы еще мужу дворцы выдумали!.. Ахъ Антошка, Антошка,—васъ такъ мама называетъ—вы совсѣмъ, кажется, неисправимы.

— Не вамъ говорить!..

— А помните, какъ мы съ вами отплясывали въ клубѣ?

— Да! — Антошка вздохнулъ и принялъ грустный видъ.

— Чего вы это нахохлились? Это вамъ вовсе не идетъ!—И проходя въ эту минуту мимо него, она растрепала ему волосы.

Синьоръ Антоніо Микини поймалъ ея руку, поцѣловалъ и хотѣлъ удержать ее въ своей.

— Цыцъ!—остановила она его.—И больше этого чтобы не было,—вы слышите меня?..

— Какъ!—изумился онъ.—Неужели вы любите этого вашего... солитера? Никогда бы я этому не повѣрилъ.

— Антошка! Мы съ вами старые друзья, и съ вашей стороны даже глупо воображать меня легкомысленною дѣвчонкою, способною спрягать глаголъ «любить». Я работаю, чтобы себя обезпечить, какъ работаете вы. Вотъ и все.

— Но всякая работа требуетъ отдыха, развлеченій. Не могу же я повѣрить, чтобы вы отдались душою... этому...

— Пожалуйста, безъ глупыхъ сравненій. Вы мой учитель пѣнія и ничего болѣе.

— Это теперь... пока... а потомъ?

— Тамъ будетъ видно. Ничего даромъ въ руки не дается, все надо заслужить сначала. Такъ вы это и знайте!

Антоніо Микини являлся къ ней два раза въ недѣлю. Когда это случалось при Лаубе— учитель необыкновенно строго относился къ своей ученицѣ, дѣлалъ ей выговоры, горячился— и въ то же время былъ очень почтительнымъ съ ея мужемъ, что тому ужасно льстило.

— Хорошенько ее, хорошенько... Браните, браните! — поощрялъ тотъ. — Такъ ее и слѣдуетъ .. А ты не заставляй бранить себя, учись, работай, не лѣнись...

— У madame,—изгибался Микини,—такой талантъ, что къ ней можно и должно предъявлять высшую мѣру требованій.

Когда Лаубе уходилъ, они оба принимались хохотать, и изрѣдка Микини уже позволялъ себѣ цѣловать ученицу или въ щечку, или въ шею, за что каждый разъ очень больно доставалось его шевелюрѣ. Разъ Микини долго и безмолвно смотрѣлъ на нее и вдругъ совершенно неожиданно спросилъ: «Отчего бы вамъ, Леокадія, не выйти за меня замужъ?»

— За васъ?—удивилась та.—Съ чего же это вамъ пришло въ голову? Ну, какой вы мужъ? Развѣ изъ такого матеріала дѣлаютъ мужей? Полюбуйтесь на себя въ зеркало.

— Отчего же не мужъ?—обижался тотъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы эти глупости выбросьте изъ головы. Для мужа въ васъ не хватаетъ многаго. Изъ васъ, я не спорю, можетъ выйти отличный любовникъ—и только, но не мужъ!

— Je ne demande pas mieux! Возьмите меня въ любовники.

— Вы думаете, я лучшаго не найду? Да кромѣ того, это еще рано.

Тѣмъ не менѣе, сближеніе между ними росло. Засушенная узкою и эгоистическою натурою Лаубе, Леокадія отходила немного подъ вліяніемъ музыки и свои восторги передъ искусствомъ переносила, какъ это бываетъ обыкновенно, на учителя.

Между тѣмъ, Лаубе продолжалъ распинаться за русское отечество. Дѣла его шли такъ хорошо, что ему часто приходило въ голову: нельзя ли такъ устроиться, чтобы никогда не надо было «останавливаться». Онъ мечталъ объ этомъ, сидя послѣ обѣда съ сигарой въ зубахъ. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ этой рѣкѣ засаленныхъ кредитныхъ бумажекъ когда-нибудь измѣнить свое направленіе и искать себѣ другое русло? Развѣ этимъ деньгамъ не хорошо у него?.. Но слѣдя за тѣмъ, какъ дымъ медленно, тонкими, тонкими кольцами расплывался миражемъ въ воздухѣ, онъ не видѣлъ никакихъ средствъ упрочить за собою надолго свое положеніе. Еслибы его

начать скромно, не съ неумѣренныхъ, прямо разсчитанныхъ на обманъ, процентовъ—было бы другого рода дѣло. Но тогда вклады никто не вносилъ бы къ нему, и артельщикамъ въ ихъ клѣткахъ не приходилось бы работать до поту. Только для быстраго обогащенія и можно именно такъ повести дѣло, и онъ нисколько не ошибся, что выбралъ этотъ путь... нисколько не ошибся; теперь все дѣло только въ томъ, чтобы ловко остановиться!.. Но на это есть еще время, и онъ подумаетъ... Ему жаль было покидать здѣсь: этотъ дешево доставшійся почетъ; этихъ любезныхъ и внимательныхъ людей; эту дѣвушку, которая, казалось, была ему предана всѣмъ сердцемъ, всею душею.

До сихъ поръ только одно ему не задавалось и грызло его самолюбіе: онъ ни разу не показывался на вечерахъ у министра. Пока онъ не появится тамъ, его положеніе не достаточно прочно. Онъ все-таки въ финансовомъ мірѣ будетъ считаться незаконнорожденнымъ. Онъ давно добился приглашеній къ нѣсколькимъ посланникамъ, которымъ имѣлъ случай оказывать услуги. Но это было все не то. Министръ еще сторонился отъ него, еще присматривался къ нему. Въ его осторожности Лаубе чудилось, что его планы разгаданы, что только одинъ этотъ человѣкъ понималъ его сокровеннѣйшія мысли и слѣдилъ за нимъ.

Ему надо быть приглашеннымъ, не только для того, чтобы стать, наконецъ, наравнѣ съ старыми фирмами, но чтобы и успокоиться самому.

Онъ все дѣлалъ для этого.

Онъ содѣйствовалъ его видамъ на берлинской биржѣ, онъ познакомился и сошелся съ его друзьями. У него въ кассѣ было не мало гербовой бумаги со столбиками, украшенной ихъ автографами, но то именно, чего онъ добивался, ему то и не давалось въ руки.

Напрасно его увѣряли, что министру просто не приходило въ голову пригласить его. Лаубе былъ неутѣшенъ.

— Положимъ, ему не приходило въ голову... но почему? — съ тевтонскою тупостью стоялъ онъ на своемъ.

Онъ сталъ покровителемъ искусствъ. Скупалъ на выставкахъ лучшія картины. У него начала образовываться маленькая коллекція. Онъ получилъ званіе почетнаго вольнаго общника академіи. Ему показалось мало этого; онъ проникъ съ своими проектами въ самый совѣтъ министерства. Министръ любилъ картины. И вотъ Лаубе грезилось, что когда-нибудь онъ пріѣдетъ обозрѣть ихъ къ нему, къ Лаубе, а онъ съ благородною простотою начнетъ ему разсказывать, съ какими трудностями онѣ доставались ему. Но время проходило. Лаубе все

росъ и богатѣлъ, все шире и шире расходились тонкія паутины его операцій, а еще ни разу ему не привелось получить атласистаго конверта съ надписью на верху «Отъ г. министра финансовъ» и съ печатнымъ приглашеніемъ пожаловать на вечеръ. Онъ видѣлъ такіе пакеты у своихъ друзей на столахъ, и они дразнили его взглядъ и воображеніе. Иногда, просыпаясь ночью, онъ вперялъ въ пространство свои безцвѣтные глаза и съ тоской допрашивался у окружавшей его тьмы:

— Отчего, отчего ему не пригласить меня?

И потомъ, погружаясь въ горестныя размышленія, онъ восклицалъ:

— И что такое еще сдѣлать?..

Леокадіи Леонтьевнѣ случалось просыпаться въ такія минуты. Она съ недоумѣніемъ прислушивалась къ Лаубе, потомъ спрашивала его: «Ты о комъ это?» — «Такъ, ничего,—недовольно отвѣчалъ банкиръ.—Такъ, ничего. Пустяки, сонъ мнѣ снился». И онъ смолкалъ до утра, тая про себя свою великую обиду.

Наконецъ ему пришла въ голову блестящая идея.

За границей начались нападки на русскую финансовую политику. Германская биржа, повинуясь крѣпкой волѣ желѣзнаго канцлера, объявила намъ отчаянную войну. Оружіемъ нельзя было заставить насъ пойти на уступки.

Война была слишкомъ рискована для самой Германіи, и вотъ, насъ задумали разорить среди полнаго мира и спокойствія. Нашъ курсъ падалъ и подымался, напоминая «американскаго чертенка» въ банкѣ, въ рукахъ у вербныхъ торговцевъ. Сегодня 200, завтра 163, послѣзавтра 158, потомъ опять 170 и т. д. Скачки эти чувствительно отражались на нашихъ дѣлахъ, и во всей Европейской печати не было ни одного властнаго и авторитетнаго голоса, который бы вступился за несчастные финансы могущественнѣйшей изъ имперій. Рептиліи, существовавшія на наши деньги, оказывались для этого слишкомъ бездарны или слишкомъ глупы. Полуофиціозные «Nord'ы» были мало внушительны, и къ ихъ голосу никто не прислушивался. «Börsen-Kurier» пробовалъ вступаться за насъ, но, не поддержанный сначала, быстро терялъ всякую охоту. Это подало Лаубе счастливую мысль.

Онъ на другой день послалъ къ Сержу Клюквенному.

— Есть у васъ финансистъ?—спросилъ онъ у него безъ церемоніи.

— У насъ есть все... Зависитъ отъ денегъ, какія вы ассигнуете.

— Я могу заплатить за это хорошо.

— А если можете заплатить, то зачѣмъ же задаете праздные вопросы?

Финансистъ былъ уловленъ и доставленъ. Лаубе недѣлю не показывался у себя въ конторѣ. Крюдлихъ пріѣзжалъ къ нему съ докладами. Альбертъ Вильгельмовичъ безотходно сидѣлъ, запершись съ финансистомъ, и они вмѣстѣ работали надъ чѣмъ-то. Прошло еще двѣ недѣли, и вдругъ одновременно, и въ Петербургѣ, и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ, вышла одна и та же, на соотвѣтствующихъ языкахъ, сенсаціонная брошюра: «Финансы Россіи.— Откровенное мнѣніе независимаго банкира». Фамилію свою Лаубе не поставилъ. Надо отдать справедливость ему и «рекомендованному» Сержемъ Клюквеннымъ финансисту,—брошюра была написана горячо и талантливо. Разумѣется, «русское отечество» было на первомъ планѣ, и независимый банкиръ блистательно доказывалъ неистощимость нашихъ финансовыхъ средствъ и крѣпость русской, терпѣливой, прекрасной и благородной націи... Этого было мало. По появленіи брошюры, Сержъ Клюквенный съ ногъ сбился, объѣзжая дружественныя ему редакціи, и вездѣ устраивалъ ей добрый пріемъ. О брошюрѣ заговорили... Всѣ знали, что авторъ ея — Лаубе (финансистъ разумѣется, какъ и слѣдовало ожидать, остался въ сторонѣ). Всѣ на Лаубе намекали. Берлинская печать отозвалась, парижская тоже. Кольнише-Цейтунгъ началъ съ Бёрзенъ-Курьеромъ неистовую по-

лемику. Къ первому присоединились Блейхредеровая и Мендельсоновская газеты вкупѣ; къ послѣдней—независимая печать и французскія изданія. Инкогнито Лаубе было тотчасъ же нарушено. Онъ и за рубежомъ сдѣлался героемъ дня.

На вечерѣ у какого-то посланника его встрѣтилъ министръ и самъ подошелъ къ нему.

У Лаубе заколотилось сердце.

— Я читалъ вашу брошюру. Она талантливо и умно написана.

Лаубе согнулся въ три погибели.

— Вы оказали намъ услугу... Я жалѣю, что ранѣе не познакомился съ вами ближе.

— Ваше высокопревосходительство... Я ничего не сдѣлалъ... Я долженъ былъ... на пользу нашего прекраснаго русскаго отечества... — Чуть замѣтная улыбка пробѣжала по лицу сановника. Онъ еще разъ пожалъ руку Лаубе и отошелъ прочь. Лаубе зналъ, что черезъ недѣлю будетъ у него раутъ, и ходилъ ни живъ, ни мертвъ.

За три дня до раута онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ. «Нѣтъ, ничего не будетъ, ничего!» повторялъ онъ про себя.

И только наканунѣ атласистый большой конвертъ лежалъ у него на столѣ. Лаубе торжествовалъ.

XI.

Все кругомъ вѣрило въ геній Альберта Вильгельмовича, всѣ смотрѣли въ глаза Лаубе— одинъ только Крюдлихъ хмурилъ свои сѣдыя брови и насмѣшливо поглаживалъ серебряную бороду, прислушиваясь къ гулу похвалъ, расточавшихся его хозяину. Онъ велъ себя по отношенію къ послѣднему почтительно, но сдержанно. Онъ ограничивался одними служебными отношеніями и ни разу не поддавался на любезности заискивавшаго въ немъ патрона. Когда тотъ спрашивалъ его: «отчего вы не бываете на моихъ вечерахъ?»—Крюдлихъ ссылался на свою старость и просилъ освободить его отъ нихъ. Его не восхищала, какъ другихъ конторщиковъ, рѣка замусленныхъ кредитныхъ бумажекъ, наводнявшая контору. Онъ дѣлалъ свои вычисленія самъ для себя, угрюмо соображая что-то. Онъ видѣлъ, куда эта рѣка вливается и какъ она распредѣляется по каналамъ, но никакъ не могъ понять, какъ съ нею распоряжается Лаубе. Въ пору всеобщаго застоя, когда все кругомъ жаловалось на отсутствіе дѣла, когда деньги лежали у всѣхъ безъ обороту, одинъ Альбертъ Вильгельмовичъ ухитрялся платить по 6—7 и даже по 8 про-

центовъ. Это кружило голову Крюдлиху. Разъ или два онъ побывалъ на биржѣ самъ, еще чаще посылалъ туда другихъ, разспрашивалъ третьихъ, бывшихъ тамъ — оказывалось, что дѣла у Лаубе были и въ этомъ отношеніи незначительны, что Лаубе являлся туда только для показу. Ему было пріятно видѣть, какъ все это галдѣвшее, занятое и возбужденное море людскихъ головъ разступалось передъ нимъ, вчера еще незначительнымъ нѣмчикомъ-клеркомъ; какъ отовсюду ему отвѣшивали поклоны; какъ люди, кучерамъ которыхъ еще наканунѣ онъ платилъ деньги, чтобы они ставили своихъ лошадей у него къ подъѣзду, пробивались къ нему черезъ толпу, чтобы пожать руку «драгоцѣннѣйшему Альберту Вильгельмовичу». Биржа тѣшила его самолюбіе, но не давала ему денегъ. «Но какой же секретъ?» задумывался Крюдлихъ, и странное дѣло—всю свою жизнь не питавшій сильныхъ страстей, не знавшій злобы и ненависти, онъ чувствовалъ, что въ его душѣ растетъ вражда къ своему хозяину. Сначала это было презрѣніе къ выскочкѣ, вчера еще находившемуся у него подъ началомъ, а сегодня командовавшему имъ, Крюдлихомъ. Потомъ — онъ все-таки по своему, своимъ бухгалтерскимъ сердцемъ, любилъ покойнаго Эдуарда Поппе. Когда онъ догадался, кто разоряетъ послѣд-

няго – презрѣніе смѣнилось негодованіемъ, но въ коммерческомъ мірѣ соперничество вызываетъ еще и не такія уродливыя явленія! Крюдлихъ въ этомъ видѣлъ пользу самого Лаубе и еще не очень обвинялъ его. Онъ понималъ, что Эдуардъ Поппе старъ, что Эдуарду Поппе «слѣдовало остановиться» и что Эдуардъ Поппе отчасти и самъ является причиною своего паденія. Но когда Лаубе поставилъ бывшаго патрона къ пустовавшей до сихъ поръ и, очевидно, предумышленно вакантной конторкѣ, — негодованіе Крюдлиха смѣнилось враждою, а послѣ самоубійства Эдуарда Поппе — вражда обратилась въ ненависть. Въ правильной, прекрасно разграфленной на всевозможныя рубрики душѣ Крюдлиха явилась новая графа больше всѣхъ другихъ и, очевидно, щеголявшая самыми крупными цифрами: въ ней значился долгъ Альберта Вильгельмовича Лаубе Эдуарду Поппе. Цифры здѣсь все росли и росли, проценты шли на проценты и итоги подымались въ геометрической прогрессіи. Крюдлихъ терпѣливо ждалъ момента — предъявить этотъ долгъ ко взысканію и боялся только одного — смерти, которая можетъ стереть его совсѣмъ. Поэтому, поглощенный своею преобладающею страстью, онъ и ограничилъ себя во всемъ, пересталъ посѣщать Лейнера и пить тамъ пиво, оставилъ вообще вино, рано ло-

жился и рано вставалъ — велъ жизнь самую гигіеническую и, чувствуя, что, несмотря на свою старость, онъ крѣпнетъ, что силы прибавляются въ его ветхомъ организмѣ, онъ, уже улыбаясь, привѣтствовалъ Эдуарда Поппе по утрамъ. Портретъ покойнаго патрона висѣлъ у него передъ кроватью:

«Погоди, старый товарищъ,—говорилъ онъ.— Скоро Лаубе заплатитъ тебѣ весь свой долгъ!..» И бодро шелъ пѣшкомъ въ свою контору. И чѣмъ выше подымался Лаубе, тѣмъ довольнѣе становился Крюдлихъ. «Это такъ, это хорошо, это очень хорошо,—говорилъ онъ про себя!—Такъ и слѣдуетъ... Такъ и слѣдуетъ... Это прекрасно... Превосходно...»

Онъ прекрасно понималъ, что на извѣстной высотѣ у того должна закружиться голова, что можно такимъ путемъ безнаказанно идти только до того или другого предѣла; но разъ его достигнешь—дорогъ дальше нѣтъ и надо летѣть въ пропасть безъ дна и безъ края!.. Крюдлихъ видѣлъ, что Лаубе уже почти достигъ этой высоты, и скоро самъ намѣревался дѣйствовать. Онъ еще не зналъ, какъ онъ примется за Альберта Вильгельмовича, онъ еще обдумывалъ. Первый ударъ, который онъ нанесетъ, будетъ рѣшительнымъ ударомъ. Лаубе долженъ закачаться отъ него, а по второму летѣть внизъ...

Теперь Крюдлихъ уже не ходилъ все время понурясь. Онъ, очевидно, неустанно работалъ надъ своимъ проектомъ. За послѣдніе дни ему стали ясны намѣренія Лаубе. Для всѣхъ геній, магъ и волшебникъ—для Крюдлиха онъ оказался только крупнымъ мошенникомъ. Крюдлихъ понималъ, что никакіе обороты не могли оплатить расходовъ Лаубе, что онъ лишь собираетъ деньги, которыя текутъ къ нему на вклады, что онъ, просто-напросто, торгуетъ десять разъ одними и тѣми же билетами, покупаемыми десятью лицами въ разсрочку, только въ разныхъ городахъ, и выплачивая проценты изъ тѣхъ же денегъ, которыя получаетъ. Придя къ этому, Крюдлихъ обрадовался. Онъ хорошо понялъ теперь, что отъ него одного зависитъ ударить по ногамъ Лаубе въ тотъ моментъ, когда онъ, Крюдлихъ, найдетъ это нужнымъ и благовременнымъ. Оттого-то въ послѣдніе дни онъ носилъ голову такъ высоко... Оттого-то такой ясною улыбкою онъ провожалъ патрона, когда тотъ проходилъ мимо него. Пустой случай помогъ Крюдлиху—Лаубе забылъ у себя въ кабинетѣ записную книжку, въ которой отмѣчалъ цифры вкладовъ, деньги, поступавшія къ нему, и напротивъ подъ знаками минуса ставилъ проценты, выплачивавшіеся имъ. Вся механика оказывалась немудреной... Итоги росли. Оказывалось теперь у Лаубе уже около

двухъ милліоновъ рублей остатку... Самъ Лаубе думалъ—не пора ли остановиться, но дѣло шло такъ хорошо, такъ быстро, такъ головокружительно быстро!.. Прежде, когда онъ начиналъ его — его мечтою было работать до милліона... Потомъ, когда этотъ милліонъ дался легко, Лаубе сообразилъ, что глупо удовлетвориться однимъ милліономъ, когда можно взять полтора... А собралось полтора — такъ было близко до двухъ... Когда у него уже было два—положеніе его въ Петербургѣ стало блистательно — онъ чуть не первый человѣкъ на биржѣ. Ему хотѣлось еще нѣсколько дней упиваться славою, лестью, почетомъ, всѣмъ, о чемъ онъ такъ мечталъ. Ему нравилась власть для власти, и онъ думалъ: «всегда успѣю... Подожду до трехъ. Стану работать на три милліона...» Деньги помѣщались за-границей, въ вѣрныя мѣста и руки, на предъявителя... Отступленіе онъ себѣ обезпечивалъ съ честью и не зналъ только одного, что «старый идіотъ», котораго онъ держитъ въ конторѣ за его сѣдую бороду и представительность, гораздо умнѣе его — молодого, зарвавшагося финансиста—и не только умнѣе, но и зорко слѣдитъ за нимъ и только ждетъ момента нанести ему ударъ.

На другой день, хватившись своей книжки, Лаубе бросился искать ее. Она не была ему

нужна, потому что и дома онъ записывалъ цифры и деньги... Но она была ему опасна. Онъ кидался отъ стола къ столу, отъ ящика къ ящику. Жену спросилъ: та только подняла свои черныя брови къ челкѣ но ничего не вѣдала вовсе. Прислуга и понять не могла— о чемъ ее спрашиваютъ. Лаубе—въ контору; позвалъ Крюдлиха: «Не оставлялъ ли я вчера здѣсь свою книжку?..» — Какую книжку? — «Маленькую записную книжку?» — Но Крюдлихъ, вмѣсто отвѣта, крикнулъ сторожа и спросилъ его. Очевидно, и здѣсь не было ничего. Лаубе сообразилъ, что вѣрно выронилъ ее гдѣ-нибудь на улицѣ. На книжкѣ не значилось его имени вовсе. Тотъ, кто ее нашелъ бы — ничего въ ней не пойметъ все равно... Онъ безпокоился еще два или три дня, а потомъ забылъ совсѣмъ о пропажѣ. Зато Крюдлихъ не забылъ о ней. Онъ рылся въ конторскихъ книгахъ, выписывалъ оттуда итоги вкладовъ, сравнивалъ ихъ съ книжкой, итоги выплаченныхъ процентовъ, возстановлялъ по ничтожнѣйшимъ намекамъ всю процедуру операцій Лаубе и, кончивъ недѣли черезъ двѣ все это — успокоился. Теперь онъ провожалъ своего хозяина торжествующимъ взглядомъ. Лаубе былъ у него въ рукахъ, и стоило только Крюдлиху захотѣть, чтобы тотъ забился у него на острогѣ, какъ пойманная крупная рыба... Весь

обвинительный актъ противъ хозяина былъ уже готовъ въ умѣ Крюдлиха. По вечерамъ онъ сидѣлъ дома — и писалъ, и писалъ что-то... Крюдлихъ въ эти дни ужасно боялся, что какой-нибудь глупый случай — ударъ, что ли, нежданная другая болѣзнь, свалившійся сверху ему на голову карнизъ, наѣхавшая конка могутъ спасти Лаубе. Умретъ онъ, Крюдлихъ— и Лаубе удастся все, все!.. Значитъ надо, во что бы то ни стало, если и умретъ Крюдлихъ, оставить по себѣ весь этотъ обвинительный актъ въ вѣрныхъ рукахъ. Сначала онъ написалъ его... Потомъ уже сталъ соображать, что ему дѣлать... кому поручить это сокровище... Крюдлихъ остановился-было на Кенигѣ. Но Кенигъ былъ слишкомъ легкомысленъ. Онъ, пожалуй, продастъ Лаубе секретъ за деньги, и Крюдлихъ съ Поппе останутся неотмщенными. Русскіе служащіе отличались, на взглядъ Крюдлиха, до глупости доходившею преданностью хозяину. Эти бы, пожалуй, и не продали, а прямо принесли бы его работу Лаубе и отдали ему. Тогда онъ перенесъ ее въ государственный банкъ на храненіе, составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ приказалъ ящикъ съ этими бумагами немедленно послѣ его смерти послать прокурору с.-петербургской судебной палаты.

Сдѣлавъ это, онъ окончательно успокоился.

Теперь смерть ничего бы не измѣнила въ его намѣреніяхъ. Исполненіе дѣла оказалось бы въ отличныхъ рукахъ.

Еслибы Лаубе могъ проникнуть хоть отчасти въ планы своего конторщика — спокойный видъ и душевная ясность разомъ бы оставили геніальнаго финансиста.

— Погоди, Поппе, теперь скоро... очень скоро!..—весело по утрамъ встрѣчалъ упорный взглядъ стараго банкира Крюдлихъ. И, подходя къ его портрету, торжествуя и радуясь, продолжалъ:

— Онъ кончитъ такъ же, какъ и ты, такъ же, какъ и ты... А можетъ быть еще хуже. Будь спокоенъ, старый Эдуардъ.

Онъ только теперь понималъ насколько былъ привязанъ къ бывшему хозяину. Прежде дѣла ему застили эту привязанность, теперь Крюдлихъ цѣлые дни проводилъ наединѣ съ портретомъ и вслухъ говорилъ ему о своихъ планахъ; возбуждаясь, повышалъ тонъ, жестикулировалъ. Онъ ему разсказывалъ какъ онъ поймаетъ Лаубе, надсмѣется надъ нимъ, оскорбитъ его.

— Вотъ такъ возьму за шиворотъ молодую гадину и стану трясти... Трясти, пока онъ не одурѣетъ.

И онъ дѣлалъ соотвѣтствующія движенія рукою,—кого-то хваталъ за шиворотъ, потрясалъ—и взглядывалъ на Эдуарда Поппе.

— Тебѣ это нравится, старый хозяинъ?.. Да?.. Тебѣ это нравится... Да... Я вижу, что ты улыбаешься... Такъ и слѣдуетъ, да, такъ и слѣдуетъ.

— Потомъ, если у него не окажется столько же мужества, сколько его было у тебя, я его сдамъ... Пускай его судятъ люди...

Воспользовавшись первымъ свободнымъ днемъ, когда контора была заперта, онъ взялъ извозчика и поѣхалъ на кладбище.

День былъ недурной. Май оканчивался зноемъ и засухами, но со вчерашняго дня поднялась гроза съ дождемъ, освѣжила застоявшійся воздухъ, такъ что когда Крюдлихъ выбрался за городъ, ему показалось даже прохладно. Легкій вѣтерокъ трепалъ зелень молодыхъ березъ, чуть-чуть шевелилъ старыя деревья, пробѣгая по ихъ вершинамъ. На бѣлесоватой, свѣтлой лазури неба еще неслись разорванныя тучки, но ихъ уже было мало, и солнце свѣтило ярко, порою только заслоняясь ими.

Крюдлихъ давно собирался посѣтить Эдуарда Поппе въ мѣстѣ его послѣдняго успокоенія. Очень давно! Ему до сихъ поръ не удавалось. Во-первыхъ, были дѣла, во-вторыхъ, они еще все не приводились въ достаточную ясность. Крюдлихъ съ наслажденіемъ пилъ воздухъ, за городомъ гораздо болѣе чистый,

чѣмъ въ его улицахъ и домахъ. Старому конторщику рѣдко доставалось это удовольствіе. Онъ по дорогѣ купилъ вѣнокъ изъ иммортелей и бережно держалъ его на колѣняхъ, чтобы отъ тряски онъ не разсыпался. Ему казалось, что тонкія вѣтки березокъ вмѣстѣ съ нимъ радуются и киваютъ ему, безмолвно посылая свое «зеленое» здравствуй. Когда солнце освѣщало ихъ, это «здравствуй» было особенно весело, когда солнце пряталось за тучи— и онѣ хмурились, и старый Крюдлихъ, успокоивая ихъ, самъ про себя думалъ: «погодите, погодите... Скоро все кончится, и вашъ Эдуардъ Поппе будетъ отомщенъ». Почему *вашъ* Поппе? Чѣмъ далѣе смерть его отходила назадъ, тѣмъ больше привязывался къ нему Крюдлихъ, и тѣмъ неотступнѣе съ воспоминаніями о старикѣ-хозяинѣ все сливалось для него, и земля, и небо, и воздухъ... Все было проникнуто Эдуардомъ и отовсюду смотрѣлъ на него Эдуардъ и ждалъ...

Иногда Крюдлиху дѣлалось даже страшно. Ему казалось, что онъ помѣшается на этомъ!

Кладбище издали показалось ему зеленымъ облакомъ. Рѣдкія деревья, колыхавшіяся отъ вѣтра, сливались въ одно марево.

На старика повѣяло оттуда кроткимъ миромъ и спокойствіемъ. Но эта тишина и кротость были для Эдуарда Поппе и для мерт-

выхъ, для того, что осталось позади; для Лаубе—въ распоряженіи у Крюдлиха оказывалась одна ненависть...

Старику нечего было справляться, куда идти. Рядомъ съ Эдуардомъ Поппе онъ купилъ себѣ мѣстечко и хорошо зналъ его.

Сторожъ поклонился Крюдлиху.

— Ну, что... Все у васъ въ порядкѣ здѣсь?..—строго спросилъ его старикъ.

— Какже-съ... Все-съ... Попкину могилку содержимъ—хоть во дворецъ и то не стыдно.

— Ну, то-то. И, пошаривъ у себя въ карманѣ, онъ сунулъ ему рублевую бумажку.

— Теперь бы самое настоящее время цвѣтовъ посадить. Отлично бы принялись.

— Цвѣтовъ, да, да... это хорошо... цвѣтовъ. Покойный Эдуардъ Поппе очень любилъ цвѣты.

— Чего лучше. И ему, вашему упокойничку, спокойнѣе лежать будетъ. Все-таки оттуда увидятъ онѣ заботу... Это хорошо.

— Такъ ты распорядись. А я заплачу. Ты вѣдь знаешь меня?

— Помилуйте, — обидѣлся сторожъ, — такихъ господъ да не знать, ваша фатерка-то въ Кирпичномъ переулкѣ.

— Ну вотъ. Что будетъ стоить—придешь, я заплачу.

— Тогда я завтра же... Вотъ тутъ гене-

ральша Фоссъ надъ своимъ супругомъ приказала на цѣлыхъ двадцать рублей посадить... За евоное хорошее поведеніе значитъ... За то, что лелѣялъ ее упокойничекъ. Ну, мнѣ что-жъ! Я привелъ садовника и насадилъ. Отлично принимаются, когда дождичекъ спрыснетъ, а нѣтъ дождичка, такъ я для хорошихъ господъ, кои, значитъ, чувствуютъ, съ лейкой, все одно, что дождичекъ.

— Ну вотъ, вотъ, старайся... старайся... За мной не пропадетъ.

— Когда за вами пропадало... нѣшто я не вижу!..

— Ну, теперь ступай, я и одинъ посижу.

Сторожъ снялъ шапку и пошелъ прочь.

Крюдлихъ остался одинъ.

Какая тишина кругомъ. Только чижи да зяблики возятся въ вершинахъ деревьевъ. Да и тѣ всполошатся, зачирикаютъ и опять смолкнутъ, и тогда слышится, кажется, какъ сердце бьется въ груди... Крюдлихъ сѣлъ на деревянную скамью, которую онъ приказалъ врыть около большого мраморнаго бѣлаго креста, поставленнаго имъ надъ Эдуардомъ Поппе. Вотъ онъ здѣсь, старый хозяинъ. Спитъ себѣ, и покойно, тихо ему... На зеленомъ фонѣ дерева этотъ большой бѣлый крестъ очень красивъ... Только и осталось отъ всего этого долгаго существованія! Только! Крюдлихъ заду-

мался. Вотъ рядомъ его мѣсто. Онъ его оградилъ рѣшеткою и, по нѣмецкой аккуратности, даже приладилъ дощечку: «сіе мѣсто принадлежитъ тѣлу Іоганна-Маріи-Вольфрама Крюдлихъ». Онъ хотѣлъ-было по-русски прибавить потомъ: «миръ праху его», да вспомнилъ, что онъ пока еще не прахъ и удовлетворился этимъ. Хорошо здѣсь. На его могилѣ трава поднялась, какіе-то весенніе голубые цвѣтки изъ нея смотрятъ, точно чьи-то любопытно раскрывшіеся глазки. Такъ хорошо, что Крюдлиху никуда не захотѣлось идти. Онъ снялъ шляпу, поставилъ около себя. Комаръ тотчасъ же умѣстился у него на лбу и давай хоботкомъ щупать, гдѣ бы приноровиться, гдѣ ближе, къ нѣмецкой крови этого неподвижно сидящаго человѣка. Опять чижи завозились вверху, даже перышко какое-то медленно, волнисто стало спускаться внизъ — должно быть досталось какому-нибудь пернатому нахалу—и тихо, тихо упало въ траву, прямо на Крюдлихову могилку...

Да, вотъ этотъ былъ простъ... И Крюдлихъ, зажмурившись, сталъ представлять себѣ, какъ подъ нимъ спитъ теперь его старый хозяинъ, сложивъ на груди истлѣвающія руки. Чорный колпачекъ надъ черепомъ, часть котораго вырвала тогда пуля... Крюдлихъ помнитъ, какъ онъ прибѣжалъ въ часть, куда

отнесли самоубійцу. Должно быть трудно приходилось Эдуарду... страшно трудно... Старики рѣдко рѣшаются на это... И вѣдь пошелъ въ помѣщеніе старой своей конторы. Тамъ и покончилъ съ собой, гдѣ властно и увѣренно приказывалъ когда-то... А былъ честный человѣкъ... честный—и погибъ... Но онъ жилъ бы, еслибы онъ во время остановился, и теперь бы еще попивалъ свое красное винцо. Понте-Канэ любилъ старикъ, именно Понте-Канэ. «Воображаю, какъ онъ въ этотъ послѣдній вечеръ шелъ туда, въ эту кондитерскую»... Едва закрасили потомъ это пятно на стѣнѣ, куда ударился осколокъ черепа съ мозгомъ и кровью... Крюдлиху сейчасъ же дали знать изъ части—обоихъ знали. Прибѣжалъ — лежитъ старикъ на нарахъ и такое у него суровое, строгое лицо... блѣдное, блѣдное... Сразу Крюдлихъ и не замѣтилъ, что куска черепа нѣтъ... Ротъ, полный запекшейся крови. На вискѣ шрамъ—должно быть отъ этой блѣдности—рѣзко выступилъ,—еще въ Дерптѣ Поппе студентомъ заполучилъ его... Такъ и осталась мѣтка на всю жизнь...

И револьверъ этотъ... его потомъ съ ужасомъ бралъ въ руки Крюдлихъ.

Онъ помнитъ,—одна рука у старика была сжата въ кулакъ. Другая безсильно висѣла внизъ, какъ плеть—въ ней-то и было оружіе!

Ужасно, ужасно... И не будь этого мерзавца Лаубе...

Крюдлихъ вспомнилъ ласковый тонъ покойнаго, когда тотъ говорилъ съ нимъ. Онъ никогда не позволялъ себѣ повышать голоса. Напротивъ, у Эдуарда не было для Крюдлиха никакого названія, какъ «старый товарищъ»!..

«Ну, коллега, гдѣ мы сегодня съ вами обѣдаемъ?..» говаривалъ онъ.

— Ну, «старый товарищъ»,—уже вслухъ проговорилъ Крюдлихъ, глядя на бѣлый крестъ, — гдѣ мы съ тобой встрѣтимся тамъ, да, гдѣ встрѣтимся?..

Какая-то пестрая бабочка долгое время вилась надъ бѣлымъ крестомъ и опустилась на него, трепеща крыльями и готовая тотчасъ же опять унестись въ теплое и благоуханное царство лѣтняго воздуха. Между камнями, внизу подъ крестомъ, пробивалась травка зелеными щетинками.—Вотъ здѣсь, соображалъ Крюдлихъ, надо посѣять цвѣты, чтобы они поднялись у самаго подножія креста. Старикъ любилъ цвѣты и, гуляя по Невскому, постоянно останавливался передъ окнами цвѣточныхъ магазиновъ. Крюдлихъ помнить, сколько разъ онъ заставалъ его около нихъ, внимательнаго и улыбающагося. Крюдлихъ отъ креста перевелъ взглядъ къ вершинамъ деревьевъ, отъ нихъ къ облачкамъ, ужъ сплошь опять затя-

нувшимъ все небо. Зелень деревьевъ точно поблекла, крестъ поматовѣлъ, на его бѣломъ мраморѣ уже не отражалось солнце. Потухли голубые глазки простенькихъ цвѣтовъ въ травѣ, и все кругомъ точно поблекло. Этотъ грустный колоритъ больше шелъ кладбищу... Его красивой печали были не къ лицу яркіе лучи солнца... Воспоминаніе о мертвецахъ, лежащихъ здѣсь всюду, набрасывало на все матовый флеръ, какъ на невѣсту, обреченную смерти. Да, смерть, смерть кругомъ... И можетъ быть подъ той скамьей, на которой сидѣлъ теперь Крюдлихъ, тоже лежитъ кто-нибудь... И пройдутъ года, и очень немного годовъ...—и отъ Крюдлиха не останется слѣда!.. Его могила сравняется съ землей. Его выроютъ и бросятъ въ общую яму... Его мѣсто понадобится другимъ... и креста надъ Эдуардомъ Поппе не будетъ... Ихъ обоихъ забудутъ — точно ихъ обоихъ никогда и не бывало... Точно они не мучились, не радовались, не волновались, не боролись... Здѣсь, въ землѣ примиреніе со всѣмъ; здѣсь ничтожество равняется власти, силѣ, могуществу... Она—общій судья и общій успокоитель... Именно примиреніе... Но примиреніе для мертвыхъ, а не для живыхъ, именно для мертвыхъ. Живые, пока они живы—должны воздавать справедливость, преслѣдовать зло... Да...

И Крюдлихъ опять поднялъ глаза на бѣлый крестъ.

— Будь спокоенъ, старый товарищъ,— вслухъ проговорилъ онъ.—Будь спокоенъ...

Потомъ онъ помолчалъ немного и продолжалъ уже тише:

— Онъ, твой врагъ—въ моихъ рукахъ.

Крюдлихъ вытянулъ впередъ руку,—точно Эдуардъ слышалъ и видѣлъ все.

— Въ этой самой рукѣ, и когда захочу, я зажму ее вотъ такъ, и раздавлю негодяя... И я захочу этого, о я не прощу ему. За себя бы я могъ простить... Но не за тебя, не за тебя. Кровью твоею клянусь, старый товарищъ, что Лаубе будетъ опозоренъ и затоптанъ въ грязь... Ты будешь отмщенъ, дорогой коллега! Да... ты будешь отмщенъ.

И тяжело вставъ со скамьи, Крюдлихъ взялъ свой вѣнокъ иммортелей и надѣлъ его на крестъ.

Вѣнокъ, опустившись, въ пестрый кругъ свой, заключилъ вырѣзанное на мраморѣ имя Эдуарда Поппе.

Крюдлихъ опустился на колѣни и прочелъ молитву. Потомъ всталъ, поднялъ шляпу и еще постоялъ нѣсколько минутъ передъ крестомъ.

— Прощай... Скоро опять приду. И не бойся, не бойся—я отдамъ его тебѣ!..

И онъ, точно живому, поклонился мертвому Эдуарду Поппе и, понурясь, пошелъ къ выходу съ кладбища... Тучки уже окончательно затянули небо... Нѣсколько капель упало на лицо Крюдлиха.

Ему показалось, что само небо заплакало надъ ними обоими — жалкими, обиженными стариками: однимъ уже мертвымъ, другимъ еще живымъ, готовымъ воздать справедливость этому мертвецу и отмстить за него.

— Не бойся, не бойся, старый товарищъ. Всѣ узнаютъ, отчего ты разорился и погибъ. И твое честное имя заблещетъ еще ярче въ воспоминаніяхъ твоихъ друзей...

XII.

Еще сравнительно недавно, мечтая о томъ, что онъ «остановится во̀-время», Лаубе строилъ планы своей будущности для одного себя... Но съ тѣхъ поръ онъ до такой степени привязался къ очаровательному чертенку, какимъ для него явилась Леокадія Леонтьевна, что ему казалось уже невыносимымъ даже представить себѣ возможность такого времени, когда ея у него не будетъ, когда онъ станетъ за океаномъ странствовать одинъ... Онъ даже допрашивалъ свою подругу, не привязываетъ ли ее что-

нибудь къ Россіи, къ ея родинѣ, но Здѣхонская въ этомъ отношеніи оказывалась еще свободнѣе его, Альберта Вильгельмовича. Для нея имѣли значеніе блескъ, обезпеченная жизнь, лакомый кусокъ, развлеченіе, дорого стоющіе наряды, бриллiанты, а на какомъ языкѣ говорятъ вокругъ всего этого—ей было рѣшительно безразлично. «Ты настоящая жена!»—говорилъ онъ ей.—Я, можетъ быть, даже дамъ тебѣ свое имя,—поощрялъ ее Лаубе, точно носить его имя было для нея слишкомъ великою честью. Есть дѣвушки, рождающіяся содержанками и не привязывающіяся къ людямъ прочно и надолго—такою именно была и Леокадія Леонтьевна.

— Ну, я объ этомъ не думаю,—откровенно признавалась она.

— О чемъ объ этомъ?

— А о свадьбѣ. Мнѣ и такъ хорошо.

Въ сущности же она хотѣла оставаться свободной, чтобы всегда, если ей представится случай, перейти на что-нибудь лучшее.

Лично Лаубе ей вѣдь вовсе не нравился. Она ему только и принадлежала, что по праву купли и продажи.

Въ отношеніяхъ къ нему у нея не было не только любви, но не оказывалось и страсти.

Онъ часто упрекалъ ее за холодность—она отвѣчала неизмѣнно одно и то же:

— Что же дѣлать, если я родилась такою!

Она оживлялась и возбуждалась только кокетничая съ его друзьями и доводя ихъ, какъ цинически выражалась сама, «до бѣлаго каленія». Тутъ у нея горѣли глаза, порывисто дышала грудь, ходила и трепетала каждая жилка. Она становилась настоящею женщиною, съ темпераментомъ, съ огонькомъ... Присутствіе Антоніо Микини (Антошки Мякинина тожъ) дѣйствовало на нее такъ же. Лакированная рожа сладкаго тенора съ его влажными и паточными глазами, его самоувѣренный тонъ доводилъ ее до одури. Когда Микини пѣлъ, она чувствовала то же, что и самка при видѣ ярко опереннаго и поющаго самца. Въ этомъ отношеніи чувственный тембръ голоса ея учителя дѣйствовалъ на нее неотразимо. Она уже нѣсколько разъ готова была отдаться ему. Но она знала, что Микини давно жадно раскрылъ ротъ на ея деньги и боялась утратить всѣ выгоды своего положенія. А она была настолько дочерью своей матушки, что разсчетъ для нея стоялъ на первомъ планѣ.

Особенно за послѣдніе дни она выдерживала «свой характеръ», какъ говорилъ Микини.

Дѣло въ томъ, что Лаубе удалось, наконецъ, купить въ виленскомъ банкѣ какую-то усадьбу для ея папаши.

Онъ приплатилъ недоимки съ переводомъ

долга. Имѣніе оказывалось подъ Радомомъ, о чемъ именно мечталъ почтенный родитель. Такимъ образомъ, Альбертъ Вильгельмовичъ однимъ камнемъ убивалъ двухъ зайцевъ. Во-первыхъ, дѣлалъ пріятное Леокадіи, а во-вторыхъ, навсегда развязывался съ матушкой, присутствіе которой въ его квартирѣ выводило его изъ себя.

Родитель, разумѣется, тотчасъ же подалъ въ отставку и вмѣстѣ съ женою уѣхалъ хозяйничать.

Объ этомъ узналъ Лаубе по заплаканнымъ глазамъ Леокадіи Леонтьевны.

— Что съ тобою? —спросилъ онъ ее.

— Ничего... Я много плакала.

— Я это вижу и потому-то и спрашиваю...

— Я проводила сегодня папу съ мамой на желѣзную дорогу.

— Слава Богу!—вырвалось у него. Она сдѣлала удивленные глаза, но Лаубе тотчасъ же пояснилъ: онъ радуется тому-де, что ея мамаша и родитель теперь пристроены и могутъ доживать свой вѣкъ спокойно, сообразно со своими вкусами, что лично онъ очень жалѣетъ о невозможности встрѣчать ихъ у себя. Леокадія успокоилась.

— Теперь ты у меня остался одинъ!—воскликнула она.—И Антошка!—мысленно прибавила Здѣхонская.

Антошка, съ своей стороны, со всѣмъ закусилъ удила.

Во-первыхъ, еще ни разу ему не приходилось видѣть такихъ денегъ въ своихъ рукахъ. Онъ отъ одного Лаубе получалъ 400 р. въ мѣсяцъ, сверхъ того, благодаря ему, онъ вошелъ въ моду въ la haute finance, гдѣ всѣ банкирскія, экспортерскія и биржевыя дамы вообразили себя сразу, вслѣдствіе его увѣреній, сопрано, ничѣмъ не менѣе Патти, и контральто — Скальки-Лолли. Однихъ панталонъ юный теноръ сшилъ себѣ до дюжины, пиджаки его стали какими-то крылатыми, а бѣлье онъ носилъ батистовое и тонкое, открывая, насколько возможно, шею и грудь, ибо одна изъ купеческихъ дамъ увѣряла его, что у него грудь неотразимая! На Леокадію Леонтьевну онъ имѣлъ особые виды. «У нея будетъ милліонъ», рѣшилъ онъ про себя и зналъ, что явись онъ тогда, она хоть и не находила въ немъ матеріала, изъ котораго дѣлаютъ мужей, а все-таки вышла бы за него замужъ. Сверхъ того, она была красивѣе всѣхъ окружавшихъ его женщинъ. Лучше ее онъ не находилъ и съума спятилъ, сознавая до сихъ поръ невозможность забрать ее въ свои руки. Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на свою профессіональную «теноровую» опытность, съ нею далѣе цѣлованія рукъ до сихъ поръ ему не удавалось

идти, да и то она отнимала ихъ у него и сухо произносила при этомъ:

— Ну, довольно вамъ лизаться, мнѣ это все надоѣло.

Разъ онъ осмѣлился и спросилъ ее:

— Когда же вы будете моей?

Но Леокадія Леонтьевна расхохоталась на это, и, приставивъ пальцы къ носу, сдѣлала ему довольно популярный знакъ положительнаго отказа. «Посмотримъ!—процѣдилъ онъ сквозь зубы...» — Сказалъ слѣпой! — отвѣтила она ему опять, все съ тѣмъ же смѣхомъ, который дѣйствовалъ на него, какъ винные пары. Не будь Лаубе такъ богатъ и не бойся Антошка потерять жалованье, онъ пошелъ бы на скандалъ! Но если ставка и была хороша—все же радужныя, которыя онъ получалъ отъ ея мужа, были для него лучше.

— Знаете, Леокадія Леонтьевна, я возьму да и женюсь, не ожидая васъ!

— Попробуйте!—смѣялась она, обжигая его своими глазами.—Попробуйте, Антошка!

— Кто же мнѣ запретитъ?—удивлялся онъ, алчно глядя на нее.

— Кто? А сейчасъ же я вамъ откажу и возьму другого учителя. А Лаубе своему скажу, чтобы онъ увѣрилъ своихъ друзей, что вы никуда не годитесь, и что онъ самъ отказалъ вамъ за неспособность.

Антошка зеленѣлъ отъ злости, но прекрасно понималъ, что эта женщина дѣйствительно можетъ привести въ исполненіе свои угрозы. Приходилось поэтому терпѣливо ждать!.. Мало-по-малу, въ домѣ Лаубе онъ сдѣлался своимъ человѣкомъ. Онъ тамъ обѣдалъ, завтракалъ. Скоро и Лаубе сталъ его называть попросту Антошкой.

— Что, сегодня не былъ Антошка? — съ изумленіемъ спрашивалъ онъ, пріѣзжая домой обѣдать.

— Вѣрно сейчасъ прилетитъ! — старалась придать своему голосу презрительный тонъ Леокадія, и дѣйствительно не успѣвалъ еще Альбертъ Вильгельмовичъ проговорить:

— Не понимаю право, за что ты такъ его не любишь, онъ очень милъ, обязателенъ и услужливъ,—какъ въ передней раздавался звонокъ, и въ комнаты влеталъ расфуфырясь Антошка, и съ возгласомъ «вотъ и я!» кидался цѣловать руку Леокадіи Леонтьевны и пожималъ руку ея мужа съ влагою нелицемѣрной преданности въ глазахъ. Разъ онъ его встрѣтилъ у Фелисьена, за городомъ. Тамъ они выпили шампанскаго, и Антошка такъ увлекъ Лаубе своимъ безконечнымъ уваженіемъ къ нему, что тотъ предложилъ:

— Знаете, синьоръ Антоніо, выпьемъ на *ты*!..

Синьоръ Антоніо схватилъ его за руки и замеръ въ выраженіи беззавѣтной преданности великому человѣку. Они выпили на «ты», причемъ Антошка въ свой бокалъ уронилъ слезу умиленія... А когда они послѣ того заговорили при Леокадіи, она подняла голову и сдѣлала удивленные глаза.

Она дождалась, когда Лаубе уѣхалъ.

— Вы это когда съ мужемъ на «ты» выпили... И скажите, пожалуйста, зачѣмъ?

— Самая лучшая дорога къ сердцу жены— это *ты* ея мужа!

И Антошка, довольный самимъ собою, расхохотался, жадно глядя на Леокадію, бывшую сегодня особенно красивой.

«Пожалуй я и не уйду отъ него!» мелькнуло у нея въ головѣ — и Леокадію обдало жаромъ.

— Какой вы!—вслухъ продолжала она. — Какой вы... И она остановилась.

— Пожалуйста продолжайте... подлецъ! вы хотите сказать.

— Да... Около того, по крайней мѣрѣ!

— То-то вамъ ангелы и нравятся! Чтобы, Леокадія Леонтьевна, васъ въ руки забирать— надо быть такимъ, какъ я.

— И не заберете! — задорно проговорила она.—Обожгетесь!

— Посмотримъ... А я говорю—мое будетъ.

И еще какъ! всѣми аллюрами вы у меня ходить станете. Будете послушны, какъ овечка. Станете понимать каждый мой жестъ и взглядъ. И приказывать не надо будетъ, сами вы угадаете всякое приказаніе.

— Что?—И она, уже веселая отъ обуявшаго ее смѣха, смазала его ладонью по лицу.

— Ну, довольно, пора и за дѣло.

Начался обычный урокъ.

Когда урокъ кончился, Леокадіи захотѣлось пройтись по улицамъ. До возвращенія мужа къ обѣду оставалось часа четыре. Антошка вызвался провожать ее—она согласилась.

— Пойдемъ или поѣдемъ? Если поѣдемъ, я прикажу заложить лошадей?—спросила она.

— Лучше пойдемъ...—Хотя въ глубинѣ души ему ужсно хотѣлось показаться въ коляскѣ Лаубе и на его лошадяхъ, рядомъ съ его женой. Но Антошка сегодня задумалъ что-то, и потому удержался и рѣшительно проговорилъ:— Разумѣется, лучше пойдемъ. Стоитъ ѣхать. Вамъ надо движеніе. И то уже вы полнѣете. Ишь второй подбородокъ растетъ!

Она одѣлась и вышла. Петербургъ еще не опустѣлъ. За границу и на дачи не выѣзжали пока, и Большая Морская и Невскій были полны народа.

— Могу я вамъ предложить руку?—спросилъ Антошка.

— Можете.

Онъ крѣпко прижалъ къ себѣ ея руку и гордо двигался впередъ, кивая головой знакомымъ и дѣлая такой видъ, точно ему чортъ не братъ и онъ, по крайней мѣрѣ, самъ Лаубе. Онъ слышалъ, какъ проходившая мимо молодежь восклицала, едва удерживаясь отъ восхищенія при видѣ Здѣхонской. Ему это ужасно льстило, и онъ рѣшился во что бы то ни стало подчинить себѣ эту дѣвушку.—Какая красавица!..—говорили ему вслѣдъ. — Какой счастливый!—было написано, казалось, на лицахъ его знакомыхъ. А день, какъ нарочно, оказывался удивительный. Рѣдко сѣверная природа даритъ такими. Ясный, яркій. Воздухъ, освѣженный наканунѣ грозой, сталъ прозраченъ такъ, что все было видно далеко, захватывая душу праздничнымъ настроеніемъ. Антошка дышалъ полною грудью. Странно, и Леокадіи было хорошо около него, что-то разнѣживающее охватывало ее; она сама уже тѣснѣе прижималась къ тенору и, говоря съ нимъ, ласково засматривала ему въ глаза.

— Не правда ли, какъ чудесно сегодня?—спрашивала она.

— Съ вами, еще бы!—отвѣчалъ онъ, и она на этотъ разъ не смѣялась надъ нимъ.

— Ну, вы тоже наговорите, васъ послушай... Разинь ротъ!..—смущенно оправдывалась она.

— Я всегда говорю, что́ думаю. Съ вами бы я такъ на край свѣта все шелъ, шелъ и шелъ...

— Скоро бы надоѣло!..

— Вы сами не вѣрите тому, что́ говорите!.. И она смолкала. И онъ, дѣйствительно, въ своей маленькой душенкѣ чувствовалъ неудержимый приливъ переполнявшаго ее счастья. Невскій казался великолѣпенъ. Онъ былъ виденъ весь— и краски его блестѣли особенно ярко въ эту минуту...

— Куда теперь?—спросилъ Антоній, выйдя на него.

— Куда хотите...

— Въ самомъ дѣлѣ? И хитрая улыбка мелькнула на лицѣ у Антошки.—Въ самомъ дѣлѣ,— поддержалъ онъ, — пойдемъ куда глаза глядятъ...—И повелъ Леокадію за собою.—Воображаю, изумится вашъ Лаубе, если увидитъ насъ вмѣстѣ.

— Очень большая печаль,—изумится онъ или нѣтъ. Я дѣлаю, что хочу! — вырвалось у дѣвушки.

— Это вы только говорите! А придись случай...

И странно онъ самъ почувствовалъ, какъ нервно звучитъ его голосъ.

Леокадія и не замѣтила этого. Она вся была охвачена праздничнымъ, куда-то зову-

щимъ, къ чему-то неизвѣданному манящимъ настроеніемъ... Она хотѣла теперь чего-нибудь новаго, сильнаго, смѣлаго.

Въ головѣ у нея шумѣло, въ ушахъ стучало... Когда черемуха цвѣтетъ — это всегда бываетъ съ молодыми женщинами. А черемуха теперь цвѣла и запахъ ея слышался изъ Александровскаго сада.

Антошка свернулъ въ Конюшенную—Леокадія не протестовала. Ей было все равно, куда бы не идти теперь, лишь бы идти... Антошка вдругъ остановился противъ одного дома и спохватился.

— Боже мой!.. Я забылъ... Страшно важное письмо...

— Что такое?—точно проснулась Леокадія.

— Хорошо, что я здѣсь, около себя. Вы позволите мнѣ забѣжать къ себѣ на минуту? Я только возьму его—и назадъ. Только возьму и...

— Послѣ возьмете. Мнѣ неловко одной—здѣсь на улицѣ.

— Такъ вотъ что, Леокадія Леонтьевна (онъ старался не смотрѣть ей въ глаза), вотъ что—подымемся вмѣстѣ. Вы, по крайности, увидите, какъ я живу. Это для васъ все-таки будетъ ново... И не ожидая ея согласія, и крѣпко держа ее за руку, онъ вошелъ въ свой подъѣздъ.

— Куда, куда? — забилась-было Леокадія,

но на-встрѣчу выскочилъ швейцаръ; она хотѣла-было вырвать свою руку.—Куда вы, куда вы?—опомнилась она на лѣстницѣ, но онъ, не слушая, быстро шелъ вверхъ. И Леокадія чувствовала, что онъ не разожметъ своего локтя..

— Что это васъ такъ пугаетъ. Для меня уже теперь вопросъ самолюбія, чтобы вы зашли. Развѣ вы воображаете, что я у себя позволю что-либо противъ васъ, сдѣлавшей мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ?

Она невольно поддавалась. Она рѣшила, что останется у дверей и не войдетъ въ квартиру, но швейцаръ внизу далъ звонокъ, и лакей Микинина (онъ уже обзавелся такимъ) стоялъ и ждалъ ихъ. Теперь нельзя было не войти. Леокадія Леонтьевна, покраснѣвшая и смущенная, переступила черезъ порогъ его квартиры и сама не замѣтила, какъ лакей снялъ съ нея накидку и повѣсилъ въ прихожей. Она вошла въ гостиную, половина которой была занята роялью, а другая половина мягкой, безпорядочно обставленной мебелью.

— Что же вы не снимаете шляпку?

Все въ томъ же состояніи какой-то невмѣняемости, она развязала ленты. Антошка взялъ ея шляпку и унесъ куда-то. Когда онъ вернулся, она опомнилась:

— Вотъ дура-то, зачѣмъ я шляпку сняла? [illegible]дь я на минуту. Только на минуту...

— Ну, куда, Леокадія Леонтьевна, торопиться, посидимъ. Развѣ у меня не хорошо? Посмотрите кругомъ. Разумѣется, хуже чѣмъ у васъ, а все-таки...— Она сѣла и утонула въ мягкой козеткѣ.

— Дайте мнѣ пить чего-нибудь.

— Сейчасъ,— точно обрадовался онъ. Вышелъ и приказалъ. Черезъ нѣсколько минутъ человѣкъ явился съ раскупоренной бутылкой шампанскаго и льдомъ.

— Это еще что?— вспыхнула и насторожилась она.—Я просила содовой или сельтерской воды!

— Какая вы... дикая!— вырвалось у синьора Антошки.—Какая вы дикая! Не все ли равно, и сколько разъ я пилъ у васъ — могу и вамъ предложить тоже.

— Въ самомъ дѣлѣ,—засмѣялась она,—ну, налейте мнѣ стаканъ: мое любимое,—замѣтила она,—Помри-секъ. Очевидно вы, Антошка, хорошо изучили всѣ мои вкусы...—За стаканомъ незамѣтно послѣдовалъ другой. Шампанское ударило въ голову Леокадіи и все кругомъ точно прояснилось передъ нею. Она уже сіяла вся, и Антошка ей казался красавцемъ и что-то угаромъ и туманомъ подымалось въ ея душѣ, охватывало ея голову. Она даже не замѣтила, какимъ образомъ онъ оказался у ея ногъ, какъ ея руки попали къ нему, и не помнила сколько

времени онъ ихъ цѣлуетъ. Она хохотала и то подставляла ему ладони, то пальцы и онъ ловилъ ихъ, а потомъ вдругъ упалъ головой къ ея ногѣ и тамъ впился губами туда, гдѣ шегрень ея туфли уступалъ мѣсто ажурному чулку.

— Что вы, что вы, Антошка... Антоніо...

— Въ самомъ дѣлѣ, Леокадія, какіе мы дураки. Развѣ я не вижу, что ты меня любишь...

Это «ты» не показалось страннымъ въ эту минуту.

— Въ самомъ дѣлѣ, какіе мы дураки!..

Дѣйствительно «дураки». И она поняла, что они дураки. Оба молоды, онъ ей нравится. О чемъ же толковать? Послѣдніе слѣды осторожности угасли въ ней, она уже не мѣшала ему цѣловать себя и отвѣчала ему поцѣлуями на поцѣлуи. Увы, бѣдному Лаубе никогда не доставалось такихъ. Она Альберта Вильгельмовича цѣловала дѣловыми, холодными губами... «Только не дальше, только не дальше...» бормотала она и знала впередъ, что Антошка ее не послушается... — «Довольно, довольно, будетъ, будетъ... Я тебя прошу, умоляю». Но онъ ее обвивалъ руками и еще слаще впивался ей въ губы своими. Она чувствовала только, что у ней страшно кружится голова. Отъ выпитаго шампанскаго казалось ей... «Проклятое шампанское!—говорила она.—Проклятое шампанское!» А голова ея кружилась сильнѣй и

сильнѣй, глаза слипались. Нѣга и любовь охватывали ее всю.—«Куда ты ведешь меня, куда?..» Но онъ смѣялся, и она смѣялась тоже. На порогѣ какой-то комнаты она запнулась о коверъ, здѣсь было темно. Она-было пріостановилась—онъ слегка, нѣжно толкнулъ ее, и она пошла. Полумракъ, запахъ духовъ охватили ее... Она уже опустила руки — и немного пришла въ себя, только почувствовавъ холодное бѣлье постели... Но теперь было уже поздно... Поздно...

Она очнулась, только ставъ его любовницей...

— Что это, что это? — приподнялась она на локтѣ.

Онъ счастливо смѣялся около...

— Ты... Что ты со мной сдѣлалъ... Антошка... Вѣдь это...

— Послушай... Не доставало только, чтобы ты заплакала, все равно не воротишь.

И она тоже какъ-то сразу сообразила, что не воротишь, что теперь все уже равно, что-то, чего она такъ боялась, совершилось, и разыгрывать «кающуюся Магдалину» при этихъ условіяхъ смѣшно... Она только и могла проговорить: «мерзавецъ». Но онъ не обидѣлся, да и у нея это тоже вырвалось такъ. Она вовсе не считала его мерзавцемъ въ эту минуту, они оба вмѣстѣ стоили другъ друга...

— Что же теперь будетъ?..

— Ничего! — отвѣтилъ онъ ей. — Мы станемъ встрѣчаться у меня или у тебя — вотъ и все. Надо брать отъ жизни все, что можно. Молодость два раза не приходитъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, воображать, что твоему Лаубе можно быть вѣрнымъ...

Но тутъ уже она сама расхохоталась и обвила его своими красивыми, круглыми руками... Такія, какъ Леокадія, если отдаются, то не щадятъ своего мужа или любовника. Она смѣялась надъ Лаубе, разсказывала, не краснѣя, Антошкѣ о немъ такія подробности, что тотъ только покатывался. Ей хотѣлось разоткровенничаться совсѣмъ и передать Антошкѣ всѣ его секреты... Но еще непонятное ей самой чувство осторожности сдерживало ее. Еще не пришла минута для этого.

Черезъ два часа вмѣстѣ съ нимъ она вышла и оглянулась.

Кругомъ никого не было.

— Послушай, ты у насъ сегодня обѣдаешь, да?

— Если ты желаешь этого?

— А ты не желаешь? Скажите, какой тонъ! Мужъ уѣдетъ послѣ обѣда. Онъ нынче въ засѣданіяхъ какихъ-то, и мы останемся одни, понялъ?

— Понялъ, еще бы не понять!

— А теперь прощай и убирайся съ глазъ моихъ! — И невѣдомо чему счастливо улыбающаяся Леокадія подозвала извозчика, сѣла и поѣхала къ себѣ.

Дома она слонялась по комнатамъ, не находя себѣ мѣста. Когда пріѣхалъ Лаубе и поцѣловалъ ее, ей стало противно и какъ-то разомъ, инстинктивно она почувствовала, что теперь его ласки, послѣ этого свиданія съ Мякининымъ, будутъ для нея трудно выносимы; что она терпѣла ихъ, пока не знала другихъ, страстныхъ и жгучихъ...

«Хоть бы онъ умеръ... или... или бѣжалъ скорѣй!—мелькнуло у нея въ головѣ. Настолько она уже догадывалась о его цѣляхъ.—Да, именно, скорѣй только»...

«А что тогда? — задавалась она вопросомъ.—Тогда? Тогда я выйду замужъ за Мякинина и уѣду съ нимъ за границу».

— У тебя голова болитъ, что ли?—спросилъ ее Лаубе, замѣтивъ, что она сама не своя.

— Да, что-то... Должно быть я устала... много ходила...

Въ эту минуту явился Антоніо.

— А, Антошка! Здравствуй! — Ну теперь обѣдать!—весело пригласилъ его Лаубе.

— Здравствуй! — И онъ такъ лукаво посмотрѣлъ на Леокадію, что ей ужасно хотѣ-

лось расхохотаться надъ этимъ «ты» и надъ одураченнымъ мужемъ.

XIII.

Крюдлихъ еще ждалъ. Популярность Лаубе все поднималась. Старикъ рѣшился дѣйствовать только тогда, когда для Лаубе не будетъ никакого спасенія. Ударъ долженъ быть нанесенъ рѣшительно: но всякому терпѣнію есть границы, и Крюдлихъ мало-помалу чувствовалъ, что его нервное состояніе ростетъ, что онъ больше не въ силахъ выносить. Кстати же ему и во снѣ ни съ того, ни съ сего сталъ являться Эдуардъ Поппе. Это вывело старика изъ обыкновеннаго спокойствія, и разъ, на какой-то выговоръ хозяина, заключившаго его словами:

— Вы совсѣмъ были на своемъ мѣстѣ въ конторѣ глупаго Поппе. Тамъ не требовалось сообразительности.

— Да... зато тамъ служили честные люди!— отвѣтилъ Крюдлихъ.

— Что вы этимъ хотите сказать?—И Лаубе, казалось, только теперь замѣтилъ взглядъ, полный ненависти и презрѣнія, которымъ его окинулъ Крюдлихъ.—Что вы этимъ хотите сказать?

— Хочу сказать, что Поппе былъ безуко-

ризненный человѣкъ, и если онъ оказался погубленнымъ, то виною этому его довѣріе къ людямъ. У него въ конторѣ мы торговали настоящимъ товаромъ и...

Но тутъ старикъ сдержалъ себя и отошелъ въ сторону. Лаубе призадумался. Лаубе сознавалъ, что онъ находится наканунѣ именно того психологическаго момента, когда ему надо будетъ остановиться, и понималъ, что человѣкъ, раскусившій его, можетъ быть ему страшенъ. Ему хотѣлось окончательно опредѣлить для себя Крюдлиха. Онъ позвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и началъ ласково:

— Мы съ вами слишкомъ старые сослуживцы, чтобы ссориться... Что вы хотѣли сказать своими намеками на Поппе?

Но Крюдлихъ уже пришелъ въ себя, и опустивъ вѣки, слушалъ, представляя яркое выраженіе старческой невозмутимости.

— Что вы хотѣли сказать мнѣ, тамъ... напримѣръ, ваши слова о честномъ товарѣ?

— Я погорячился... Я старъ сталъ... Простите меня, старикамъ свойственно раздражаться по пустякамъ.

Такъ Альбертъ Вильгельмовичъ ничего и не узналъ. Крюдлихъ ушелъ къ себѣ и весь погрузился въ свои вычисленія и въ свою работу. Немного спустя, Лаубе опять обратился къ нему.

— Вы слишкомъ устали, не хотите ли воспользоваться отпускомъ? Я съ удовольствіемъ освобожу васъ на мѣсяцъ, на два даже, съ сохраненіемъ содержанія, и пособіе выдамъ. Вы можете съѣздить за границу отдохнуть и съ удвоенными силами вернуться къ намъ. Мы слишкомъ дорожимъ вами, чтобы...

— Нѣтъ, мнѣ это совсѣмъ не надо. Старости не обратишь въ молодость. И по всей вѣроятности вамъ скоро придется проводить меня за границу, только за границу здѣшняго міра. Жизнь начинаетъ тяготить меня.

Выслушавъ это, Лаубе успокоился. Очевидно, Крюдлихъ далъ волю минутному раздраженію и ни на что не намекалъ. Дома у него тоже все было спокойно и не вызывало его опасеній. Леокадія Леонтьевна, по прежнему, въ его глазахъ, вела себя безукоризненно; Лаубе всегда встрѣчалъ ее улыбающейся и веселой. Она, какъ и раньше, заботилась о немъ и его удобствахъ, по мѣрѣ того, какъ ея личное состояніе росло. Она видѣлась съ Антоніо въ его квартирѣ, и за послѣднее время между ними часто стали пробѣгать черныя кошки. Дѣло въ томъ, что Леокадія, какъ женщина, не могла долго что-либо удержать на кончикѣ языка. Лаубе ни разу не намекалъ ей на положеніе своихъ дѣлъ. Но его болѣзненная подозрительность, вѣчные толки съ нею о за-

границѣ, о возможности поселиться тамъ навсегда мало-по-малу наводили ее на странныя мысли. Къ тому же и старый Крюдлихъ, изрѣдка встрѣчавшійся ей, тоже кинулъ сомнѣніе въ ея душу. Надо сказать, что мало-по-малу переставшій посѣщать Лаубе Крюдлихъ не могъ отдѣлаться отъ чувства какой-то странной ему самому, отеческой привязанности къ ней. Считалъ ли онъ ее тоже въ числѣ жертвъ своего хозяина, думалъ ли онъ, что она обижена, что ли, только разъ ему случилось на улицѣ, встрѣтясь съ нею, разговориться.

— Я, знаете, хочу тоже стать вкладчицей вашего банка,—вырвалось у нея.

— Зачѣмъ вамъ это? Развѣ ваши деньги въ государственномъ—не вѣрны?

— Нѣтъ. Но у васъ я буду получать болѣе семи процентовъ, а въ государственномъ мнѣ не даютъ и трехъ.

— Довольствуйтесь, дѣточка, тремя и не гонитесь за большимъ. Кто гонится за большимъ, тотъ и малое теряетъ.

— Но почему же мнѣ не...

— Вотъ что я вамъ скажу... Только между нами. Поклянитесь мнѣ, что вы никому, никому не скажете... Да?..

Та задрожала отъ любопытства: что ей можетъ сказать эта развалина? Она, разумѣется, дала немедленно требуемое слово.

— Даже и Лаубе, впрочемъ—ему самое главное. Онъ не долженъ слышать и знать о томъ, о чемъ мы здѣсь толкуемъ.—И когда она ему обѣщала, Крюдлихъ наклонился къ ней и шепнулъ:—Держитесь крѣпко вашихъ денегъ. Я бы на вашемъ мѣстѣ уѣхалъ съ ними куда-нибудь, за границу, что ли... Да такъ, чтобы меня не нашли. Вашъ мужъ ненадеженъ. Онъ каждую минуту взлетѣть на воздухъ рискуетъ, и тогда у васъ отнимутъ все, что онъ далъ вамъ. Это чужія деньги, и онъ не имѣетъ права распоряжаться ими. Мнѣ жаль васъ, вы такъ молоды и обижены имъ...

— Позвольте, на что же разсчитываетъ Лаубе?—спросила она, окончательно сбитая съ толку.

— Онъ? Смѣшной вопросъ! На что ему разсчитывать! Вы знаете, на моихъ глазахъ нѣсколько банкировъ ушло съ чужими деньгами за границу, а вкладчики ихъ до сихъ поръ остаются нищими. Вотъ на что онъ разсчитываетъ, на что же ему больше разсчитывать? Вы меня поняли. Я это не о немъ спеціально, а такъ вообще говорю. Только вы смотрите, не выдавайте меня. Я не боюсь его, но я не хочу, чтобы все это случилось раньше...

Онъ зналъ, что она не любила Лаубе; онъ замѣтилъ, со старческою проницательностью, что она уже начинаетъ ненавидѣть Альберта Виль-

гельмовича, и поэтому былъ съ ней откровеннѣе, чѣмъ слѣдовало.

Ее такъ поразило это, подозрѣнія, заброшенныя въ ея душу старикомъ, такъ соотвѣтствовали ея собственнымъ, что въ тотъ же день она пришла къ Микини смущенная и растерянная. Онъ сразу же замѣтилъ ея необычное состояніе духа и сталъ добиваться въ чемъ дѣло,—сначала ласками, потомъ угрозами. Она молчала и не говорила ему. Онъ думалъ подѣйствовать на нее страстью, утомить ее и у разнѣженной и усталой вырвать ея тайну, но Леокадія держала ее крѣпко. Поэтому между ними начались ссоры. Раза два заходя къ нему, она не заставала его дома въ назначенное время и злилась и дѣлала ему сцены.—Ты сама виновата,—говорилъ онъ ей,—ты сама виновата, что я привыкаю смотрѣть на тебя, какъ на чужую...

— Если я молчу, значитъ это не до меня одной относится,—говорила она.

— Все равно, ты же сама не разъ увѣряла меня, что всегда откровенна со мною. Ты сама мнѣ говорила, что смотришь на меня, какъ на мужа. Что же тебя мучитъ?

— А то, что я въ одинъ прекрасный день могу остаться нищей...

— Какъ нищей! все, что хочешь, только не это!—На это именно Мякининъ никакъ не

могъ согласиться, ибо окончательно сроднился съ мыслью, что когда у нея будетъ очень много «собственныхъ» денегъ, она выйдетъ замужъ за него, Антошку.

— Такъ...—И вдругъ она почувствовала, что сползаетъ куда-то подъ гору и чѣмъ дальше, тѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе.—Такъ... Потому, что у меня могутъ отнять мои деньги.

— Кто же, Лаубе?—недоумѣвалъ тотъ.

— Зачѣмъ ему? Но мнѣ кажется, я чувствую, что онъ стоитъ на ложной дорогѣ, что...

И она передала ему весь разговоръ съ Крюдлихомъ.

— Теперь ты знаешь все, что я знаю. Разскажи же мнѣ въ чемъ тутъ дѣло?

— Въ чемъ... Очень просто... Твой Лаубе мошенникъ и воръ, онъ, зацапавъ милліона два—полтора, сбѣжитъ, а «насъ» всѣхъ оставитъ расхлебывать, какъ «мы» съумѣемъ...

— Что же дѣлать, что дѣлать? Мнѣ мои деньги дорого достались.

— Отдай ихъ мнѣ. Я спрячу, ты должна мнѣ повѣрить.

Но тутъ Леокадія посмотрѣла въ глаза ему, вглядѣлась пристальнѣе, замѣтила, какъ онъ старательно хочетъ отвести ихъ, а когда ему это не удалось, придать имъ видъ полнаго чистосердечія,—и расхохоталась.

— Тебѣ, Антошка, деньги... тебѣ? Ну, это слишкомъ жирно будетъ.

— Но почему же, почему? Вѣдь ты знаешь, какъ я люблю тебя!

— Хорошо, я очень тебѣ благодарна, только все же ты ихъ никогда не получишь.

— А когда я буду твоимъ мужемъ?—жадно вырвалось у него.

— И тогда ихъ не видать тебѣ, какъ своихъ ушей... Я буду твоей женой, но деньги будутъ *моими*.

— Да вѣдь я же для тебя ихъ хочу сохранить, чтобы у тебя ихъ не отняли.

Но тутъ она дала волю своему хохоту, и долго не могла успокоиться.

Антошка надулся, сталъ ссориться. Но скоро они помирились и рѣшили, что деньги останутся у нея. Но они должны зорко и вмѣстѣ слѣдить за Лаубе. Она обѣщала передавать ему, Антошкѣ, все, что узнаетъ, а онъ, со своей стороны, въ рѣшительную минуту, придетъ ей на помощь. Это удовлетворило ихъ обоихъ. Только глаза Мякинина послѣ этого уже неотступно слѣдили за Лаубе. Бывая у него, Антошка, казалось, хотѣлъ его насквозь пронизать своими взглядами, чтобы узнать, что тотъ задумалъ, что у того на душѣ... Но Лаубе былъ непроницаемъ. Антошка разъ пришелъ къ нему, и когда въ гостиной всѣ за

чашками кофе замолчали послѣ обѣда, онъ рѣшился и выпалилъ:

— А я читалъ въ газетахъ сегодня необыкновенный случай.

— Какой случай?.. И въ какихъ газетахъ? —лѣниво спросилъ его Лаубе.

— Не помню въ какихъ, а только читалъ! —задорно подтверждалъ Мякининъ, точно кто-нибудь сомнѣвался.

— Да что вы читали? —вмѣшалась Леокадія Леонтьевна.—Вы сегодня совсѣмъ неудобопонятны.

— Какъ всегда. Дѣло въ томъ, что гдѣ-то въ Англіи... Банкиръ... Какъ его фамилія?.. Ахъ, да ну какъ же его?!. Вотъ память!

— Банкиръ?.. Да что вамъ до фамиліи, ну Роджерсъ, что ли?

— Нѣтъ, не Роджерсъ, на «стоу» кончается. Ну, такъ онъ зацапалъ, знаете, пять милліоновъ фунтовъ и удралъ...

— Съумѣлъ остановиться!—нечаянно вырвалось у Лаубе.

Это «съумѣлъ остановиться» было уже давно извѣстно и Леокадіи, и Антошкѣ. Они переглянулись.

— Нѣтъ, не остановиться, — поправился Лаубе,—а...

— Ну да вообще, умный мальчикъ. Теперь ищи его.

— Только вы, вѣроятно, въ цифрѣ ошибаетесь,—замѣтилъ Лаубе.—Пять милліоновъ нельзя... съ ними даже не справишься. Слишкомъ уже большая прорва денегъ. Можетъ быть это переведено изъ французской газеты и дѣло идетъ о пяти милліонахъ франковъ? Тогда я еще понять могу это.

— Тамъ стоитъ просто ф,—импровизировалъ Мякининъ.—Ну, такъ какъ англичанинъ, поэтому я и думалъ фунтовъ.

— Нѣтъ, фунтовъ невозможно! Навѣрное франки.

— Я согласенъ и на франки. Мнѣ все равно... — И Мякининъ въ полглаза слѣдилъ, какъ его хозяиномъ все больше и больше овладѣваетъ волненіе... Онъ даже всталъ и прошелся нѣсколько разъ, засвистѣлъ что-то...

— Куда-жъ онъ скрылся?..—наконецъ не выдержалъ онъ и спросилъ, глядя равнодушно въ окно, спиною къ Антошкѣ.

— Въ Испанію, кажется въ Испанію... Да, да, теперь припоминаю, точно, что въ Испанію... именно.

— Дуракъ! — И Лаубе приходилъ все въ большее и большее волненіе.—Дуракъ! Развѣ можно скрываться въ Испаніи? Развѣ нѣтъ на свѣтѣ Америки? Надо было ему въ Америку—вотъ куда. А то въ Испанію. Какой дуракъ!.. Что-жъ, его поймали?..

«Поймали или нѣтъ?..—завертѣлось въ мозгу у Антошки.—Какъ лучше сказать? скажу, что нѣтъ, не поймали?»

— Я тебя спрашиваю, его поймали или нѣтъ?—раздражительно повторилъ Лаубе:—о чемъ ты думаешь, Антошка?

— Поймали... Кого поймали?—хотѣлъ тотъ выиграть время.

— Этого бѣжавшаго банкира—поймали?.. Вѣдь если знаютъ, что онъ въ Испаніи... такъ что-жъ они зѣваютъ?

— Поймали, поймали... Какъ же, привезли въ Лондонъ и будутъ судить...

— И деньги у него нашли? Деньги-то, деньги нашли у него?

— Какъ же, какъ же, и деньги. Много денегъ. Всѣ деньги... Онъ и истратить-то не успѣлъ. Такъ съ ними и попался. Всѣ при немъ оказались.

Лаубе, очевидно, волновался. Лицо его то краснѣло, то блѣднѣло. Онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ. Сѣлъ играть съ Антошкой въ шахматы, но вскорѣ смѣшалъ ихъ и еще пуще разозлился:—Съ тобой, Антошка, сегодня и играть нельзя, ты все путаешь.—Антошка покосился на Леокадію, понимаетъ ли она—она сидѣла, опустивъ глаза внизъ. Потомъ Лаубе развернулъ «Петербургскій Герольдъ» и вскорѣ швырнулъ его прочь. —Какія все неинте

ресныя глупости пишутъ, — даже вспылилъ онъ на нѣмецкую газету. Вышелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Видѣла? — побѣдоносно оглянулся Антошка на Леокадію:—видѣла?

Та ему утвердительно кивнула головою.

— Ну... значитъ такъ оно и есть. Вѣдь какъ его обожгло!.. Въ самое сердце попалъ, въ самое сердце. Ты, вотъ что, завтра днемъ въ два часа приходи ко мнѣ. Я буду ждать— придешь? Намъ надо обдумать и потолковать.

Черезъ минуту Лаубе вышелъ изъ кабинета. Онъ уже успокоился и попросилъ дать ему еще кофе.

— Въ какой ты это газетѣ читалъ?—небрежно спросилъ онъ.

— Ей Богу не помню... Кажется въ «Новомъ Времени» или въ «Новостяхъ»... А впрочемъ... можетъ быть... нѣтъ, не помню.

— Очень интересно знать фамилію. Странно, что въ нѣмецкихъ биржевыхъ газетахъ нѣтъ ни слова объ этомъ.

— Можетъ быть ты не замѣтилъ?

— О нѣтъ... Я бы замѣтилъ, я бы *это* сейчасъ замѣтилъ...

На другой день, когда она пріѣхала къ Антошкѣ, то увидѣла, что онъ возбужденъ свыше всякой мѣры. Очевидно, онъ всю ночь думалъ, и теперь, прійдя къ опредѣленному рѣшенію,

боялся, какъ бы Леокадія не помѣшала ему; какъ бы она изъ женской сантиментальности не вздумала жалѣть Лаубе.

— Вотъ что! —ласковымъ голосомъ началъ онъ.—Вотъ что, моя дорогая... Я теперь знаю *все*... *все* понимаешь, *все*.

— Что же это такое *все*?—смѣялась она, снимая шляпку и поправляя волосы передъ зеркаломъ.—Что же это *все*?..

— Во-первыхъ—то: Лаубе, именно, и думаетъ убѣжать, когда дойдетъ до извѣстной цифры, положимъ, до милліона.

— У него давно, дурашка моя, лежитъ милліонъ и даже больше!—засмѣялась она, любуясь жадностью, сверкавшей у него въ глазахъ.

— Ахъ есть! Значитъ онъ думаетъ зацапать два! Это уже я тебѣ говорю.—И замѣтивъ, что она хочетъ возражать, онъ замахалъ на нее руками.

— У него и два есть!

— И два?.. Значитъ онъ идетъ до трехъ... И когда эти три у него будутъ, тогда онъ найдетъ, что пришло время ему «остановиться». Ты помнишь какъ онъ это вчера: «значитъ онъ съумѣлъ остановиться?» про банкира-то, котораго я ему выдумалъ. Понимаешь? Я ему вѣдь выдумалъ банкира! Богъ знаетъ какъ, сразу!.. Вдохновеніе точно нашло.

Ну такъ вотъ, дойдетъ онъ до трехъ и тоже вздумаетъ остановиться. То-есть удеретъ съ ними за границу. А теперь ты меня слушай, какъ Бога! Я тебѣ стану говорить въ нашихъ интересахъ. Исполнишь — мы съ тобою счастливѣйшіе люди... на всю жизнь, а не исполнишь—сама на себя пеняй.

— О чемъ ты это?—заинтересовалась она.

— Надо,—и онъ даже поблѣднѣлъ отъ возбужденія,—надо, чтобы, убѣгая за границу, онъ тебя взялъ съ собою. И я долженъ знать это. Понимаешь, онъ бѣжитъ за границу съ тобою—я отъ тебя получаю извѣстіе и лечу за вами. Гдѣ-нибудь тамъ, въ пространствѣ, все равно,—и Антошка, жестикулируя, размахался руками,—ну гдѣ-нибудь тамъ... мы встрѣчаемся и накрываемъ, т.-е. я накрываю его... Но, тутъ, понятно, онъ мнѣ въ ноги, будетъ плакать, чтобы я его не погубилъ. А мы съ нимъ дѣлаемъ все, что намъ угодно, т.-е. беремъ у него половину... нѣтъ половины мало, беремъ у него два милліона и оставляемъ ему милліонъ. Впрочемъ, за что же столько! За что ему, подлецу? онъ будетъ воровать, а мы ему даримъ милліонъ! Мы ему дадимъ полмилліона, остальные беремъ себѣ, вѣнчаемся и удираемъ... И полмилліона, впрочемъ, ему много. Онъ и со ста тысячами не умретъ съ голоду. Пусть будетъ такъ—сто ему дадимъ—сто ты-

сячъ. И кончено... И кончено.... да, сто тысячъ. Это послѣдняя цифра. Съ какой стати намъ швырять деньгами. Что же ты не говоришь ни слова... Ахъ, право, какъ я боюсь этой женской глупости и сантиментальности.

— И не глупости, и не сантиментальности... Я просто обдумывала.

— Значитъ... ты... согласна?..

— Ясное дѣло. О чемъ же тутъ толковать.

— Значитъ, ты теперь не должна его оставлять ни на минуту... а я тебя. Мы должны быть всѣ такъ...—и онъ зацѣпилъ палецъ о палецъ.—Куда онъ—туда и ты; куда ты—туда и я... Вотъ! И такъ значитъ рѣшено! Пускай онъ работаетъ, а мы... а мы возьмемъ!.. Онъ работаетъ—а мы попользуемся... И будемъ мы милліонерами... Слышишь...

«И будешь ты царицей мі-і-іра!
Подруга вѣчная моя!»

Вдругъ затянулъ онъ, схватывая ее за руки и вертясь съ нею по комнатамъ.

Антошка на этомъ не могъ остановиться. Передъ нимъ запахло милліонами. Его умъ вдругъ развернулся и, казалось, еще никогда онъ не былъ такъ дѣятеленъ, какъ теперь. Онъ искалъ средствъ «сдѣлать что-нибудь?» Что именно?—онъ не зналъ, но что-нибудь, что предало бы въ его руки Лаубе и его милліоны. Онъ уже видѣлъ себя облада-

телемъ ихъ. Мякининъ мечталъ, какъ онъ роется въ мѣшкахъ съ золотомъ голыми руками и, ворочая ими тамъ, вытаскиваетъ ихъ точно въ золотой пыли. Такъ ли это въ дѣйствительности или нѣтъ, онъ не зналъ, но ему хотѣлось, чтобы это было такъ именно. Въ этомъ направленіи шли его мысли. Именно руки по плечи и въ золотѣ! И золото шуршитъ, звенитъ, онъ его чувствуетъ, оно у него застреваетъ между пальцами. Онъ хватаетъ его полными пригоршнями и сыплетъ, сыплетъ обратно въ мѣшки. Милліоны, милліоны!.. Въ этомъ словѣ была для него теперь вся жизнь. Онъ смотрѣлъ на Лаубе, какъ на свое достояніе. Онъ умолялъ его беречь свое драгоцѣнное здоровье, не рисковать, не простуживаться... Онъ дрожалъ надъ нимъ, какъ дрожитъ мать надъ больнымъ ребенкомъ. Онъ слѣдовалъ за нимъ издали по улицамъ, чтобы съ нимъ чего бы нибудь не случилось, чтобы его не убили исподтишка. Вѣдь бываетъ, все это бываетъ!..

— Знаешь, — объяснялъ Лаубе Леокадіи Леонтьевнѣ,—чѣмъ дальше, тѣмъ этотъ Антошка все больше и больше мнѣ нравится.

— Почему это?—потупилась она.

— Я знаю, ты его недолюбливаешь. Но это твое дѣло. У васъ, у женщинъ, на все свои резоны. Васъ не поймешь. А я вижу, что онъ

мнѣ безконечно дѣлать какъ собаки... Разные не могутъ чувствовать такъ.

И онъ еще любезнѣе относился къ Антошкѣ.

Антошка стоитъ жалить объясненія съ кѣмъ-нибудь изъ конторы Лауба, зачѣмъ—онъ не знаетъ самъ. Думалъ весь пригодится. Ему сообщили, что Кенигъ и другіе каждый вечеръ пьютъ пиво у Лейнера. Онъ зашелъ туда. Какъ-то онъ сидѣлъ одинъ, занимая пѣлый столъ. Другихъ мѣстъ не было. Явился Кенигъ, попросилъ позволенія сѣсть. Антошка позволилъ. Кенигъ угостилъ его для перваго знакомства кружкой (мюнхенскаго-штейнбрау), тотъ отвѣтилъ бутылкой рейнскаго вина. Они разговорились.

— Я гдѣ-то васъ видѣлъ? — притворился Антошка не знающимъ его.

— Можетъ быть вы жили гдѣ-нибудь у Лауба, я служу у него.

— Нѣтъ, не тамъ!

— Тогда вы, значитъ, бывали у Эдуарда Поппе. Мы всѣ съ Крецлихомъ во пивѣ служили у стержи.

Фамилію Крецлихъ Антошка не разъ слышалъ отъ Лесницкаго и зналъ, что Крецлихъ ненавидитъ Лауба и сторожитъ его. Поэтому и схватился за эту фамилію.

— Это такой стержъ, Крецлихъ? Кажется и его тоже гдѣ-то встрѣчалъ.

— Да старый, старый. Мы его называемъ старой гвардіей... — И на вопросительный взглядъ Антошки, Кенигъ пояснилъ:—Знаете, вся старая гвардія была предана Наполеону даже мертвому, такъ и нашъ старикъ Крюдлихъ преданъ памяти Эдуарда Поппе. Тотъ, кто другъ Поппе—другъ ему... Врагъ Поппе—врагъ его... Лучшаго удовольствія нельзя сдѣлать Крюдлиху, какъ похвалить Поппе.

— Вотъ какъ! — соображалъ Антошка.— Вотъ какъ... А говорятъ, что у Эдуарда Поппе былъ страшный врагъ—это вашъ Лаубе.

— Да, Лаубе разорилъ его. Вы знаете, что каждый праздникъ, когда наша контора закрыта, Крюдлихъ ѣздитъ на могилу къ Поппе. Въ два часа онъ всегда тамъ.

И это Мякининъ занотовалъ въ памяти.

XIV.

Въ слѣдующее же воскресенье, когда контора Лаубе была заперта — Мякининъ купилъ вѣнокъ и пошелъ на кладбище, гдѣ лежалъ Эдуардъ Поппе. У него сложился геніальный планъ, какъ приворожить и вызвать на откровенность Крюдлиха. Онъ уже навѣрное зналъ, что застанетъ старика у дорогой ему могилы. У входа на кладбище онъ спросилъ

сторожа, куда ему идти—тотъ довелъ его до мѣста, откуда былъ видѣнъ большой мраморный крестъ, и, получивъ «на чай», оставилъ его въ покоѣ. Еще издали Мякининъ замѣтилъ, что на скамейкѣ у памятника сидитъ Крюдлихъ. Эта длинная серебряная борода не могла принадлежать другому. Мякининъ, подходя, разыгралъ удивленнаго человѣка и слегка приподнялъ шляпу; повѣсилъ свой вѣнокъ и, преклонивъ колѣни, благоговѣйно и умиленно помолился. Но его разыгранное удивленіе никакъ не могло сравняться съ настоящимъ Крюдлиха. Крюдлихъ былъ пораженъ, и на первыхъ порахъ ему стало даже непріятно, что-то въ родѣ ревности заговорило въ немъ. Спустя нѣсколько времени, его, впрочемъ, заинтересовалъ Антошка, и онъ нѣсколько разъ взглянулъ на него. Антошка смотрѣлъ на бѣлый крестъ увлаженнымъ отъ слезъ взглядомъ и, очевидно, былъ весь полонъ грусти. Крюдлихъ помолчалъ, подумалъ и, наконецъ, рѣшилъ: «что же, это хорошо, если не всѣ забыли его стараго патрона!» Но кто бы это могъ быть? Онъ зналъ доброту покойника. Можетъ быть, кто-нибудь изъ одолженныхъ имъ нѣкогда людей?

Наконецъ Крюдлихъ неловко приподнялъ шляпу. Антошка струсилъ. Ужъ не хочетъ ли уходить тотъ. Оказалось нѣтъ.

— Извините меня, — спокойно началъ Крюдлихъ.—Извините меня... Но вы поймете мое желаніе узнать вашу фамилію. У моего стараго друга было такъ мало друзей. Вы, вѣроятно, были очень близки съ Эдуардомъ?

— Нѣтъ... Я ему многимъ обязанъ—всей моей жизнью, всей моей карьерой... Я пѣвецъ.

— Вы не пѣли въ лидертафелѣ?

— Нѣтъ... Я въ то время учился въ консерваторіи и чуть не умиралъ съ голоду. За неплатежъ денегъ меня хотѣли выгнать и выгнали бы, и всѣ бы мои разсчеты рухнули, еслибы благородный Эдуардъ Поппе самъ не пришелъ мнѣ на помощь. Онъ встрѣтилъ меня у знакомыхъ. Я пѣлъ. Ему сказали о моемъ стѣсненномъ положеніи, и этого было вполнѣ достаточно, чтобы съ тѣхъ поръ до окончанія курса я получалъ отъ него—я зналъ, что это отъ него,—ко мнѣ приносили деньги отъ имени неизвѣстнаго—достаточно, чтобы не нуждаться. Я ему обязанъ всѣмъ!

— Да, да. Это такъ похоже на покойнаго! Я васъ не помню. Вы не были на похоронахъ?

— О, я тогда въ Италіи доучивался. И когда вернулся, то одинъ изъ ближайшихъ друзей покойнаго сообщилъ мнѣ объ его несчастной смерти. Долженъ вамъ признаться, я

былъ страшно потрясенъ. Еслибы умеръ мой отецъ, я бы, кажется, не плакалъ болѣе горькими слезами.

— Благородный молодой человѣкъ! Я— Крюдлихъ; я былъ единственнымъ человѣкомъ, видѣвшимъ его послѣднія минуты и понимавшимъ его. О какомъ другомъ другѣ говорите вы?

— О Лаубе,—просто отвѣтилъ Мякининъ, —о Лаубе.

Я думаю, ежели бы Крюдлиху показали очковую змѣю, онъ бы меньше ужаснулся. Старикъ всплеснулъ руками.

— Какъ Лаубе, Лаубе - другъ покойнаго?!. Лаубе... Да вы знаете Лаубе?

— Лаубе самого плохо... Я даю уроки пѣнія его женѣ... и только. Долженъ сказать правду, что къ Лаубе меня привлекаетъ только его привязанность къ покойному. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ мнѣ вовсе не симпатиченъ. Я, разумѣется, мало знаю людей; я молодъ еще. Можетъ быть, я и ошибаюсь.

Но старый Крюдлихъ никакъ не могъ успокоиться.

— Лаубе—другъ покойнаго! Да знаете ли вы, о неопытное сердце, что злѣе врага не было у Эдуарда, что если онъ разорился, то виною этому былъ змѣенышъ Лаубе, ото-

грѣтый имъ у себя на груди; если онъ потомъ былъ мученикомъ, то опять причина этому Лаубе, оскорблявшій его, бѣднаго, несчастнаго старика, доводившій его до предѣловъ униженія. Если онъ застрѣлился, то рука его въ послѣднюю минуту была направлена никѣмъ инымъ, какъ Лаубе.

Синьоръ Антоніо притворился такимъ потрясеннымъ, что схватилъ за руку Крюдлиха.

— Этого не можетъ быть; этого не можетъ быть! Я самъ въ кабинетѣ у Лаубе видѣлъ его большой портретъ во весь ростъ.

— Да, да, благородный молодой человѣкъ. Да, да, именно, и вы обмануты, какъ обмануты многіе другіе. Позвольте мнѣ,—мы одни здѣсь,—разсказать вамъ эту печальную исторію. Я радъ, что вы такъ живо принимаете къ сердцу несчастіе моего покойнаго друга.

Мякининъ, разумѣется, позволилъ. Крюдлихъ, не жалѣя красокъ, прерывающимся отъ волненія голосомъ, сталъ ему сообщать все, что Лаубе предпринималъ, чтобы сначала оклеветать, а потомъ разорить старика. Когда дѣло дошло до поступленія Эдуарда въ контору къ Лаубе, Мякининъ притворился до такой степени разстроганнымъ, что закрылъ лицо руками. Когда, наконецъ, Крюдлихъ закончилъ картиной самоубійства, Мякининъ вскочилъ и заоралъ: «Дайте мнѣ его, и я его

задушу здѣсь, сейчасъ, своими собственными руками». Но Крюдлихъ не могъ дать ему Лаубе, и Мякининъ долженъ былъ успокоиться. «О, какая подлость, о какая мерзость!..» И онъ не зналъ, какое еще употребить ему восклицаніе. Крюдлихъ за эти нѣсколько минутъ привязался къ нему всѣмъ сердцемъ. Недаромъ говорятъ, что ненависть сближаетъ болѣе любви! Разумѣется, ненависть общая: двухъ—противу одного.

— И неужели это чудовище останется не отомщеннымъ? Я до сихъ поръ считалъ Лаубе только мошенникомъ... Но...

— Вы, вы, молодой человѣкъ, и считали его такимъ, да?

— Что это васъ такъ удивляетъ?

— Помилуйте, да вы тысячу разъ правы, тысячу разъ правы. Онъ плутъ, онъ воръ, и вотъ этой самой рукой я отдамъ его правосудію, этой самою рукою. Слышите ли вы... Я долженъ буду сдѣлать это. Въ отношеніи къ нему у меня не можетъ быть ни пощады, ни жалости.

— Какая жалость! Развѣ можно жалѣть змѣю?.. Она вѣдь васъ же ужалитъ.

— Вѣрно, вѣрно, молодой человѣкъ, вѣрно!.. О, еслибы вы знали все, какъ я знаю... Къ сожалѣнію, я старъ и слабъ. Мнѣ нуженъ помощникъ, молодой, энергичный, смѣлый...

Еслибы вы согласились, во имя нашего общаго благодѣтеля и друга, помочь мнѣ... Еслибы вы согласились, о! тогда мы бы связали по рукамъ и по ногамъ этого Лаубе... Слышите вы... Онъ бы лежалъ передъ нами какъ трупъ, и мы могли бы плевать ему въ его подлую рожу... Простите меня, молодой человѣкъ, но ненависть заставляетъ меня выражаться нѣсколько рѣзко...

— О, по отношенію къ этому человѣку не можетъ быть ничто достаточно рѣзкимъ!.. Ничто...

Пора было уходить. Мякининъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Крюдлихомъ. Старикъ привезъ его къ себѣ и тамъ разсказалъ все, что только зналъ о Лаубе. Антошка еще разъ пришелъ въ ужасъ и отчаяніе. Ему показалось уже, что Лаубе пропалъ совсѣмъ. Это бы еще ничего, но его деньги, деньги!.. Вѣдь и ихъ отнимутъ!.. и тогда Антошка безъ милліоновъ, безъ милліоновъ, которые онъ уже считалъ своими.

— Нѣтъ, это недостаточное наказаніе... недостаточное!.. — воскликнулъ Мякининъ. — Этого мало за все, что выдержалъ нашъ другъ.

— Какъ мало? Но его будутъ судить, опозорятъ, отнимутъ деньги!

— Деньги? Во-первыхъ, часть денегъ будетъ скрыта. Она вѣдь разослана по разнымъ

заграничнымъ банкамъ... Это разъ. Стоитъ ему бѣжать,—а кто у насъ не бѣгаетъ, не отсюда, такъ съ дороги въ Сибирь?..—стоитъ ему бѣжать, говорю, и онъ будетъ богатъ, свободенъ, независимъ и можетъ смѣяться надъ нами.

— Да, да, это вѣрно... Это правда, правда. Что же надо дѣлать по вашему?

— Что? Очень просто... Пусть онъ бѣжитъ... Пусть... Мы послѣдуемъ за нимъ. И когда онъ соберетъ всѣ свои деньги, будетъ считать себя внѣ всякой опасности—мы его накроемъ, накроемъ какъ крысу мышеловкой... Вотъ что мы должны сдѣлать.

Крюдлиху оставалось только изумляться уму своего молодого друга.

— Да, да,—повторилъ онъ. — Это, разумѣется, лучше...

На томъ они и порѣшили. Мякининъ поспѣшилъ къ Леокадіи и разсказалъ ей обо всемъ происшедшемъ.

— Это глупо! — отвѣтила она ему. — Да, глупо. Зѣчѣмъ ты сошелся съ нимъ? Вѣдь Крюдлиху нужна месть, а не деньги...

— Именно. Месть ему и останется, а деньги намъ... Понимаешь... Самое правильное раздѣленіе. Каждый получитъ то, чего ищетъ.

— Нѣтъ, не понимаю! Какъ деньги намъ, если онъ его накроетъ съ деньгами?

— Самая умная женщина — все-таки глупа! — вырвалось у Антошки съ такимъ выраженіемъ, что Леокадія ударила его вѣеромъ. — Я сейчасъ тебѣ докажу это,—и онъ началъ ей сообщать свой планъ...—Въ концѣ концовъ, ты понимаешь, и Крюдлихъ, и Лаубе, оба будутъ работать въ нашу пользу. Они оба наши!.. Когда медъ будетъ готовъ—мы сгонимъ пчелъ...

Уваженіе къ Мякинину послѣ этого выросло у Леокадіи.

— Пожалуй, я съ тобою и не пропаду,— проговорила она.—Пожалуй такъ.

— А я что же говорилъ? Въ твоихъ же интересахъ совѣтую всѣ свои деньги перевести теперь на мое имя.

— О, нѣтъ, нѣтъ! — опять расхохоталась она.—Ты слишкомъ уменъ для того, чтобы я отдала тебѣ деньги...

Антошка послѣ этого продолжалъ находиться въ самомъ безпокойномъ состояніи. Онъ ожидалъ, а ожиданіе изводитъ нервы. Онъ даже похудѣлъ—глаза у него ввалились. Онъ такъ смотрѣлъ на Лаубе теперь, точно боялся, что тотъ можетъ исчезнуть въ каждую минуту. Когда тотъ выходилъ изъ дому при немъ, Антошка волновался и бѣгалъ узнавать, не взялъ ли Лаубе заграничный паспортъ. Когда Лаубе попадался ему на какомъ-нибудь изъ

вокзаловъ, Антошка кидался за нимъ, чтобы убѣдиться, что тотъ не садится на желѣзную дорогу. Наконецъ такое состояніе стало невыносимо. И всего глупѣе была такая суматошность со стороны Антошки, потому что Лаубе никогда не былъ такъ покоенъ, какъ теперь. У него все шло какъ по маслу. Онъ все продолжалъ стоять насторожѣ, ожидая перваго проблеска неудачи или трехъ милліоновъ, чтобы сбѣжать... Онъ даже пустился въ хляби сценическаго искусства—свелъ знакомства съ театралами, съ артистами, подносилъ вѣнки, подарки, заставлялъ и тутъ говорить о себѣ. Началась осень—открылись театры. Онъ пропадалъ вмѣстѣ съ Леокадіей и Антошкой въ Маріинскомъ. Мякининъ, прибѣгая къ Крюдлиху, съ отчаяніемъ восклицалъ иногда: «Я думаю, наконецъ, что онъ никогда, никогда не убѣжитъ, что онъ навѣрно останется въ Петербургѣ, и мы его не накроемъ»,—на что Крюдлихъ улыбался и успокоивалъ своего молодого друга: «Терпѣніе! еще мѣсяцъ, два—и вы увидите!..» Мякининъ вооружался терпѣніемъ; ѣздилъ вмѣстѣ съ Крюдлихомъ на могилу Поппе, вмѣстѣ съ Лаубе въ театръ и къ артистамъ на ихъ вечера, но ничего изъ этого не выходило.

— Да чего ты мучаешься?—спрашивала его Леокадія:—вѣдь тебѣ отлично...

— О! надо скорѣй... Надо, чтобы онъ скорѣй, скорѣй убѣжалъ... Не знаешь ли ты, чѣмъ бы его заставить убѣжать?..

Очевидно и спокойствіе Лаубе было напускное.

Онъ часто въ безсонныя ночи, когда самъ не могъ сомкнуть глазъ, будилъ Леокадію и разсказывалъ ей, какія прекрасныя страны есть на свѣтѣ.

— Ваша Россія—самая неприглядная и неинтересная изо всѣхъ!—пояснялъ онъ ей.—Вотъ мы поѣдемъ въ Италію, ты увидишь, что это!

— Да когда же мы поѣдемъ... когда?—вырвалось у нея.—Ты только мнѣ спать мѣшаешь, а ѣхать не ѣдешь.

— Когда? Погоди еще немного...

И такъ, и онъ Леокадіи, и Крюдлихъ Антошкѣ говорили одно и то же: «погоди еще немного».

— Мнѣ уже надоѣло ждать!—прошептала она, смыкая глаза, и сквозь сонъ уже разслышала, какъ Лаубе едва слышнымъ шепотомъ признавался ночному мраку:

— Еще нѣтъ у меня трехъ милліоновъ, еще нѣтъ у меня трехъ милліоновъ...

— И тѣхъ, что есть—довольно!—отвѣтила она ему, открывъ глаза.

— Тебѣ довольно, но не мнѣ. Я знаю,

когда «слѣдуетъ остановиться». Только готова ли ты послѣдовать за мною на край свѣта?

— О, да! куда угодно!—нѣжно отвѣчала она.

«До чего эта женщина меня любитъ, до чего она мнѣ предана», думалъ онъ, и еще больше преисполнялся благоговѣніемъ къ своей собственной особѣ, съумѣвшей добиться такой любви.

— И ты со мной пойдешь на все?..

— На все. Гдѣ ты—тамъ и я... Съ тобой вездѣ будетъ рай... Я развѣ не твоя?

Но нетерпѣніе, захватывавшее въ свою одуряющую атмосферу Мякинина, мало-по-малу передавалось и Крюдлиху. Старикъ тоже начиналъ волноваться и безпокоиться.

— Знаете, это и мнѣ самому начинаетъ надоѣдать,—выразился онъ какъ-то разъ Мякинину.

— Надо дать ему шенкеля! — отвѣтилъ Антошка, радуясь, что и старика, наконецъ, проняло.

— Что такое?—переспросилъ удивленный Крюдлихъ. —Я васъ не совсѣмъ понимаю.

— Я говорю: надо дать ему шенкеля, чтобы онъ закусилъ удила и понесъ. Знаете, какъ лошади.

— Я подумаю объ этомъ, мой молодой другъ, я подумаю объ этомъ!

Но молодой другъ, очевидно, не хотѣлъ оставить за нимъ почина въ этомъ дѣлѣ. Молодой другъ давно былъ знакомъ съ Сержемъ Клюквеннымъ. Сержъ Клюквенный не разъ оказывалъ «молодому другу» различныя литературныя услуги, знакомилъ его съ нужными людьми, помѣщалъ анонсы о его концертахъ. Молодой другъ изъ разсказовъ Крюдлиха зналъ также роль Сержа Клюквеннаго въ этомъ дѣлѣ, въ печальномъ дѣлѣ Эдуарда Поппе, и хотѣлъ еще разъ воспользоваться «состоящимъ при печати» для своихъ цѣлей. Онъ не сообщалъ Крюдлиху, что думаетъ въ качествѣ шенкеля употребить Сержа Клюквеннаго. Крюдлихъ бы испугался—и только. Между тѣмъ Антошка отлично понималъ (на это у него хватило звѣриной хитрости), что струсь Лаубе, онъ не станетъ ждать третьяго милліона, а постарается скорѣе приступить къ исполненію своихъ завѣтныхъ плановъ. Антошкѣ же и двухъ было за-глаза! Ему хотѣлось только скорѣе воспользоваться ими, не ждать болѣе... Поэтому на другой день Антошка написалъ Сержу: «Пріѣзжай сегодня обѣдать къ Донону, могу тебѣ обѣщать, что накормлю на славу». Клюквенный былъ большой гурманъ, и если Исавъ свое первородство продалъ за чечевичную похлебку, то Сержъ за устрицы и бутылку шампанскаго готовъ былъ продать

лучшаго своего друга. Въ назначенное время онъ входилъ къ Донону.

Мякининъ уже ждалъ его тамъ.

— Ну, итальянецъ, это съ чего ты вздумалъ меня кормить?

— Съ чего? Просто мнѣ пріятно съ тобой—вотъ и все! Съ чего!.. Точно у всѣхъ есть непремѣнно заднія мысли. Давно не видѣлъ тебя, соскучился... Кстати же получилъ деньги...

— Деньги, и много?..

— Ну, много гдѣ возьмешь!—осторожно спрятался въ кусты Мякининъ.—Такъ, малую толику. Но съ тобой могу подѣлиться. Если двадцать-пять—тридцать рублей тебѣ не лишни —пожалуйста, не церемонься.

— Двадцать-пять—тридцать оказались совсѣмъ не лишними для Сержа, онъ не поцеремонился и взялъ тридцать. Потомъ Мякининъ отвелъ его въ бесѣдку, находившуюся въ саду. Выдался теплый осенній день. Солнце даже поджаривало, и хотя чахлыя деревья уже пожелтѣли, но нашимъ собесѣдникамъ вовсе не хотѣлось прятаться въ комнаты. Антошка сегодня особенно разошелся. Онъ приказалъ подать сначала листовки и «нѣжинской рябины», потомъ соорудилъ закуску—изъ балыка, семги, свѣжей икры и раковъ. Сержъ Клюквенный выпилъ, закусилъ,

повторилъ еще разъ и сдѣлался доступенъ сердечнымъ изліяніямъ. Онъ особенно любилъ свѣжую икру и ѣлъ ее ложкой безъ хлѣба, на что Антошка не могъ смотрѣть не морщась.

— Эта «нѣжинская рябина», я тебѣ скажу!..—восторженно выпучилъ онъ глаза на Мякинина.

— Да... Спирту совсѣмъ не слышно въ ней. Ну-ко еще!..

Повторили опять. Когда принесли супъ а ля тортю, глаза Клюквеннаго стали необыкновенно сладки...

— Старой мадеры... Супъ ею запьемъ, а къ слѣдующему блюду — хорошенькаго Мутонъ-Ротшильдъ... А? — командовалъ ужъ самъ Клюквенный.—Разумѣется, ты платишь!—осторожно предупредилъ онъ Мякинина.

— Еще бы! Если я тебя звалъ, такъ я и плачу. Ясное дѣло.

— Ну вотъ, значитъ все въ порядкѣ.

Гатчинская форель была великолѣпна, и Клюквенный посмотрѣлъ на нее такимъ удавомъ, что Мякининъ посторонился, какъ бы и его не съѣлъ Сержъ, славившійся своимъ аппетитомъ. Ее запили настоящимъ «іоганисбергеръ-кабинетъ», который Клюквенный, прежде чѣмъ проглотить, долго смаковалъ во рту, зажмурясь и съ такимъ сладостнымъ выраженіемъ въ лицѣ, что Мякининъ даже засмѣялся.

— Ты это чему?—спросилъ его пріятель.

— Я? Ужъ очень ты дѣло это самое любишь!..

— Еще бы. Ты, Антошка, вѣдь въ винѣ ничего не понимаешь. Знаешь ли, какъ надо его оцѣнить? Какъ ты поймешь букетъ и насладишься имъ вполнѣ?

— Какъ! извѣстное дѣло, заберу въ ротъ побольше и проглочу.

— Ну и дуракъ!..—И Сержъ Клюквенный сдѣлалъ необыкновенно глубокомысленное лицо. —Я тебѣ объясню... Возьми маленькій глотокъ и удержи его у самаго прохода въ горло... Удержи и не вдыхай воздухъ, а выдыхай носомъ... Тогда ты почувствуешь настоящую прелесть вина. И поймешь, почему я, какъ ты выразился, это самое дѣло люблю... То-то... Ну, попробуй!

Антошка попробовалъ и дѣйствительно понялъ.

— Ну? — спросилъ его торжествующій Клюквенный.

— Великолѣпно...

Когда подали «сѣдло», Сержъ потребовалъ Мутонъ постарѣе. Дононъ послалъ бутылку, чуть не мохомъ покрывшуюся. При одномъ ея видѣ у Клюквеннаго, какъ у таракана, заходили усы и засосало подъ ложечкой. Онъ глоталъ вино исподволь, и такъ наслаждался

имъ, какъ будто въ жизни уже ничего не оставалось ему болѣе. Отъ спаржи онъ пришелъ въ восторгъ.

— Знаешь, другіе любятъ шампанское за жаркимъ, но по моему это глупо, вели теперь подать... только Креманъ.

Креманъ подали въ серебряномъ ведрѣ, со льдомъ. Къ вящшему благополучію Сержа, Антошка приказалъ заморозить еще бутылку. Спаржа таяла во рту, шампанское слегка покусывало нёбо и языкъ Клюквеннаго. Онъ уже на весь свѣтъ смотрѣлъ теперь самымъ радостнымъ окомъ... И люди, и природа представлялись ему въ какомъ-то чудномъ освѣщеніи. Но, разумѣется, всѣхъ лучше оказывался Антошка.

— Знаешь, Микини, что я тебѣ скажу.— И вдругъ Сержъ возложилъ ему обѣ руки на голову.—Я тебѣ предсказываю: ты всѣхъ этихъ Мазини заткнешь за поясъ... Ты Мазини—но съ чувствомъ, и съ forza!.. Да—съ чувствомъ, и съ forza... Первый разъ какъ только ты будешь пѣть, я это печатно заявлю, у тебя есть то, чего нѣтъ у Мазини, и то, что у него есть! У тебя, Антоша—милліонъ въ горлѣ.

Такъ какъ эти милліоны ничего не стоили Сержу, то послѣ второй бутылки шампанскаго въ горлѣ у Антошки оказалось два ихъ, а когда Мякининъ потребовалъ какой-то новый, небывалый ликеръ—Сержъ заплакалъ.

— Что съ тобой?..—испугался Антошка.

— Ничего, оставь!.. Я оттого... Почему я не теноръ!.. Я хотѣлъ бы быть теноромъ, и такъ какъ не могу—то плачу. Это благородныя слезы, другъ мой!...—И онъ неистово стукалъ себя въ грудь.—Это очень благородныя слезы, поцѣлуй меня! У тебя теноръ, а у меня его нѣтъ, и даже самаго паршиваго баритона нѣтъ, а просто какая-то ща-бе-моль завязла въ горлѣ, но ты все-таки не гнушайся и поцѣлуй меня!

Антошка не гнушался и цѣловалъ, что заставляло Сержа Клюквеннаго плакать еще болѣе горькими слезами.

Подали кофе и ликеры. Сержъ плавалъ въ океанѣ блаженства.

— Ты все еще даешь уроки у Лаубе?.. у моего друга Лаубе? — коснѣющимъ языкомъ спрашивалъ его Сержъ.

— Твоего друга Лаубе!—вспылилъ Микини.—А знаешь ли ты, что я изъ-за тебя недавно чуть не поссорился съ Лаубе.

— Съ Лаубе... изъ-за меня... Да мы такіе ами-кошоны. Онъ мнѣ очень, очень обязанъ...

— Пожалуйста, не считай его своимъ другомъ!..—рѣзко оборвалъ Антошка.

— Почему, если я для него... вотъ такъ.— И самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, Сержъ схватилъ пустую бутылку отъ шампанскаго, размах-

нулся и послалъ ее въ проходившаго внизу лакея. Тотъ едва успѣлъ отвести голову.— Вотъ какъ... Видѣлъ...—побѣдоносно оглянулся онъ на Микини.—Какъ же не другъ.

— Ну, такъ чтобы тебя разъ навсегда отучить всякую сволочь называть своими друзьями —я тебѣ скажу. Вчера я завожу разговоръ о тебѣ, а Лаубе говоритъ: Сержъ Клюквенный— продажная душа!

— Что?.. Я продажная душа... Я!..—Сержъ вскочилъ и хлопнулъ пустой стаканъ объ полъ. Хрусталь разлетѣлся въ дребезги.

— Да. Я ему говорю на это: господинъ Лаубе—неугодно ли вамъ замолчать! Я этого не могу слушать, потому что Сержъ Клюквенный—лучшій мой другъ.

— Благородно! Ей Богу, благородно... Я бы самъ не могъ поступить благороднѣе... Никакъ не могъ! Поцѣлуй меня, мурлышка...

— А онъ мнѣ на это: поздравляю васъ съ такими друзьями. Я самъ пользовался Сержемъ и его услугами... Его— это тебя—каждый, какъ дѣвицу на Невскомъ, можетъ купить и за малыя деньги.

— Ахъ, онъ скотина! Да я столбовой дворянинъ... Да я ему, подлецу... Антоша... Пойдемъ сейчасъ... пойдемъ бить его.

— Погоди... Дай досказать... Чего, чего онъ только мнѣ не наговорилъ про тебя. Просто

ужасъ. Я долженъ былъ встать и заявить: милостивый государь, мы съ вами больше не знакомы,—и уйти.

— Благородно! Ей Богу благородно! То-есть такъ благородно... Совсѣмъ какъ я.

— Ну вотъ. Послѣ этого не называй его «другомъ».

— Другомъ! Этакую свинью... Никогда!.. А бить его—пойдемъ сейчасъ.

Очень былъ хорошъ Сержъ въ порывахъ своего пьянаго негодованія, но Антошкѣ некогда было наблюдать.

— Погоди! Ты совсѣмъ не то дѣлаешь. Бить! Во-первыхъ, тебя не пустятъ... А во-вторыхъ, пошлютъ за полиціей! и все это дѣло разыграется сначала въ участкѣ, а потомъ въ камерѣ мирового судьи.

— Я мировыхъ судей боюсь, Антошка!— признался Сержъ.

— Ну, вотъ видишь... Значитъ нечего о битьѣ и думать... Нѣтъ, Лаубе надо наказать иначе... Его, подлеца, слѣдуетъ по карману ударить. Такъ, чтобы ему больнѣе, чѣмъ отъ палокъ, было...

— Это я могу, Антоша. Я по карману очень могу... Это сейчасъ. Вотъ только въ себя приду... Это Креманъ, чортъ его возьми... немного голову мнѣ закружило... А завтра я могу... По карману...

— Я къ тебѣ пріѣду завтра, и мы потолкуемъ...

Клюквенный вышелъ подъ руку съ Микини. Въ швейцарской онъ вѣжливо раскланялся съ швейцаромъ, но при выходѣ вдругъ схватилъ какую-то даму за хвостъ и закричалъ караулъ. Антошкѣ кое-какъ удалось убѣдить разсвирѣпѣвшую даму успокоиться. Онъ посадилъ Клюквеннаго на извозчика и повезъ его домой. Но имъ пришлось проѣзжать черезъ Невскій. Клюквенный забылъ, гдѣ онъ, и вдругъ заоралъ:

— Да здравствуетъ Аркадія!.. Ты Полякова знаешь?.. Митюху Полякова!.. Простой русскій мужичекъ,—умилился онъ,—а какъ все понимаетъ... Ура!.

Мякининъ былъ счастливъ, когда довезъ Сержа домой и уложилъ его спать.

XV.

Карета, тяжелая и плотно закупоренная отовсюду, медленно подвигалась впередъ по скверной улицѣ, громыхая по ея мостовой. Кучеръ съ трудомъ различалъ передъ собою дома, то выдававшіеся неожиданно впередъ, то словно прятавшіеся въ какой-то мглѣ. Туманъ былъ такъ густъ, что самые огни фонарей расплывались въ немъ въ какія-то громад-

ныя желтыя пятна. Иногда эти пятна точно бѣжали навстрѣчу, и тогда кучеръ догадывался, что на него наѣзжаетъ другая такая же карета. Изрѣдка на улицѣ тускло поблескивали лужи. Третьяго дня выпалъ ранній, неожиданный снѣгъ и растаялъ. Изъ-подъ копытъ лошадей грязь и влага летѣли въ сторону, откуда часто вслѣдъ кучеру доносилась озлобленная брань обрызганныхъ пѣшеходовъ.

Внутри кареты, прижавшись въ уголъ, сидѣла какая-то барыня, которую скорѣе можно было принять за узелъ, такъ она закуталась. Она закрыла себѣ даже ротъ, чтобы не дышать воздухомъ улицы. Напротивъ (карета была четырехмѣстная), тѣсно прижавшись другъ къ другу, едва помѣщались ея мужъ и горничная.

— Ты хорошо уложила вѣнокъ и букеты?— заботливо обратился первый ко второй, миловидной дѣвушкѣ, державшей въ рукахъ довольно тяжелый черный сакъ.

— Да-съ... Какъ приказывали.

— То-то... Завтра, душенька,—наклонился онъ къ женѣ,—придется тебѣ опять поднесть ихъ. Немножко надо будетъ подновить, подвить цвѣты щипчиками... Ну, да я займусь этимъ.

Жена кивнула ему головой, указывая на горло рукою.

— Знаю, знаю,—согласился онъ,—знаю... Тебѣ, милочка, теперь нельзя говорить... Да я не для того. Ты только слушай. Мнѣ кажется, придется для разнообразія поднесть тебѣ серебряный вѣнокъ, тотъ, который тебѣ поднесъ въ прошломъ сезонѣ Лаубе... Кстати онъ у насъ сегодня съ женой... Пожалуйста, полюбезнѣе съ нимъ... полюбезнѣе... Ты знаешь, онъ опять можетъ поднесть... Или тотъ подать тебѣ, что мы купили у Мари Лафонъ на аукціонѣ, а?.. Помнишь, въ Кіевѣ и Харьковѣ онъ производилъ вѣдь большой фуроръ?

Она одобрительно кивнула ему головою.

— Ты не говори, не говори! — опять засуетился онъ.—Я за тебя... я... Этакую партію, какъ Валентину, вынести на плечахъ!.. И въ какую погоду... Да, кстати. Гилю я пересталъ посылать ложу... Онъ совсѣмъ сегодня не старался, и въ послѣдній разъ тоже оттуда хлопали точно сонные. Зато Костюкову можно поручить нѣсколько. Онъ мастеръ: ты знаешь... поюли съ нимъ. Онъ мальчикъ усердный и, кромѣ того, кажется, влюбленъ въ тебя? Не мѣшаетъ, знаешь, масла въ огонь плеснуть... Пусть хлопочетъ. Зато Шишмареву такъ сегодня ошикали... Будетъ помнить! Ей ли, дурищѣ, отбивать у тебя Карменъ. Я, видишь, подхожу къ ней и такъ, будто соболѣзную, говорю: «вы, Анфиса Петровна, не обращайте

вниманія на нихъ, на подлецовъ, вы *все-таки* ужъ не такъ дурно пѣли, чтобы вамъ въ ключи свистать...» Это вѣдь Назаровъ постарался и товарищей привелъ. Они благодарны, они всегда цѣнятъ вниманіе артистки.

— Что же тебѣ отвѣтила Шишмарева?— скорѣе прохрипѣла, чѣмъ проговорила изъ-подъ платка артистка.

— Ничего. Стоитъ, знаешь, и слезы на глазахъ—ничего не слышитъ и ничего не понимаетъ. Ты не говори, пожалуйста, не говори... Тебѣ вредно! Потомъ я встрѣтилъ Назарова въ фойэ и говорю ему: Шишмарева полиціи жаловалась! —«На кого?» — спрашиваетъ. — На вашихъ, кажется.—Ну, понятно, онъ тамъ поклялся, что въ слѣдующемъ актѣ ей цѣлый скандалъ соорудитъ. И другіе къ нему пристали. «Наши» ложи тоже въ грязь лицомъ не ударили. Я, разумѣется, сейчасъ же послѣ— въ директорскую и говорю: «бѣдная Анфиса Петровна, воображаю, какъ ей мучительно исполнять навязанную ей партію». Ну, нашъто сейчасъ на дыбы: «Помилуйте, говоритъ, кто ей навязывалъ, сама требовала. И капельмейстеръ тоже увѣрялъ меня, что она пойдетъ у нея отлично». А я вскользь, знаешь, уронилъ: «моя жена пѣла эту партію въ Тифлисѣ съ страшнымъ успѣхомъ...» — «Да, да,—призадумался тотъ.—Надо это передать, надо. Согла-

сится ли ваша жена только? У нея и то громадный репертуаръ». Ну я сейчасъ же ему: «не знаю. Она свыше силъ работаетъ, но, разумѣется, если вы ее попросите — иное дѣло. Для васъ у нея нѣтъ ни въ чемъ отказа». И знаешь, точно я у него за ухомъ пощекоталъ. Смотри, завтра пристанетъ—не разомъ сдавайся... А въ Карменъ я тебѣ устрою такой успѣхъ... въ полномъ смыслѣ слова!.. Кстати, сегодня будь полюбезнѣе съ Лаубе. Онъ возьметъ опять пять ложъ и всю свою контору посадитъ. Цвѣтами тебя осыплетъ... цѣнный подарокъ поднесетъ. То-есть выйдетъ нѣчто «потрясучее».

— Что?—опять прохрипѣла его жена изъ-подъ платка.

— Это у Толстого, милочка, новое слово!.. Оно въ модѣ теперь... Твой браслетъ—бриллiанты съ бирюзой—здѣсь еще не видѣли?

— Нѣтъ! — качнула она отрицательно головой.

— Не говори, не говори... Тебѣ вредно... тебѣ вредно. Мы его поднесемъ отъ неизвѣстнаго. Ну, эти букеты и вѣнки... Потомъ, что бы еще?

— Колье!—здѣсь его тоже не знаютъ.

— Не говори, не говори... Колье... отлично. . Воображаю злобу Шишмаревой, вотъ взбѣсится.

— Кто сегодня изъ партера шикалъ?

— Не говори, не говори... Такъ, милочка, дураки какіе-то. Ты сидѣла въ креслахъ?— обернулся онъ къ горничной.

— Да-съ.

— Кто шикалъ?—спросила артистка.

— Публика-съ. Недовольны были, что аплодировали сверху.

— И многіе шикали?—передернуло ее.

— Очень многіе-съ!—наивно отвѣтила та.

— Молчи, глупая,—разсердился мужъ.— Ты тоже ее, дуру, спрашиваешь. Что она, деревенщина, понимаетъ. Многіе! Два какихъ-нибудь осла забрались или подослала та же Шишмарева.

— Шишмарева не подошлетъ!—оборвала его жена.

— Ну, такъ просто остолопы... И не шикали даже... А такъ, знаешь, чтобы биса не было... Въ слѣдующій разъ этого не случится. Надо будетъ полиціймейстера...

Такъ и осталось неизвѣстнымъ, съ какою цѣлью онъ хотѣлъ потревожить полиціймейстера. Карета въ это время остановилась у подъѣзда, кто то отворилъ дверцу, и артистка, выскочивъ, попала въ толпу поджидавшихъ ее молодыхъ людей.

— Браво, браво! — встрѣтили они ее: — браво, божественная Эмма Карловна!

— Благодарю васъ!—слабо отвѣчала она, притворяясь совсѣмъ убитой.

Едва распутавшись изъ узла, она на лѣстницѣ подавала имъ руки.

— Вы довольны? — искательно, точно ожидая одобренія, выскочилъ одинъ.

— Очень, очень, Костюковъ... Вы меня балуете!..

— Помилуйте...

— Я не знаю, что́ я бы безъ васъ дѣлала!

Костюковъ, весь красный, былъ счастливъ свыше мѣры.

— Разумѣется, чай ко мнѣ пить!—пригласила она всѣхъ за собой.

И толпа повалила вверхъ по лѣстницѣ, гдѣ мужъ артистки уже суетился у дверей, разоблачая свою супругу.

— Лаубе еще не пріѣхалъ? — спрашивала она.

— Нѣтъ... Но вѣрно сейчасъ будетъ...

Эмма Карловна Хлюстъ, по сценѣ Гавлонская, меланхолически вздыхая, обыкновенно увѣряла всѣхъ: «знаете, когда перевалитъ за двадцать-восемь...» и при этомъ внимательно смотрѣла въ глаза имъ. Замѣчательно, что ей за двадцать-восемь переваливало вотъ уже семнадцать лѣтъ и никакъ перевалить не могло. Въ свои сорокъ-пять лѣтъ она держалась на сценѣ, при полномъ отсутствіи голоса, только

благодаря геніальности своей и мужа, умѣвшаго опутать все и всѣхъ. Въ смыслѣ интригъ г-жа Хлюстъ дошла до того, что Меттерниху было бы ей въ чемъ позавидовать. Какіе огни, воды и мѣдныя трубы прошла она прежде, чѣмъ достигла искусства «дѣлать успѣхъ»—объ этомъ исторія умалчиваетъ. Люди, посвященные въ закулисныя тайны, знали только одно, что разъ на подмостки той или другой сцены ступила нога безголосой Хлюстъ — никому иному на нихъ мѣста не было. Скандалы слѣдовали за скандалами. Хорошіе товарищи начинали ссориться, вслѣдствіе какихъ-то невѣдомо гдѣ и какъ рождавшихся сплетенъ, молодежь, относившаяся съ уваженіемъ къ дѣйствительнымъ талантамъ, вдругъ начинала, повидимому, ни съ того, ни съ сего освистывать ихъ, негодуя на внезапно обнаружившіяся подлости, якобы ими совершонныя. Клевета положительно застилала воздухъ. Отъ анонимныхъ писемъ нельзя было очнуться. Вся атмосфера театра дѣлалась отравленной, захватывала дыханіе, и въ этой-то адской средѣ наша парочка чувствовала себя какъ нельзя лучше. Это было ихъ стихіей. При этомъ Гавлонская, умѣвшая удивительно искренно плакать, иллюстрируя это великолѣпными истериками и обмороками, пускала въ ходъ всѣ эти средства, старалась всѣхъ убѣдить, что ее, бѣдную, несчастную, преслѣдуютъ,

что ей не даютъ служить искусству, которое она такъ любитъ, что на нее клевещутъ, что такая-то или такой-то (кого публика, въ послѣднiй спектакль, хорошо принимала) хотятъ, разумѣется, довести ее до самоубiйства и довели бы, еслибы у нея не было мужа... «этого мученика»! — трагически заканчивала она, падая ему на грудь, и онъ со слезами на глазахъ прижималъ къ себѣ «своего бѣднаго, беззащитнаго ангела»... Все это было, разумѣется, продѣлано и сегодня. Самъ беззащитный ангелъ интересовался, впрочемъ, только однимъ: отчего нѣтъ Лаубе съ его женою. Присутствiе Лаубе въ ея гостиной придавало ей извѣстный блескъ, и Эмма Карловна ухаживала за Альбертомъ Вильгельмовичемъ.

— Ну, что же Альбертъ Вильгельмовичъ и его прелестная жена?—набросилась она на Мякинина, когда тотъ явился.

— Сейчасъ, сейчасъ... Я ихъ цѣлый день не видѣлъ... Цѣлый день не встрѣчалъ... Ахъ, знаете, сколько непрiятностей, сколько непрiятностей!

— Что еще? У васъ, Антонiо, какiя еще огорченiя?

— И не говорите, я за другихъ страдаю!— И Антошка съ видомъ отчаянiя бросился въ кресло.

— Значитъ, можетъ быть, Лаубе не бу-

дутъ? — разочарованно протянула Эмма Карловна.

— Не знаю, не знаю... Вы читали сегодня «Столичную муху»?

— Нѣтъ, а что, развѣ меня обругали?—И Хлюстъ поблѣднѣла. Она интересовалась во всей печати только тѣмъ, что похвалили ее или обругали, или тѣмъ, что говорятъ о ея товаркахъ и товарищахъ по сценѣ. Не будь отдѣла театра и музыки, для нея не было бы литературы.

— Ну, кто васъ ругать станетъ, когда у васъ всюду ноготокъ запущенъ,—безцеремонно усмѣхнулся онъ.—Сержъ Клюквенный такъ васъ иначе и не называетъ, какъ «божество». И другіе ту же линію тянутъ.

— Да они всѣ были ко мнѣ добры, очень добры. Такъ про меня, значитъ, ничего? И про Шишмареву ничего?.. Такъ про кого же?

— Про нашего почтеннаго, милаго, щедраго Лаубе... про самого Лаубе... Разумѣется, не прямо... а намекомъ... Слегка, но ему и то будетъ больно. Я знаю его самолюбіе. Ему будетъ очень больно. Вы постарайтесь сегодня съ нимъ поделикатнѣе... Такъ, знаете, едва касаться...

Не успѣлъ еще Мякининъ договорить, какъ въ передней послышался звонокъ.

Господинъ Хлюстъ бросился туда и съ не-

обыкновеннымъ почтеніемъ ввелъ подъ руку Леокадію. За ними шелъ Лаубе, неся голову выше, чѣмъ когда-либо прежде. Онъ былъ сегодня необыкновенно веселъ. Мякининъ зорко взглянулъ на него и разомъ сообразилъ: «вѣрно еще не знаетъ!» Дѣйствительно, Альбертъ Вильгельмовичъ, очевидно, ничего не зналъ. Его поразила сегодня необыкновенная деликатность, съ которою всѣ относились къ нему у Гавлонской. Онъ, разумѣется, приписывалъ это обаянію своего имени и торжествовалъ еще больше. Подали чай. Леокадія Леонтьевна оказалась въ углу. Лаубе отошелъ отъ нея къ хозяйкѣ.

— Я сегодня открылъ военныя дѣйствія!— наклонился надъ своею чашкою Мякининъ, говоря шепотомъ, такъ что одна Леокадія его слышала.

— Что такое? Я не понимаю... — удивилась та.

— Ждать, клянусь, не будемъ. Мы всѣ потеряли терпѣніе.

— Кто «мы»?.. Кто это мы всѣ?

— Крюдлихъ, я... Твой Лаубе будетъ тянуть Богъ знаетъ сколько времени, до тѣхъ поръ, пока его не накроютъ здѣсь, и все уйдетъ изъ нашихъ рукъ. И ты, и я будемъ нищими. Я поэтому и говорю, что открылъ военныя дѣйствія. Видишь ли, надо заставить его поторопиться, и для этого единственное сред-

ство—черная точка на горизонтѣ. Вотъ такую-то я и показалъ сегодня Лаубе. Онъ вѣрно не читалъ еще «Столичную Муху»? Не ѣздилъ въ контору?

— Нѣтъ. У него были какія-то засѣданія. Онъ и не обѣдалъ дома, прямо въ театръ пріѣхалъ. Что же тамъ, въ «Столичной Мухѣ»!

— А вотъ сейчасъ ты узнаешь.

И Мякининъ, воспользовавшись тѣмъ, что хозяйка освободила Лаубе отъ своихъ любезностей и онъ остался, такъ сказать, вакантенъ, подошелъ къ нему.

— Я тебя давно не видѣлъ! Что это ты такъ сегодня... Непріятность у тебя случилась, что-ли?—спросилъ у него Лаубе.

— Нѣтъ, у меня ничего. Такъ, я разстроенъ... больше за другихъ. Когда не цѣнятъ истинныхъ заслугъ и какая-нибудь сволочь...

— Что такое? Какая сволочь, какія заслуги?

— Если ты *еще* не знаешь—не спрашивай... Это будетъ для тебя покойнѣе. Мой совѣтъ—не обращать вниманія.

Лаубе разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза на Антоніо Микини, а тотъ въ это время сдѣлалъ негодующее лицо и отошелъ прочь. Кстати къ нему уже подходило нѣсколько человѣкъ съ просьбой спѣть что-нибудь. Обыкновенно очень долго ломавшійся и заставлявшій себя упрашивать, Антошка на сей разъ только обра-

довался, взмахнулъ волосами, принялъ небрежную позу и спросилъ только, кто будетъ ему аккомпанировать. Вызвался какой-то юный гимназистъ, краснѣвшій и конфузившійся. Мадамъ Хлюстъ принесла ему ноты «Фаворитки». Надо отдать справедливость Микини. Распустившійся, безнравственный, не разбиравшій средствъ, онъ былъ тѣмъ не менѣе одаренъ истиннымъ талантомъ. И теперь, оглядѣвъ сладкими глазами присутствовавшихъ дамъ, онъ такъ запѣлъ, что всѣ заслушались. Голосъ его на верхнихъ нотахъ таялъ въ какой-то безконечной высотѣ; mezzo-voce, бархатистое, нѣжное, ласкалось къ сердцу, просилось въ душу слушателя. Онъ даже увлекался, и вообразивъ Леокадію Фавориткою, такъ кинулъ ей «bella del re!» — что она вздрогнула и покраснѣла. Этимъ моментомъ воспользовался Лаубе и подошелъ къ ней.

— Ты не знаешь, что это сегодня съ Антошкой?.. Онъ мнѣ намекалъ на что-то... Я ничего не сообразилъ.

— И мнѣ тоже... говорилъ что-то про газеты и про тебя.

— Про меня?—И Лаубе почувствовалъ, что его точно обдало жаромъ.—Что же можетъ быть про меня?—Подъ вліяніемъ вѣчныхъ удачъ заснувшее-было чувство страха воскресло въ его душѣ. Ему сдѣлалось ужасно жутко, такъ

жутко, что онъ всталъ и прошелся по комнатѣ, несмотря на то, что Микини еще пѣлъ. О чемъ могли писать въ газетахъ? Онъ подошелъ къ Хлюсту и тихо спросилъ его:

— Вы читали сегодня газету?—Тотъ кивнулъ ему головою утвердительно.—Что тамъ новаго?—Но Хлюстъ интересовался газетами съ своей спеціальной точки зрѣнія. Онъ сдѣлалъ ужасно довольное лицо и серьезно отвѣтилъ:

— Какже... Прекрасная статья... Хвалятъ мою жену, отдаютъ ей справедливость...

— Ахъ, я не о томъ!—разсердился Лаубе и отошелъ. На столѣ лежали номера «Новостей» и «Новаго Времени». Онъ развернулъ ихъ и жадно сталъ пробѣгать длинные столбцы. Здѣсь ничего не было. Волненіе его тѣмъ не менѣе росло. Неужели уже начинается? Неужели опасность уже на носу? Неужели онъ прозѣвалъ время, когда ему «слѣдовало остановиться»? И Лаубе опять подошелъ къ Леокадіи.

— Про какую газету тебѣ говорилъ онъ?

— Не знаю... Да вотъ онъ кончаетъ сейчасъ, спроси у него.

Раздались шумныя рукоплесканія... Микини съ достоинствомъ раскланивался направо и налѣво, поправляя галстухъ и щупая горло, точно интересуясь — на мѣстѣ оно или нѣтъ. Его

просили пѣть еще и онъ бы спѣлъ, но въ эту минуту, не замѣчая неловкости того, что онъ дѣлаетъ, подошелъ къ нему озабоченный Альбертъ Вильгельмовичъ и, взявъ его подъ руку, отвелъ въ сторону. Общество притихло, точно чувствуя, что нѣчто весьма серьезное совершается въ эту минуту. Лаубе сообразилъ это и вдругъ оглянулся.

— Извините, я сейчасъ верну вамъ его. Мнѣ на минуту. Одна справка — я боюсь забыть.

— Вотъ что, мой другъ, ты намекнулъ мнѣ на что-то... и моей женѣ тоже... Какія газеты?.. Гдѣ обо мнѣ есть?..

Но тутъ Антоніо, въ благородномъ порывѣ, схватилъ его за руку и сильно потрясъ ее.

— Не спрашивай... Слышишь, не спрашивай, я даже не хочу позорить своего языка этою гнусностью. Повѣрь, я всегда къ тебѣ...

Но Лаубе нетерпѣливо прервалъ его: — Я знаю, что ты мнѣ преданъ, но люди моей профессіи должны прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія и очень прислушиваться. Понимаешь, потому ты сейчасъ же здѣсь долженъ мнѣ сказать въ чемъ дѣло, что случилось... Гдѣ и что напечатано про меня?

— Въ какихъ отношеніяхъ ты съ Клюквеннымъ?..

— Ни въ какихъ... Я прежде ему покровительствовалъ, ну, и онъ былъ мнѣ полезенъ. А потомъ—у него ужъ очень аппетитъ великъ —я давалъ, давалъ ему деньги, наконецъ, мнѣ это страшно наскучило, и я отказалъ.

— Ну, вотъ онъ тебѣ и отомстилъ... Но повѣрь, что мы всѣ, знающіе тебя...

— Наплевать мнѣ на васъ всѣхъ! — вырвалось у Лаубе, раздраженіе котораго росло и захватывало всего его.—Объясни ты мнѣ толкомъ.

— Видишь, сегодня въ «Столичной мухѣ» появился анонсъ... Этому нечего придавать значенія. Я тебѣ его подробно перескажу: «редакція объявляетъ, что съ слѣдующихъ номеровъ у нея начнутся печататься біографіи выдающихся коммерческихъ дѣятелей и, главнымъ образомъ, банкировъ»... Это бы ничего. Она ссылается, что свѣдѣнія о нихъ доставлены ей извѣстнымъ всему петербургскому міру С. К., разумѣется, Сержемъ Клюквеннымъ. Дальше сообщается: «много интересныхъ фактовъ находятся въ распоряженіи нашего «общаго друга»... Какъ вамъ, напримѣръ, понравится разоблаченіе дѣйствій извѣстной «вылупившейся изъ яйца» конторы, хозяинъ которой все до сихъ поръ не можетъ получить своего американскаго наслѣдства, но зато проглотилъ уже много русскихъ денегъ и глотаетъ далѣе,

очевидно, обладая крѣпкимъ пищевареніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ морѣ ужасно везетъ нѣкоторымъ акуламъ. Изъ простыхъ конторщиковъ здѣсь легко дѣлаются распорядителями чужихъ милліоновъ. Думаемъ, что мы окажемъ услугу обществу и предупредимъ много несчастій и разореній, если разскажемъ здѣсь біографіи этихъ господъ... Разумѣется, nomina sunt odiosa—и мы не назовемъ ихъ, но всякій угадаетъ, кого ему надо»...

— Почему же ты воображаешь, что это обо мнѣ? Почему?—запальчиво набросился на Микини Лаубе.

— Во-первыхъ, американское наслѣдство; во-вторыхъ, «изъ простыхъ конторщиковъ»...

— Да... да... это важно, очень важно...

Мякининъ понялъ психологическій моментъ и немедленно продолжалъ:

— И ты понимаешь (я вѣдь въ этомъ дѣлѣ ни уха, ни рыла не смыслю, но все-таки), прочтутъ твои вкладчики, а вкладчики народъ ужасно нервный... У нихъ всегда легкая истерія, коль скоро обстоятельства касаются ихъ денегъ. Ну, разумѣется, подумаютъ: не лучше ли временно вынуть свои капиталы? Окажется пустяками — вернемъ, а временно возьмемъ и попридержимъ у себя... Вѣдь ты знаешь, что и Эдуардъ Поппе кончилъ такимъ образомъ.

Имя Эдуарда Поппе заставило поблѣднѣть и еще болѣе встревожиться Лаубе.

— Да... да... дѣйствительно...—бормоталъ онъ, соображая что-то про себя.—Да, да... дѣйствительно. Ты правъ.

— Ну, вотъ. Еще въ этомъ анонсѣ редакція заявляетъ: «кстати мы разскажемъ и о прежде бывшихъ банкирахъ; между прочимъ, С. К. намъ сообщаетъ въ высшей степени возмутительныя подробности, какъ былъ погубленъ одинъ изъ немногихъ честныхъ банковъ, именно, мы вспоминаемъ почтенную фирму Эдуарда Поппе».

Лаубе точно варомъ обдало, онъ вскочилъ. — Да вѣдь Сержъ Клюквенный самъ,— началъ-было онъ поспѣшно.—Да... это серьезно, очень серьезно... Нашъ кредитъ вообще... То-есть, мнѣ все равно... Я не поколеблюсь ни мало... Хоть сейчасъ всѣ пайщики бери свои вклады, — хвастливо замѣтилъ онъ, — но все же непріятно... Все же непріятно!.. Мало-ли, что случается! Я завтра же съѣзжу къ Сержу.

— Избави тебя Господи! Ты не знаешь, что такое Клюквеный. Онъ, знаешь, разыграетъ роль честнаго человѣка... и устроитъ тебѣ такой бенефисъ... На другой же день въ «Столичной Мухѣ» явится замѣтка о томъ, какъ ты пріѣзжалъ къ нему...

— Но что же мнѣ дѣлать?—онѣмѣлъ Лаубе совсѣмъ.

— Поручи это дѣло мнѣ. Послѣ этой статьи мнѣ противно видѣть его, но чтобы оказать тебѣ услугу—я на все, на все готовъ.

Лаубе горячо пожалъ ему руку. — Ты настоящій другъ, повѣрь, я не забуду этого... Ну, теперь иди—тебя ждутъ.

И Микини, едва одолѣвая радостное волненіе, отправился къ роялю и былъ въ этотъ вечеръ удивительно обязателенъ и любезенъ. Пѣлъ, не ожидая просьбы, самъ себѣ аккомпанировалъ, вызвалъ къ роялю Леокадію и, рекомендуя ее, какъ свою ученицу, заставилъ ее исполнить Рубинштейновское «Ночь тепла, ночь свѣтла—не могу я заснуть»... Потомъ она же спѣла что-то изъ Шумана — и Эмма Карловна какъ будто въ неудержимомъ порывѣ бросилась къ ней и расцѣловала ее. «Вотъ, душенька, еслибы вы были на сценѣ — вы бы всѣхъ насъ зарѣзали. Хорошо, что вы не выступаете»... Немного успокоившійся Лаубе рѣшилъ, что за это надо Гавлонской поднести непремѣнно серебряный вѣнокъ. Потомъ пѣла сама Хлюстъ, давясь и выжимая изъ своего старческаго горла невозможныя ноты, но при этомъ столь самоувѣренно глядя на гостей, что они таяли отъ умиленія. Она закончила по своему:

— Знаете, я уже старуха вѣдь!..

— Какая же вы старуха! — запротестовала молодежь. И Эмма Карловна отвѣтила стереотипной фразой:

— Знаете, когда переваливаетъ уже за двадцать восемь лѣтъ... Для женщинъ, для насъ, бѣдныхъ женщинъ, это роковой возрастъ.

Прощаясь съ Микини, Лаубе долго жалъ ему руку и давалъ инструкціи, что дѣлать съ Сержемъ Клюквеннымъ:—Ты ему скажи, что я не прочь помогать ему, но зачѣмъ же такое свинство? Мы съ нимъ были хорошіе друзья, и вдругъ подобная подлость! Ну, если ему нужны были деньги, развѣ онъ не знаетъ, что стоило ему только... Положимъ, я ему отказалъ два раза. Ну, онъ попросилъ бы понастойчивѣе въ третій, и я бы ему далъ, непремѣнно далъ. Ты меня понимаешь. Вообще, я предоставляю тебѣ дѣйствовать... Самое лучшее, еслибы теперь въ газетѣ появилась дѣйствительно моя біографія, но по свѣдѣніямъ, которыя я сообщу. Я готовъ на пожертвованія. Мой взглядъ таковъ: мы съ печатью должны идти рука объ руку... Въ купэ и въ любви, какъ, кажется, говоритъ наша прекрасная, россійская народная мудрость? Да? Въ купэ и въ любви, а то что̀ хорошаго, если мы станемъ вредить другъ другу—никому отъ этого профиту не будетъ. Ты меня понялъ?

Антоніо давно понялъ и думалъ про себя: «погоди, я тебѣ устрою удовольствіе. Ты у меня запляшешь — я тебя заставлю показать свои рожки». И въ то же время, точно въ неудержимомъ порывѣ, онъ обнялъ, прижалъ Лаубе къ своему сердцу и поцѣловалъ его.

Лаубе, успокоившійся-было, пріѣхавъ домой, легъ въ постель и сталъ думать, и вдругъ дѣло показалось ему ужасно скверным. Въ самомъ дѣлѣ, всѣмъ ртовъ не зажмешь. Сегодня купишь Сержа Клюквеннаго, ну, а завтра явятся десять такихъ Сержей. Что тогда? Не пора ли остановиться... Вѣдь въ самомъ дѣлѣ— это будетъ ужасно, если вдругъ... Навѣрное завтра нѣсколько вкладчиковъ потребуютъ свои деньги назадъ. Контора можетъ взлетѣть на воздухъ въ нѣсколько дней. Ну его къ чорту, третій милліонъ... Еще, пожалуй, съ нимъ не успѣешь ничего сдѣлать и очутишься на скамьѣ подсудимыхъ.

— Не правда ли, какая скверная осень теперь?—обратился онъ къ Леокадіи.

— Да, ужасная. Холодно, сыро...

— А въ Италіи теперь прекрасно... Что, еслибы мы съѣздили туда... Въ Неаполь...

— Я была бы очень счастлива.. И еще больше за это любила бы своего Альберта.

XVI.

Черезъ нѣсколько дней, по-пути къ Сержу Клюквенному, Антошка наткнулся на благополучнаго генерала Ахвердова, гулявшаго послѣ завтрака.

Генералъ Ахвердовъ, мечтавшій о сиротѣ, которая ему будетъ благодарна, очень заботился о своей фигурѣ, мѣшая своему уже намѣчивавшемуся животу расползаться во всѣ стороны. Поэтому послѣ «принятія пищи», какъ онъ выражался, онъ ходилъ до мученичества, до того, что на него жалко было смотрѣть постороннимъ. Замѣтивъ издали Мякинина, онъ ужасно ему обрадовался. Во-первыхъ, это другъ «нашего высокочтимаго, достоуважаемаго Лаубе, который ему платитъ семь процентовъ на его капиталъ». Во-вторыхъ, это артистъ и всѣ консерваторки ему знакомы, значитъ онъ можетъ помочь генералу найти музыкальную бѣдную сироту, которая ему будетъ благодарна. Въ-третьихъ, вдвоемъ прогуливать свой животъ гораздо лучше, чѣмъ одному. Всѣ эти обстоятельства были достаточны, чтобы Ахвердовъ заторопился, и нагнавъ Мякинина, взялъ его подъ руку.

— Ну, что, будущій Мазини?.. Какъ вы

себя носите?.. Давно ли вы видѣли нашего глубокоуважаемаго финансоваго генія?

Мякининъ вдругъ, точно обожженный, оглянулся. Ему пришла въ голову неожиданно довольно заманчивая комбинація, которая быстро приблизила бы чаемую имъ развязку.

— Финансовый геній... Я его утѣшалъ сегодня. Бѣдный ужасно обиженъ... такъ обиженъ и разстроенъ. Намъ, его друзьямъ, это, разумѣется, больно. Вы вѣдь знаете, генералъ, какъ я люблю Альберта Вильгельмовича!

— И супругу его, Леокадію Леонтьевну,— прищурилъ генералъ глазъ и ущипнулъ Мякинина.—Шельмы вы, эдакіе—тенора! Счастливчики... право, счастливчики. Я бы сейчасъ отдалъ свой чинъ, чтобы у меня такой теноръ былъ...

Мякининъ самодовольно улыбнулся:

— Да, знаете, въ этомъ отношеніи я не могу пожаловаться на судьбу. Она меня, знаете, очень балуетъ... Жаль только бѣднаго Лаубе...

— Да что съ нимъ случилось? — довольно безразлично спросилъ генералъ, все думавшій о сиротѣ, которая ему была бы благодарна.

— Развѣ вы вчера не читали статью въ «Столичной Мухѣ»? Нѣтъ?..

— Ахвердовъ почему-то поблѣднѣлъ и еще крѣпче схватился за Мякинина, какъ за якорь спасенія; онъ заглянулъ въ глаза артисту, но

прочелъ въ нихъ грусть и еще больше всполошился.

— Что, что такое?.. Вы знаете, милочка, какъ я васъ люблю. Я еще вчера въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ говорилъ о васъ генералу Свербигубову... Вообще я всегда, гдѣ могу, рекламирую васъ... Такъ что, что случилось?

— Да эта подлая «Столичная Муха», на основаніи какихъ-то, видите ли, извѣстныхъ ей фактовъ, подвергаетъ сомнѣнію финансовую дѣятельность нашего общаго друга, Альберта Вильгельмовича. Говоритъ о возможности для вкладчиковъ...—И онъ остановился.

— Ну, ну... пожалуйста, что для вкладчиковъ? Для вкладчиковъ-то что?

— Потери ихъ денегъ...

Еслибы громъ ударилъ передъ самымъ носомъ Ахвердова, онъ былъ бы менѣе пораженъ. Онъ остановился, придержалъ Мякинина за локоть, раскланялся проходившему мимо знакомому и совсѣмъ глупо спросилъ его: «вы развѣ здѣсь?» Потомъ оторопѣло потоптался на мѣстѣ и, конфиденціально наклонившись къ Антошкѣ, шепотомъ спросилъ: «а американское наслѣдство?...»

— И про это тоже... «Столичная Муха» подвергаетъ сомнѣнію существованіе американскаго наслѣдства.

Генералъ почувствовалъ, что земля закачалась подъ нимъ. Онъ повисъ на рукѣ своего собесѣдника и, смущенно моргая, смотрѣлъ ему въ глаза. Мякининъ все попрежнему изображалъ удрученность и сочувствіе къ горю своего друга.

— Такъ вотъ какъ, значитъ, такъ вотъ какъ... Ну, а этотъ Лаубе не станетъ преслѣдовать газету за...

— Да вѣдь какъ это сдѣлаешь?.. За диффамацію преслѣдовать неловко. Какой же человѣкъ, претендующій на честность, преслѣдуетъ за диффамацію... А за клевету — это вѣдь бабушка на-двое сказала. А вдругъ редакція докажетъ... То-есть,—какъ будто спохватился Мякининъ,—редакція ничего, ничего не докажетъ... Ей Богу ничего!.. Ну что ей доказать!?.. Но все-таки непріятно... Они будутъ защищаться, наговорятъ разныхъ разностей... Вы знаете газетчиковъ, развѣ имъ ротъ зажмешь. Особенно, если у нихъ почва подъ ногами...

— Да, да... это правда... правда... Ничего, ничего не докажетъ... А вдругъ... Именно, а вдругъ...

И «вдругъ»,—на сей разъ дѣйствительно вдругъ—Ахвердовъ выпустилъ руку Мякинина и, забывъ даже проститься съ нимъ, побѣжалъ мелкою рысцою куда-то. Антошка улыбнулся.

«Интересно бы прослѣдить, неужели прямо въ контору къ Лаубе!» Онъ обернулся и пошелъ за его превосходительствомъ. Генералъ, дѣйствительно, сначала забѣжалъ въ Казанскій соборъ—что онъ дѣлалъ во всѣхъ серьезныхъ случаяхъ жизни—тамъ помолился. Тщательно размѣнялъ у «свѣчей» двугривенный на копейки и съ мыслью: «видишь Господи—я дѣлюсь съ неимущими, пошли-жъ и ты мнѣ!..»—великодушно роздалъ нищимъ. Потомъ вышелъ на паперть и ужъ рѣшительно направился по направленію конторы Лаубе.

Лаубе сегодня пріѣхалъ въ контору блѣдный и нервный. Онъ не смыкалъ глазъ ночью. А тутъ еще и Крюдлихъ ждалъ его съ непріятностями. Оказывается, три лица, покупавшія въ разсрочку билеты внутренняго займа, заплатили все, что съ нихъ слѣдовало, и требовали своихъ билетовъ. Контора имъ предложила другіе нумера, но тѣ заартачились. Въ дѣйствительности — тремъ имъ былъ проданъ одинъ и тотъ же билетъ и всѣ трое разсчитывали выиграть именно на его нумеръ и серію. Въ отвѣтъ на предложеніе конторы, они пригрозили: одинъ—«слѣдователемъ», другой,—что то же самое,—«прокурорскимъ надзоромъ», а третій—газетами.

— Что же дѣлать?—добивался Крюдлихъ у Лаубе.

Тотъ схватился за голову.

— Погодите, дайте мнѣ сегодня покой... Завтра я скажу вамъ...

Въ эту самую минуту въ контору быстро вошелъ Ахвердовъ. Онъ былъ до того нервенъ и возбужденъ, что не замѣтилъ нѣкоторой растерянности Лаубе, крѣпко пожалъ ему руку, просвисталъ что-то и потомъ вдругъ, нерѣшительно улыбаясь, заговорилъ:

— Альбертъ Вильгельмовичъ, я задумалъ одно дѣло, для котораго мнѣ надо всѣ мои капиталы... всѣ-съ...

«Вотъ оно—газета, вотъ оно... Неужели я упустилъ моментъ во-время остановиться? Неужели упустилъ?» — какъ вихрь кружилось въ головѣ у Лаубе.

— Такъ вотъ-съ,—продолжалъ генералъ.— Въ виду этого самаго... Прошу васъ приготовить къ завтрашнему дню...

— Хотите сейчасъ? — и геніальная мысль озарила Лаубе. — Хотите сейчасъ? — И онъ представился обрадованнымъ. — Крюдлихъ! — крикнулъ онъ въ другую комнату.

Генералъ схватилъ Лаубе за руку.

— Позвольте, позвольте, дорогой другъ мой. Вы точно хотите сплавить меня... Я, ей Богу-съ, для выгоднаго очень выгоднаго предпріятія. Иначе я бы и не подумалъ...

— Вы не повѣрите, — ласково заговорилъ

съ нимъ Лаубе,—какъ это кстати. Вы знаете, начиная свое дѣло, я давалъ большіе проценты, и теперь, когда оно упрочилось, я не могъ отказать старымъ кліентамъ... въ томъ же... Но всякій разъ, когда у меня берутъ свои вклады, я ужасно радуюсь. Потомъ приносятъ, но уже на новыхъ условіяхъ — больше четырехъ съ половиною процентовъ —ни копейки. А вашихъ у меня до четырехсотъ тысячъ... Я радъ, ужасно радъ... Крюдлихъ, а Крюдлихъ!.. Я сейчасъ же распоряжусь вамъ выдать...

— Позвольте, позвольте, вы не торопитесь, г. Лаубе. Позвольте, мнѣ не сейчасъ и не сразу...

— Все равно, пусть онъ приготовитъ, чтобы на нихъ уже не шли проценты по старому разсчету.

— Да нѣтъ, позвольте... Вѣдь это я на всякій случай, если деньги мнѣ понадобятся,— завопилъ Ахвердовъ. — Я думалъ, что надо предупредить, нельзя же въ самомъ дѣлѣ этакую махину, какъ почти полмилліона, взять да выложить сейчасъ; это же вѣдь никакой банкъ не сдѣлаетъ.

— Кромѣ моего! — съ гордостью ударилъ себя въ грудь Лаубе.—Кромѣ моего, Николай Павловичъ. Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ вамъ вернуть. Ей Богу. Вы знаете, меня стѣсняетъ даже обиліе денегъ. Я и со своими не знаю, что дѣлать.

— Нѣтъ, ужъ позвольте вамъ не позволить! — ласково замурлыкалъ Ахвердовъ. — Я, знаете, можетъ быть еще и отъ дѣла этого откажусь. Ну его... рисковано. Тутъ получаешь себѣ проценты и Господа Бога своего славишь, а тамъ еще неизвѣстно какъ обернется. Вдругъ лопнетъ. Но, знаете, я еще подумаю, я еще подумаю... подумаю. И онъ спиною къ двери ретировался, посылая Лаубе воздушные поцѣлуи.

Когда генералъ вышелъ, Лаубе расхохотался; такъ расхохотался, что даже упалъ головою на столъ. И смѣхъ этотъ былъ нервическій. Онъ не могъ совладать съ собою. Но потомъ какъ пришло, такъ и ушло. Онъ сразу сталъ серьезенъ и задумался.

Да, Лаубе... нечего больше жадничать. Пора «остановиться». Пора и пора.

Онъ еще нѣсколько времени думалъ, опустивъ голову на руки. Какъ онъ ни раскидывалъ—иного выхода ему не оставалось. Сегодня Ахвердовъ не взялъ денегъ, благодаря уловкѣ Лаубе. Ну, а завтра — вѣдь пожалуй это не подѣйствуетъ. А послѣ завтра прибѣгутъ другіе. Нѣтъ, пора, пора. Дядя Августъ правъ: слѣдуетъ остановиться.

Вообще это былъ тяжелый день для Лаубе. Проводивъ Ахвердова и давъ волю смѣху, давившему его, Альбертъ Вильгельмовичъ при-

шелъ въ мрачное настроеніе. Не то, чтобы его пугала ожидавшая его теперь перспектива бѣгства и вообще «перемѣны жизни», какъ выражаются гадалки,—нѣтъ. Но ему такъ хорошо жилось въ Петербургѣ, онъ привыкъ къ этому почету, къ льстивому шепоту, подымавшемуся всюду, куда онъ только ни являлся, къ заискиванію всѣхъ его окружавшихъ. Послѣ Ахвердова набѣжали нѣсколько мелкихъ вкладчиковъ и взяли свои деньги назадъ; это только увеличило черныя тучи на горизонтѣ Лаубе. Лаубе еще подумалъ съ минуту и, наконецъ, рѣшился. Онъ позвалъ Крюдлиха.

— Мой любезный г. Крюдлихъ! — сладко началъ онъ, пожимая руки старику. — О, мой любезный г. Крюдлихъ, вы знаете, какъ я вамъ вѣрю, какъ самому себѣ. Да, какъ самому себѣ!..

Крюдлихъ молча поклонился. Это «какъ самому себѣ» вовсе не польстило ему, напротивъ, заставило его только нахмурить сѣдыя брови.

— Я вамъ сейчасъ докажу это... Видите ли...—И Лаубе притворился размышляющимъ.— Затворите плотнѣе двери, чтобы никто не разслышалъ... Вотъ такъ. Я вамъ сообщу величайшій секретъ. Въ Берлинѣ, да, въ Берлинѣ готовится большая финансовая операція съ русскимъ займомъ. Вы меня понимаете?..

И я отъ Блейхредера получилъ приглашеніе участвовать въ ней... отъ самого Блейхредера!..—Лаубе поднялъ палецъ вверхъ и гордо взглянулъ на Крюдлиха. — Разумѣется, я къ нему поѣду.

Крюдлихъ вздрогнулъ и опустилъ глаза, чтобы Лаубе не замѣтилъ, какимъ недобрымъ огонькомъ загорѣлись они въ эту минуту.

— Вы хотите ѣхать за границу?—чуть слышно прошепталъ Крюдлихъ...—Вы хотите ѣхать?..

А сердце у него учащенно забилось. Неужели уже близокъ день, когда онъ отдастъ этого Лаубе Эдуарду Поппе?.. Неужели этотъ день такъ неожиданно выросъ передъ нимъ?..

— Да, мнѣ надо будетъ,—еще тише заговорилъ Лаубе, точно онъ боялся стѣнъ.—Да, мнѣ надо будетъ. И надо будетъ всѣ свои деньги бросить въ этотъ оборотъ, всѣ!.. Операція обѣщаетъ пятнадцать на сто. Пятнадцать на сто!.. Вы тоже послѣ нея получите свою долю, Крюдлихъ. Я хочу успокоить вашу старость...

«Я хочу успокоить вашу старость» — эту самую фразу сказалъ онъ Эдуарду Поппе,— пронеслось въ головѣ у Крюдлиха.

— Чѣмъ я могу быть вамъ полезнымъ въ этомъ отношеніи?—спросилъ онъ у Лаубе.

— Видите. Я въ мое отсутствіе оставляю

банкирскій домъ вамъ, въ ваше полное распоряженіе. Вы будете хозяиномъ...

— Я не могу принять этого!—рѣшительно отвѣтилъ Крюдлихъ.—Я никакъ не могу принять вашего лестнаго предложенія.

— Почему же... Я на это время удвою ваше содержаніе, даже утрою его.

— Вы не понимаете меня, г. Лаубе. Вы рѣшительно меня не понимаете... Я старъ, я не могу управиться съ такимъ дѣломъ. Я, напротивъ, хотѣлъ просить васъ дать мнѣ двухнедѣльный отпускъ. Мнѣ надо отдохнуть. У меня болитъ грудь, и я становлюсь слабъ. Гдѣ мнѣ тутъ еще управлять конторою! Я совсѣмъ, совсѣмъ не могу принять на себя этого...

И Крюдлихъ раздумчиво взялся за бороду. Лаубе взволнованно всталъ и прошелся по комнатѣ. Онъ еще не подозрѣвалъ ничего... Ему теперь было очень трудно рѣшить, кого бы здѣсь оставить за себя. Замѣтивъ его недоумѣніе, Крюдлихъ подтвердилъ еще разъ:

— Еслибы я остался, я бы злоупотребилъ вашимъ довѣріемъ.

Лаубе молчалъ. Оставить все какъ есть и уѣхать... Но это вызвало бы скандалъ, и онъ, пожалуй, не добрался бы даже до границы. Мало ли, что могло случиться. Оставить Кенига — Кенигъ молодъ и на первыхъ порахъ растеряется, и дѣло взлетитъ на воздухъ рань-

ше, чѣмъ это нужно было сдѣлать по разсчетамъ Лаубе... Другихъ никого не было. А тутъ еще Крюдлихъ просится въ двухнедѣльный отпускъ.

— Я бы вамъ далъ отпускъ еще болѣе долгій, любезный г. Крюдлихъ, но послѣ моего возвращенія! — попытался онъ убѣдить старика.

— Докторъ мнѣ сказалъ опредѣленно, что если я промедлю три дня—я слягу и не поднимусь больше...

«Да... значитъ надо мириться съ Кенигомъ... Что дѣлать! Этотъ молодой оселъ нѣсколько дней, быть можетъ, продержится». И Лаубе приказалъ позвать его; Крюдлиха онъ отпустилъ. Кенигъ вошелъ въ кабинетъ съ чувствомъ нескрываемаго благоговѣнія. Онъ чуть не молился на хозяина. Лаубе встрѣтилъ его ласково, подалъ руку и просилъ садиться. Увы! время, когда они были товарищами, давно миновало... давно! Теперь онъ уже не смѣлъ шутить съ хозяиномъ, быть развязнымъ въ его присутствіи. Это еще первый разъ, что тотъ позволилъ ему сѣсть. Молодой оселъ даже вспотѣлъ отъ удовольствія.

— Кенигъ, я, вы знаете, цѣню ваши дарованія и практическую ловкость!.. — началъ издали Лаубе.

Кенигъ даже поперхнулся отъ восторга.

Онъ совершенно по-собачьи взглянулъ въ глаза патрону и насторожился, боясь пропустить хоть одно его слово...

— Вы знаете, какъ я цѣню васъ... Ну, такъ вотъ. Я долженъ сообщить вамъ одинъ великій секретъ. Въ Берлинѣ...—и онъ повторилъ ложь, разсказанную только-что Крюдлиху. — Вы понимаете, я, какъ банкиръ, не могу упустить подобнаго случая. Крюдлихъ, между нами сказать, слишкомъ старъ и слишкомъ глупъ, чтобы я могъ ему довѣриться. Эта лошадь хромаетъ на всѣ четыре ноги и совсѣмъ сбила свои копыта. Если я держу его, то изъ состраданія, только изъ состраданія! Не будь его, вы были бы давно главнымъ; но, что дѣлать, надо вѣдь пожалѣть старика... Не правъ ли я?

— О, да!.. Онъ все-таки очень усерденъ!— гордо похвалилъ его Кенигъ, весь тая отъ упоенія.

— Ему, за своимъ отсутствіемъ, вы понимаете, я не могу же поручить контору и всю операцію здѣсь. И поэтому я назначаю васъ, слышите, васъ! Вы будете отнынѣ первый послѣ меня. Первый! — И Лаубе положилъ ему руки на плечи. — И притомъ, вы человѣкъ столь умный и столь опытный, что вамъ я и говорить не стану о необходимости держать мой отъѣздъ въ тайнѣ... въ величайшей тайнѣ.

Никто изъ вашихъ товарищей не долженъ знать этого. Я просто дома и боленъ... пока не пришлю вамъ телеграммы о томъ, что операція удалась и въ секретѣ держать ее уже незачѣмъ. Я даже вотъ что сдѣлалъ, чтобы Крюдлихъ не мѣшалъ вамъ, чтобы вы были здѣсь самостоятельнѣе,—я далъ ему двухнедѣльный отпускъ... Я, разумѣется, сообщу вамъ точныя инструкціи, какъ дѣйствовать. Вы понимаете, есть въ этомъ отношеніи тонкости, которыя съ вашимъ умомъ вы сами сообразите, легко сообразите!..

И Лаубе такъ очаровалъ Кенига, что тотъ дѣйствительно вообразилъ себя необыкновенно умнымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ вышелъ изъ кабинета своего патрона какъ Моисей съ Сѵная. Отъ него такъ и вѣяло величіемъ и благоволеніемъ. Онъ сейчасъ же поднялъ на два тона голосъ, распекъ за что-то сторожа и, обратившись къ Крюдлиху, замѣтилъ ему снисходительно съ высоты величія:

— Вамъ, мой старый Крюдлихъ, даютъ двухнедѣльный отпускъ!..—И при этомъ, вспомнивъ Лаубе, также покровительственно положилъ ему руки на плечи.

Его «старый Крюдлихъ» поднялъ на него глаза и проговорилъ:

— Да, я уже зналъ объ этомъ, молодой оселъ, «мой» молодой оселъ!..

Кенигъ поморщился и отошелъ. Теперь ему казалось несовмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ допускать такія неприличныя шутки!..

— Я, знаете, не особенно цѣню фамильярность, — замѣтилъ онъ уже со своего мѣста Крюдлиху, но тотъ даже и не слышалъ.

Лаубе, сдѣлавъ это, точно переродился. Колебаній и «горечи разлуки» со всѣмъ, къ чему уже онъ привыкъ, какъ не бывало. Напротивъ, онъ почувствовалъ приливъ силъ и энергіи. «Ты будешь доволенъ мною, дядя Августъ», проговорилъ онъ, «я во время останавливаюсь, какъ разъ во-время»... Казалось, теперь онъ весь заряженъ самою неутомимою предпріимчивостью. Онъ занялся дѣломъ: выдвигалъ ящики за ящиками, переворачивая въ нихъ всѣ бумаги, рвалъ тѣ, которыя слѣдовало уничтожать; писалъ наскоро какія-то письма, требовалъ то того, то другого конторщика... Весь въ поту и пыли, онъ потерялъ все свое благообразіе, но ему было не до этого. Сегодня надо было здѣсь покончить, чтобы на другой день чувствовать себя свободнымъ... «свободнымъ»! Неужели послѣ-завтра ему не будутъ страшны уже ни Ахвердовъ съ его нервною недовѣрчивостью, ни газеты съ ихъ разоблаченіями, ни Сержъ Клюквенный съ его инсинуаціями, ни то «нѣчто»,

что все время держало его подъ Дамокловымъ мечемъ! Послѣ завтра онъ въ первый разъ заснетъ спокойно... въ первый. Ему уже не будутъ чудиться разные ужасы... Граница останется между нимъ и ими. Прошлое, къ которому онъ-было такъ привязался, будетъ издали чудиться какою-то навсегда отходящею за горизонтъ тучей, громы и молніи которой уже не настигнутъ его... Онъ сбросилъ съ себя сюртукъ. Рѣденькіе волосы на его головѣ сбились. Что-то онъ вспомнилъ; опять позвалъ Кенига.

— Кенигъ! если кто меня захочетъ видѣть—я уже уѣхалъ домой... Слышите! Мнѣ некогда, у меня пропасть дѣла. Велите сторожу затопить здѣсь каминъ...

Когда пламя весело запылало въ немъ, онъ собралъ все, что надо было уничтожить, сѣлъ къ нему, поставилъ ноги на рѣшетку и сталъ кидать бумаги въ пламя. Онѣ весело загорались яркимъ огнемъ, коробились, чернѣли сгорая, и по черному ихъ трупу перебѣгали золотомъ строчки исчезавшихъ буквъ... Точно душа ихъ уходила прочь... Да... да, теперь ничто не страшно, ничто... Теперь свобода, свобода, свобода! Свобода—которой онъ такъ жаждалъ... Почетъ, счастье и безопасность... Сначала граница — потомъ цѣлый океанъ будетъ между ними... Онъ разорветъ всѣ свои

связи съ прошлымъ. Одна только Леокадія... Она подходитъ къ нему вполнѣ. Ее онъ не оставитъ. На ея любовь и преданность онъ можетъ разсчитывать вполнѣ.

Когда все здѣсь было кончено — онъ вымылся, одѣлся... Еще разъ взглянулъ въ ящики!..

Чувство какой-то боли заставило его вздрогнуть—защемило сердце.

— Здѣсь все-таки хорошо было до сихъ поръ! Да, до сихъ поръ... Послѣ-завтра оставаться тутъ было бы опасно.

Крюдлихъ, окончивъ занятія, оставилъ контору ранѣе.

Онъ, не сворачивая къ себѣ, направился въ Конюшенную, гдѣ жилъ Мякининъ. Старикъ сегодня шелъ быстро и бодро. Ему казалось, что молодость возвращается къ нему. Кровь кипѣла въ его жилахъ, глаза блестѣли... Неужели близокъ часъ мести? Неужели все, что онъ задумывалъ столько времени, въ безсонныя ночи, въ скучные вечера, въ дни, которые проводилъ на кладбищѣ, здѣсь уже вотъ, стоитъ передъ нимъ, зоветъ его? И ноги его двигались еще быстрѣе. А послѣ этого, когда задача его жизни будетъ кончена — можно и умереть. Что ему за дѣло до того, что будетъ потомъ? Онъ отдастъ этого подлаго Лаубе Эдуарду Поппе. Онъ броситъ эту падаль подъ ноги своему несчастному другу..

О, еслибы ему можно было довести Альберта Вильгельмовича до такого же конца?.. Но онъ будетъ доволенъ и малымъ. Когда онъ увидитъ своего патрона на скамьѣ подсудимыхъ, ихъ разсчеты окончатся. И Крюдлихъ примирится съ Богомъ и людьми, и Крюдлихъ умретъ спокойно.

— Дома?—спросилъ онъ у выскочившаго на его звонокъ лакея.

Тотъ нерѣшительно взглянулъ на него.— Сейчасъ я посмотрю!..—и исчезъ въ комнатахъ.

— Для моего друга Крюдлиха я всегда дома, всегда, всегда...—И Мякининъ выскочилъ откуда-то, крѣпко пожалъ руки Крюдлиху и усадилъ его въ покойное кресло. Но Крюдлиху, всегда такъ цѣнившему покой, сегодня не сидѣлось. Онъ живо вскочилъ и прошелся по гостиной, задѣвая за мягкую мебель, за рояль и самъ смѣясь своей неловкости. «Что онъ пьянъ, что ли?» подумалъ Мякининъ, и подойдя къ старику, засмѣялся.

— Чего вы смѣетесь? — спросилъ тотъ.— Чему вы смѣетесь?

— Господинъ Крюдлихъ сегодня, вѣроятно, отлично позавтракалъ.

— Ахъ, вы думаете—я пьянъ!—Крюдлихъ не обидѣлся.—Я сегодня, кромѣ своего кофе, не пилъ ничего. Но я пьянъ, дѣйствительно пьянъ. Вы знаете, молодой другъ Эдуарда

Поппе, вы знаете, что часъ приближается. Богъ предаетъ эту скотину,—ткнулъ онъ пальцемъ въ большую фотографію Лаубе,—Богъ предаетъ эту скотину въ наши руки... Да, въ наши руки... Еще нѣсколько дней—и мы уничтожимъ, и ногами разотремъ гадину. Вы были правы, я слишкомъ старъ и остороженъ. Дѣйствительно, надо было дать ему шпору. И на вопросительный взглядъ взволновавшагося Антошки, онъ разсказалъ ему все, что произошло въ конторѣ. Тутъ Мякининъ уже не могъ выдержать и крикнулъ:

— Леокадія! Леокадія! Леокадія! да выходи же — важное дѣло!.. Вы меня простите, я съ вами безъ церемоніи.

Старикъ-было опѣшилъ, но, сообразивъ въ чемъ дѣло, усмѣхнулся. «Такъ ему, подлому Лаубе, и надо, онъ долженъ передъ концомъ своимъ обмануться во всѣхъ привязанностяхъ. Такъ ему и надо, этому подлому, подлому Лаубе».

Леокадія Леонтьевна вышла вся красная и смущенная и, отводя глаза въ сторону, подала руку Крюдлиху; тотъ ее удержалъ въ своей.

— Я брала урокъ сегодня у Антоніо...

— Глупости, — перебилъ ее Мякининъ. — У меня отъ моего друга нѣтъ никакихъ тайнъ. Мы любимъ другъ друга, вотъ и все. Это моя будущая жена.

— Такъ, такъ, — кивалъ головой Крюдлихъ.—Такъ, такъ. Именно такъ и слѣдуетъ. Ничего лучше быть не можетъ.

— Она дастъ намъ знать о каждомъ шагѣ Лаубе за границей. Мы послѣ телеграммы поѣдемъ за нимъ. Вы понимаете... И тѣнь Эдуарда Поппе будетъ удовлетворена.

Крюдлихъ горячо пожалъ ему руку.

— Завтра онъ, вѣрно, возьметъ паспортъ, и послѣзавтра уѣдетъ...

— Тогда я долженъ торопиться туда, — въ волненіи крикнулъ Мякининъ.—Онъ, вѣрно, вернется сегодня ранѣе.

И Леокадія Леонтьевна, простясь съ друзьями, уѣхала.

Они вмѣстѣ вышли. Крюдлиху хотѣлось еще сегодня же, несмотря на туманъ, увидѣть могилу своего бѣднаго друга.

Онъ взялъ извозчика и поѣхалъ на кладбище. Начинался осенній дождь, перемѣшанный со снѣгомъ; снѣгъ таялъ, падая и только увеличивая грязь на улицахъ. На одной изъ нихъ Крюдлиху пришлось ждать,—ее всю заставили экипажами и возами. Онъ изъ себя вышелъ, ему казалось, что онъ никогда не доберется до мѣста. Наконецъ, часа черезъ полтора, весь промокшій, онъ добрался до рѣшетки и почти вбѣжалъ на влажную аллею, ведущую къ большому бѣлому мраморному

кресту. Сегодня весь этотъ крестъ былъ покрытъ влагою. Крупныя капли, точно чьи-то слезы, текли по немъ и падали на могильный холмъ. Крюдлихъ сѣлъ. Остатки цвѣтовъ сиротливо торчали голыми стеблями; деревья тоже давно обезлиствѣли и только, кое-гдѣ, словно старыя тряпки, торчали еще державшіеся листья; отовсюду капало... «Не плачь, не плачь, старый Эдуардъ, не плачь. Скоро мы съ тобою будемъ спокойны! Скоро наше дѣло кончится... скоро... Не плачь!...

Крюдлиху казалось, что на мраморѣ креста струятся не дождевыя капли, а слезы стараго Эдуарда.

— Не плачь, не плачь!... Не пройдетъ двухъ недѣль, какъ я отдамъ его тебѣ...

Вѣтеръ засвисталъ въ голыхъ сучьяхъ; еще гуще попадали капли оттуда. Гдѣ-то послышались шаги: это сторожъ подходилъ къ Крюдлиху.

— Какъ прикажете на зиму съ Попиной могилкой? Крестъ-то въ ящикъ деревянный? Чтобы цѣлъ былъ. Отъ мороза-то... трескается марморъ...

— Да, да... Пришлешь ко мнѣ, я заплачу...

Сегодня ночью Крюдлихъ спалъ безпокойно. Ему все снилось, что онъ упустилъ Лаубе, и тотъ откуда-то, изъ какой-то страшной дали, смѣется надъ нимъ, дѣлаетъ ему

гримасы, показываетъ ему носъ... Отъ этого хохота Крюдлихъ и проснулся. Тусклый день смотрѣлъ ему въ окно. Пора было подыматься. Съ сегодняшняго дня начинался его двухнедѣльный отпускъ. Онъ надѣялся, что больше нога его уже не переступитъ порога конторы Лаубе, въ качествѣ служащаго, разумѣется. Онъ появится тамъ еще разъ, какъ обвинитель, какъ повѣренный загробнаго истца Эдуарда Поппе. Ему теперь ужасно сталъ дорогъ Мякининъ. Старикъ сердечно привязывался къ «умному молодому человѣку», съумѣвшему такъ просто рѣшить задачу Крюдлиха. Безъ него Крюдлиху пришлось бы долго ждать еще, такъ долго, что, пожалуй, онъ бы и не дождался. Пришла бы смерть, постучала бы ему въ грудь своими костлявыми пальцами и сказала бы: пора!.. И онъ улегся бы на своей постели, не покончивъ счетовъ здѣсь и оставивъ подлаго Лаубе пользоваться неправеднымъ стяжаніемъ и торжествовать свою гнусную побѣду надъ всѣми — между прочимъ и надъ его Эдуардомъ Поппе.

Онъ вскочилъ съ постели и одѣлся. Ему нужно было что-нибудь дѣлать сейчасъ, сію минуту. Что-нибудь. Бездѣйствіе изводило его. Онъ вышелъ и безсознательно направился къ дому, гдѣ жилъ Лаубе. Вотъ онъ его подъѣздъ видитъ издали. Но... Что это? выходитъ

самъ Альбертъ Вильгельмовичъ. Кучеръ подаетъ ему лошадь. Альбертъ Вильгельмовичъ такъ озабоченъ, что не замѣчаетъ даже Крюдлиха, хотя тотъ еще по старой привычкѣ почтительно снимаетъ передъ нимъ шляпу. Лаубе торопится куда-то. Крюдлихъ беретъ хорошаго извозчика и слѣдуетъ за нимъ... Они ѣдутъ по Невскому, по Морской... Переѣхали Исакіевскую площадь. Соборъ еще мрачнѣе, кажется какою-то мистическою громадою въ туманѣ, направо. Налѣво, весь черный, во мглѣ вырѣзывается памятникъ Николаю I-му... Сумрачный дворецъ за нимъ пропадаетъ... Площадь осталась позади... Лаубе останавливается у «экспедиціи выдачи заграничныхъ паспортовъ» и опять не замѣчаетъ, когда Крюдлихъ проѣзжаетъ далѣе. Крюдлихъ отпускаетъ своего извозчика, а самъ, прислонясь къ периламъ Мойки, ждетъ. Прошло полчаса... Опять тамъ отворяется дверь. Кучеръ подаетъ Лаубе. У Альберта Вильгельмовича радостное лицо. Онъ что-то придерживаетъ у лѣваго бока. Очевидно, не паспортъ. Вѣдь паспортъ же не улетитъ самъ изъ его кармана... Лаубе торопится, и Крюдлихъ тоже—въ Конюшенную къ Мякинину.

— Онъ взялъ заграничный паспортъ!.. Онъ взялъ заграничный паспортъ!.. Я самъ видѣлъ!— кричитъ онъ издали Антонію.

Тотъ вздрагиваетъ, роняетъ чашку съ чаемъ, обливаетъ себя горячей жидкостью, и, не обращая на это вниманія, схватываетъ Крюдлиха и, обнявъ его, кружится съ нимъ по комнатѣ...

Крюдлиху это нисколько не странно!.. Онъ самъ смѣется и радуется... Онъ самъ радъ кружиться до одури.

Возвратившись домой, онъ обращается къ портрету Эдуарда Поппе и дѣловымъ тономъ говоритъ ему:

— Ты знаешь, Эдя—онъ его уже называетъ нѣжно Эдей... — ты знаешь, Эдя, онъ взялъ заграничный паспортъ и завтра вѣрно уѣдетъ. Уѣдетъ на свою погибель...

Эдуардъ Поппе ласково смотритъ на него со стѣны.

Сегодня Крюдлиху снятся опять безпокойные сны. Онъ уже схватываетъ Лаубе, но у того вдругъ выростаютъ крылья за плечами, и онъ пропадаетъ въ небесахъ, роняя оттуда на Крюдлиха свой заграничный паспортъ.

XVII.

Разъ рѣшившись, Лаубе уже не чувствовалъ никакихъ сомнѣній, никакихъ колебаній. Онъ пріѣхалъ домой въ суетливомъ, но радостномъ настроеніи и приказалъ Леокадіи

Леонтьевнѣ брать съ собою только самое необходимое. По женской мелочности, она хотѣла-было укладывать множество бездѣлушекъ, съ которыми ей трудно было разстаться; но Лаубе остановилъ ее. «Ничего, ничего,— я говорю тебѣ,—ты видишь, я бросаю настоящія драгоцѣнности,—указалъ онъ на рѣдкія картины старыхъ мастеровъ и на библіо, которые онъ скупалъ довольно усердно въ прошломъ году.—Все это мы пріобрѣтемъ опять, и нечего намъ, кажется, особенно волноваться. У насъ даже будетъ еще лучше».—Ночь этого дня онъ провелъ въ страшной тревогѣ. Ему все казалось, что вдругъ въ передней раздастся звонокъ, послышится звукъ шпоръ, непремѣнно шпоръ, кто-то спроситъ: «здѣсь ли Лаубе?»—и потомъ: «именемъ закона я васъ арестую». Почему «именемъ закона» — онъ тоже не зналъ толкомъ, ему кто-то говорилъ или онъ гдѣ-то читалъ эту фразу... Но часы медленно шли за часами—ночь въ туманахъ и тучахъ неслась по сумрачному небу, и никто не тревожилъ Лаубе. Онъ начиналъ вѣрить въ то, что сегодня его не потревожатъ. Да, сегодня, до утра... Стоитъ только этому проклятому, неблагодарному Сержу Клюквенному завтра напечатать что-либо, и вся эта пугающая его, Лаубе, остервенѣвшая свора вкладчиковъ и кліентовъ конторы бросится на него.

У него отберутъ паспортъ, его остановятъ на самой желѣзной дорогѣ, его вернутъ въ Петербургъ...

Онъ ворочался весь въ поту. Подушки казались ему слишкомъ жаркими, одѣяло тяжелымъ. Онъ сбросилъ его и вытянулся. Какъ онъ сдѣлалъ глупо, что предупреждалъ о своемъ отъѣздѣ Крюдлиха и Кенига. Надо было уѣхать и телеграммами дать имъ знать съ границы, вотъ и все... Да, именно. Но Кенигъ ничего не подозрѣваетъ. Лаубе даже улыбнулся, вспомнивъ, съ какою собачьей угодливостью тотъ смотрѣлъ на него въ конторѣ. Кенигъ преданъ и не выдастъ, и не можетъ выдать, потому что подозрѣніе даже немыслимо для его восторженной души. А Крюдлихъ старъ и глупъ. Крюдлиху и подавно ничего подобнаго не придетъ въ голову. Ничего рѣшительно. А еслибы его, Лаубе, захватили и привезли сюда. Боже, что бы такое было! Какіе крики нечеловѣческой злости встрѣтили бы прогорѣвшаго банкира. Какъ бы все это, еще сегодня угодливое, искательное, кинулось бы, готовое растерзать его. Одинъ генералъ Ахвердовъ... Онъ безъ ужаса не могъ подумать объ этомъ!.. Да, что будетъ здѣсь въ Петербургѣ, когда черезъ нѣсколько дней истина откроется?! Что будетъ у дверей его конторы?.. Хорошо, что тысячи миль будутъ

уже лежать между нимъ, Лаубе, и этимъ ужаснымъ «скандаломъ» тутъ. Это отчасти и хорошо, что Крюдлихъ отказался—старикъ бы, пожалуй, не вынесъ и умеръ. «Воображаю,— уже улыбался Лаубе, — этого глупаго павлина Кенига, когда истина откроется его глазамъ. Въ какомъ отчаяніи будетъ этотъ идіотъ!.. Да, могу сказать—мое паденіе вызоветъ такую бурю...» И Лаубе сталъ припоминать свои шаги съ самаго начала своей карьеры банкира-банкрота, съумѣвшаго во-время остановиться! Именно во-время. Въ самомъ дѣлѣ, сколько было потрачено ума, изобрѣтательности, находчивости! Онъ помнитъ эти бѣлыя полосы газетныхъ листовъ, это яйцо, котораго скорлупу проклевывалъ носомъ Альбертъ Лаубе съ своей конторой. Онъ подвелъ итоги сотнямъ тысячъ рублей, истраченнымъ на всевозможныя рекламы, и это имя «предпріимчивѣйшаго американца», которое долгое время давала ему печать. Онъ припоминалъ свои обѣды и ужины, праздники, устраивавшіеся имъ нужнымъ людямъ, порывы честолюбія, свои успѣхи, побѣды. Какъ онъ добивался ордена! Зачѣмъ онъ ему теперь? Какъ онъ добивался приглашенія къ министру. Не смѣшно ли въ самомъ дѣлѣ. Къ чему онъ хлопоталъ обо всемъ этомъ? Онъ послѣ завтра оставитъ за собою границу, станетъ свободенъ, какъ вѣтеръ.

Поди лови его — этотъ вѣтеръ: пронесся и нѣтъ его!..

А ночь все длилась и длилась. Казалось, конца ей не будетъ.

Неужели ему не удастся заснуть ни на минуту? Онъ опять ложился, усиленно смыкая глаза, старался ни о чемъ не думать, ни о чемъ, но помимо его воли обрывки какихъ-то мыслей, образовъ съ страшною быстротою вращались въ его бездѣйствовавшей головѣ. Жизнь за океаномъ, новый людъ, иные города, грандіозныя предпріятія... Удача. Новые и новые милліоны, напоминающіе рядами нулей астрономическія цифры... Онъ еще богаче, еще сильнѣе, еще могущественнѣе... И вдругъ, ни съ того, ни съ сего—сѣрая улица, мороситъ дождь, туманъ стоитъ какъ завѣса и по мокрой мостовой тихо движутся по направленію къ Николаевскому вокзалу сѣрыя фигуры—солдаты съ заряженными ружьями въ рукахъ, и конвоируемые ими посрединѣ арестанты въ кандалахъ... Вотъ и онъ — Лаубе... На немъ сѣрый халатъ съ желтымъ тузомъ, онъ прикованъ за руку къ общей цѣпи... И идетъ, понурясь... Его ждутъ... Много народу ждетъ, и всѣ кричатъ: «Вотъ онъ, вотъ Лаубе»!.. Лаубе не смѣетъ поднять головы. Ему кажется, если онъ ее подниметъ, то эти разоренные имъ люди разорвутъ его въ клочки. «Вотъ онъ,

вотъ Лаубе... Тотъ самый Лаубе!..» И выше всѣхъ Ахвердовъ... Онъ дѣлается необыкновенно громаденъ, онъ застилаетъ и улицу, и дома, онъ надвигается на него какою-то тучей и кричитъ во все горло, кричитъ: «Я Ахвердовъ, узнаешь ли ты меня! Я Ахвердовъ..» Въ ужасѣ Лаубе просыпается, — оказывается, что онъ дѣйствительно заснулъ!.. Посмотрѣлъ въ окно—еще тамъ темно... Неужели день далеко? Нажалъ пружину часовъ — они ему прозвонили пять... Только пять... Еще три часа муки... Онъ легъ и старался думать о чемъ-нибудь хорошемъ. Онъ уже на громадномъ пароходѣ переплываетъ Атлантическій океанъ. Колоссальная палуба. На ней кресла-качалки. Въ одномъ Леокадія. Онъ, опершись о перила, смотритъ на волны, что жадно лижутъ черные борта морского великана... Вѣтеръ сорвалъ пѣну одной изъ нихъ и прямо хлеснулъ ею въ лицо Лаубе... А вдали уже намѣчивается что-то мглистое, едва различимое, точно тамъ приникъ къ самымъ волнамъ низко, низко спустившійся туманъ.

— Что это?—спрашиваетъ онъ.

— Земля, Америка! — отвѣчаетъ ему мимо проходящій матросъ.

«Земля, Америка... Америка—значитъ свобода!»—улыбается онъ.

— Да, свобода, для тѣхъ, кто можетъ

дорого заплатить за нее... Странное лицо у этого матроса! Гдѣ его видѣлъ Лаубе? Странное. И баки котлетками, и выраженіе юридическаго нелицепріятія, и волосы расчесаны. Совсѣмъ какъ у знакомаго ему предсѣдателя суда... И почему этотъ матросъ такъ строго смотритъ на Лаубе? Развѣ онъ смѣетъ такъ смотрѣть на него? Кто ему позволилъ... Перила... Только куда-жъ дѣлся океанъ? Кругомъ слышенъ шепотъ и шорохъ. Тысячи головъ... а за ними есть еще другія такія же тысячи, и всѣ глаза устремились на него, на Лаубе, и матросъ-предсѣдатель тоже не отводитъ отъ него своего холоднаго взгляда: «подсудимый, признаете ли вы себя виновнымъ? Подсудимый... признаете ли вы себя виновнымъ?» и потомъ вдругъ, не ожидая отвѣта, вскакиваетъ прокуроръ. Боже мой, да это не прокуроръ, а генералъ Ахвердовъ и онъ кричитъ: «Введите свидѣтеля!» — Ввели свидѣтеля... Вдали слышится страшный шумъ, точно кто-то костями стучитъ по полу, двери раскрываются сами, на всѣхъ лицахъ ужасъ. Даже матросъ-предсѣдатель испуганъ; Ахвердовъ дрожитъ, Лаубе еще не смѣетъ поднять голову, но ему со всѣхъ сторонъ кричатъ: «Подымите голову, посмотрите на свидѣтеля! подымите голову, посмотрите на свидѣтеля!» Онъ чувствуетъ, что если подыметъ голову, то онъ

погибъ, томительная посторонняя сила заставляетъ его, наконецъ, «поднять голову»; онъ подымаетъ и видитъ передъ собою мертваго Эдуарда Поппе. Да, это мертвый Эдуардъ Поппе... Это онъ самъ... Онъ недвиженъ, только тѣнь какого-то движенія чудится въ его опущенныхъ вѣкахъ. Ему трудно открыть ихъ, и Лаубе чувствуетъ, что, несмотря на свою кажущуюся неподвижность, мертвецъ дѣлаетъ внутреннія усилія шевельнуть ими. Вотъ они дрогнули. Прилипшія къ истлѣвшей кожѣ рѣсницы отдѣлились... Еще... Рѣсницы подымаются... Какъ угли, горятъ глаза трупа... Боже мой, какъ нестерпимъ этотъ огонь! Онъ жжетъ Лаубе, и со всѣхъ сторонъ вмѣстѣ съ нимъ несется: «Да, виновенъ. Да, виновенъ... Да, виновенъ». Кто-то набрасывается на него, кто-то встряхиваетъ его за плечо. Неужели это мертвецъ давитъ его, неужели это костлявыя руки Эдуарда Поппе стараются поднять его за плечи?.. И кругомъ слышится: «вставай, вставай, пора...»

Въ холодномъ ужасѣ Лаубе открываетъ глаза. Его дѣйствительно тормошатъ. Леокадія Леонтьевна, смѣясь, тормошитъ его за плечо. Въ окно смотритъ скучный и тусклый день.

— Вставай же. Самъ велѣлъ разбудить себя въ восемь, а теперь уже половина девятаго.

Лаубе срывается съ мѣста, дико оглядывается.

— А гдѣ онъ, онъ? — безумно вырвалось изъ его поблѣднѣвшихъ губъ.

— Кто онъ? Кто?..

— Эдуардъ Поппе?..

— Ты, кажется, съума сошелъ!—И Леокадія Леонтьевна всматривается въ него. Онъ окончательно приходитъ въ себя, улыбается ей и встаетъ. Надо торопиться. Надо дома позавтракать. Въ половинѣ перваго отходитъ поѣздъ по Варшавской желѣзной дорогѣ. А туда еще далеко. И притомъ многимъ еще надо распорядиться дома, очень многимъ. Послѣ пріѣдетъ Мякининъ. Добрый мальчикъ. Онъ хотѣлъ проводить ихъ. Лаубе чувствуетъ, что преданность Антошки совсѣмъ покорила его. «Что если я ему подарю на прощаніе тысячу рублей? Въ самомъ дѣлѣ, это я могу сдѣлать, это не разоритъ меня!» И онъ отдѣлилъ десять сторублевыхъ въ особый конвертъ.

Въ десять часовъ пріѣзжаетъ Мякининъ.

— Это тебѣ, Антошка... Пока вернусь, чтобы ты не нуждался,—улыбается ему Лаубе. «Неправда ли, какой я великодушный человѣкъ,—слышится въ немъ самомъ—неправда ли!» Антошка, вѣроятно, такъ и понимаетъ это безъ словъ, онъ бросается къ нему на шею, и Лаубе чувствуетъ, что руки молодого человѣка обни-

маютъ его. Лаубе даже прослезился. Ночь безъ сна или съ кошмарами разбила ему нервы. Онъ прочувствованно говоритъ:

— Антошка, ты честный малый и мой единственный, настоящій другъ!

— Да, да, я твой единственный другъ, — подтверждаетъ Мякининъ,—единственный... И навсегда!..

— Что это вы!—смѣется надъ ними Леокадія Леонтьевна.—Что это вы... точно влюбленные!

Еслибы Лаубе могъ сквозь двойныя рамы и туманъ, стоявшій на улицѣ, видѣть противуположный тротуаръ, онъ бы замѣтилъ на немъ Крюдлиха. Крюдлихъ съ семи часовъ ходитъ здѣсь, не замѣчая сырости и холода. Онъ поднялся рано, онъ тоже всю ночь не спалъ, ему тоже снился Эдуардъ Поппе, но не грозный и ужасный, не съ горящими адскимъ пламенемъ глазами, а спокойный и веселый.

— Я знаю, что скоро ты отдашь мнѣ Лаубе! —говорилъ онъ.

— Да, да!—во снѣ бредилъ Крюдлихъ,— да, да, будь спокоенъ, Эдя, я тебѣ этими собственными руками отдамъ подлаго Лаубе... Будь спокоенъ, будь спокоенъ.

Крюдлихъ терпѣливо дождался, когда къ подъѣзду Лаубе подкатила его карета. Лакей вынесъ три небольшихъ чемодана. За нимъ

вышли Лаубе съ Леокадіей Леонтьевной и Мякининъ. Послѣдній замѣтилъ Крюдлиха и укоризненно покачалъ головою, пока тѣ садились. Крюдлиху теперь все равно было. Онъ не обратилъ вниманія на Антоніо и, взявъ извозчика, поѣхалъ на станцію. Еслибы Лаубе теперь и увидѣлъ его—Крюдлихъ чувствовалъ, что онъ не отступилъ бы. Совершался важный моментъ въ задачѣ всей его жизни. Стоило ли церемониться? Онъ зналъ, что дѣло ихъ обезпечено, что если Лаубе и испугается, все равно ему отступать некуда! Вслѣдъ за ними онъ вошелъ въ вокзалъ. Лаубе, собиравшійся завтракать дома, такъ торопился поскорѣе оставить позади свою квартиру, что рѣшилъ сдѣлать это уже на станціи. Сидя въ одной изъ бесѣдочекъ, устроенныхъ въ буфетѣ вокзала, онъ больше пилъ шампанскаго, чѣмъ ѣлъ. Аппетиту у него не было. Онъ чувствовалъ только страшную жажду. Внутри все горѣло. Ему казалось, что онъ бы умеръ, еслибы ему пришлось ждать поѣзда до вечера. Леокадія пила тоже. Ее охватывало смутное предчувствіе какой-то опасности или тоски по поводу разлуки съ Антоніо, сама она не могла понять этого. Ей хотѣлось немного опьянить себя. Выйдя изъ-за занавѣски этой бесѣдки въ залу, Лаубе, оглянувшись, замѣтилъ вдругъ Крюдлиха—и вздрогнулъ. Блѣдность охватила его.

Онъ еще не зналъ, чего онъ долженъ опасаться. Появленіе Крюдлиха совсѣмъ не страшило его, но его присутствіе теперь, въ эту минуту, здѣсь, страшно поразило его. Оно было неожиданно, а этого оказывалось достаточно, чтобы пустой случай принялъ страшные размѣры. Онъ не зналъ показываться ли ему или нѣтъ? Но тоска такъ неотступно подступала ему къ горлу, что ему казалось единственнымъ исходомъ выйти и заговорить со старикомъ, пусть тотъ скажетъ, зачѣмъ онъ здѣсь и что ему надо. Лаубе притворился, что онъ только-что замѣтилъ вдали своего конторщика и обратился къ Мякинину.

— Вотъ не ожидалъ... ты видишь этого стараго дурака, съ длинной бѣлой бородой?

— Да... А что? — это Крюдлихъ, я его знаю.

— Глупый оселъ—ни больше, ни меньше. Онъ мнѣ ужасно надоѣлъ, для дѣла онъ негодится. Держу его изъ одного состраданія, потому что ему некуда дѣваться.

Леокадія и Мякининъ переглянулись.

— Зачѣмъ онъ здѣсь? Надо попотчивать старика. Я ему предложу стаканъ шампанскаго. Пусть выпьетъ за твое здоровье, — потрепалъ онъ по щекѣ Леокадію, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ.—Эй, человѣкъ! Ты видишь этого вонъ старика. У багажнаго отдѣ-

ленія. Попроси его сюда. Скажи: господа сидятъ и ждутъ его.

Крюдлихъ вздрогнулъ и хотѣлъ-было бѣжать, когда ему передали приглашеніе Лаубе. Но онъ живо оправился и сообразилъ, что теперь это было бы невозможно и во всякомъ случаѣ глупо.

— Вѣдь не мнѣ его, а ему меня надо бояться! — И Крюдлихъ медленно, по старчески, переступая съ ноги на ногу, подошелъ къ бесѣдкѣ, гдѣ еще издали Лаубе съ веселымъ видомъ кивалъ ему головою.

— Здравствуйте, Крюдлихъ. Пользуетесь своимъ отпускомъ? Что васъ занесло сюда, а?

— Дѣла! — сумрачно отвѣтилъ Крюдлихъ и не замѣтилъ протянутую ему руку Лаубе.

— Старъ становится, — улыбаясь, замѣтилъ Альбертъ Вильгельмовичъ Мякинину. — Вотъ пожалуйста — стаканъ шампанскаго.

— Я не могу, мнѣ вредно, — нахмурился Крюдлихъ.

— Однако, во время оно, вы съ Эдуардомъ Поппе не мало выпили.

Крюдлихъ вздрогнулъ и такъ взглянулъ на Лаубе, что тому сдѣлалось неловко.

— То съ Эдуардомъ Поппе...—онъ выдержалъ паузу:—и притомъ я былъ тогда моложе, теперь я пью только молоко.

— За здоровье Леокадіи Леонтьевны! Не-

ужели же вы откажетесь за даму выпить? Это даже невѣжливо. За благополучную дорогу!

— И за удачу! — вдругъ оживился Крюдлихъ, поднялъ стаканъ, выпилъ его залпомъ и, покраснѣвъ, самъ сѣлъ около. Онъ теперь ужъ не сдвинулся бы отсюда, если даже Лаубе прогналъ его. Лаубе немного шокировало присутствіе старика, но дѣлать было нечего—самъ его позвалъ! Онъ сталъ бесѣдовать съ Мякининымъ, а Крюдлихъ чутко прислушивался къ его словамъ...

— Я вернусь скоро, нечего за границей заживаться. Кончу дѣла и назадъ!—вырвалось у Лаубе.

Крюдлихъ кивнулъ утвердительно головою и тоже согласился съ этимъ.

— Вы хотѣли что-то сказать? — спросилъ его Альбертъ Вильгельмовичъ.

— Нѣтъ-съ, я тоже говорю, что вы вернетесь скоро... очень скоро. Скорѣе, чѣмъ вы думаете.

Мякининъ сидѣлъ какъ на иголкахъ. «Пьянъ старикъ», замѣтилъ Лаубе, стараясь отдѣлаться отъ охватывавшаго его все сильнѣе и сильнѣе безпокойства. «Пьянъ старикъ». А старикъ сидѣлъ себѣ преспокойно и, точно не замѣчая общаго натянутаго положенія и неловкости, кивалъ сѣдою головой и, поглаживая свою

длинную серебряную бороду, механически повторялъ: «Да, скоро, скоро... очень скоро»! Это «скоро» било точно молоткомъ по сердцу Лаубе и съ каждымъ ударомъ онъ вздрагивалъ и испуганно озирался. «Да, скоро, скоро»...

Наконецъ, Мякининъ наклонился къ Лаубе и, проговоривъ:

— Я сейчасъ уведу его,—всталъ, подошелъ къ Крюдлиху.

— Мнѣ вамъ сказать только два слова!..

Крюдлихъ точно сейчасъ различилъ его. Всталъ и пошелъ съ нимъ.

— Что вы дѣлаете! Вы губите все. Онъ можетъ догадаться... Вы такъ ясно выдаете ему свои подозрѣнія.

— Нѣтъ, теперь онъ не уйдетъ. Я видѣлъ сегодня Эдуарда и Эдуардъ мнѣ улыбался. Вы знаете, что я отдалъ ему подлаго Лаубе.

— Ради Бога, уѣзжайте... Уѣзжайте сейчасъ. Иначе все лопнетъ, и вашъ Эдуардъ останется безъ Лаубе.

Ему удалось вывести его и усадить на извозчика...

— Знаете, онъ пьянъ совсѣмъ, — вернулся Мякининъ къ Лаубе. — Я едва убѣдилъ его сѣсть на извозчика, а онъ меня приглашалъ танцовать съ нимъ вальсъ. Одинъ маленькій туръ вальса...

Лаубе внезапно успокоился и расхохотался.

— Хорошъ старикъ!—повторялъ онъ про себя.—Хорошъ старикъ. Одинъ маленькій туръ вальса!

— Да, вотъ не ожидалъ! Едва могъ отбиться отъ него. Должно быть онъ уже здѣсь выпилъ у буфета раньше всѣхъ.

— Еще бы. Много-ли ему надо...

Ударилъ первый звонокъ... Лаубе схватился. Что-то горячей волной пронеслось внутри его. Онъ покраснѣлъ, поторопился разсчитаться... Вещи его уже давно были уложены въ купэ перваго класса. Лакей его, вмѣстѣ съ носильщиками, ждали тамъ; онъ быстро пошелъ къ нимъ не оглядываясь. Мякининъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы напомнить Леокадіи:

— Смотрите же, телеграфируйте со всѣхъ остановокъ! Иначе пропадете съ нимъ.

Та улыбалась ему и крѣпко пожала его руку.

А Лаубе, какъ пуганый заяцъ, уже вскакивалъ въ купэ... Онъ сейчасъ же забился въ уголъ. Ему не хотѣлось, чтобы кто-нибудь его видѣлъ. Еще чего добраго судьба принесетъ сюда генерала Ахвердова—и онъ еще глубже хотѣлъ врости въ подушки... Еще глубже... Потомъ онъ вдругъ вспомнилъ, что Ахвердовъ или знакомые, все равно, могутъ узнать Леокадію и по ней догадаться о его присутствіи здѣсь, выскочилъ, испуганно крикнулъ:

— Леокадія! Да садись же! Мякининъ, ты можешь войти сюда и подождать, когда ударятъ третій звонокъ, потомъ выскочишь...

Антошка такъ и сдѣлалъ. Чѣмъ ближе было къ третьему звонку, тѣмъ болѣе и болѣе лихорадочная дрожь охватывала Лаубе. Онъ едва уже могъ усидѣть. Онъ Леокадію поставилъ передъ окномъ спиною.

— Стой такъ, пока!

— Зачѣмъ?—удивилась та.

— Терпѣть не могу, когда публика на меня глазѣетъ.

Онъ не замѣчалъ, что своими суетливыми пріемами можетъ внушить подозрѣнія. Когда ударилъ второй звонокъ, онъ сталъ вдругъ креститься и самъ засмѣялся надъ собою. Только смѣхъ вышелъ дѣланный, скверный... Потомъ онъ уже отсчитывалъ біеніе своего сердца, и когда ударилъ третій звонокъ, а Мякининъ на-скоро пожалъ ему и поцѣловалъ Леокадіи руку—онъ уже ничего не сознавалъ. Когда оберъ-кондукторъ далъ свистокъ, Лаубе сидѣлъ закрывъ глаза и что-то шепталъ про себя, чего ни Леокадія, ни самъ онъ не понимали... Мимо окна купэ неслись сначала стѣны вокзала, потомъ желѣзнодорожныя постройки, потомъ безчисленные вагоны, ряды которыхъ казались безконечными и которые стояли на запасныхъ путяхъ. Лаубе смотрѣлъ

на все это широко открытыми глазами, щупалъ что-то лежавшее у него на груди, держался за большой портфель.

— Ну, слава Богу, слава Богу, слава Богу! —вслухъ уже проговорилъ онъ, когда городъ остался позади и направо, и налѣво легли мокрыя, кое-гдѣ бѣлѣвшія снѣговыми пятнами поля...—Слава Богу, слава Богу...

— Точно ты чего-то боялся, это было такъ смѣшно...—замѣтила Леокадія.—Я думаю, даже Мякининъ замѣтилъ.

— Что онъ замѣтилъ?—встрепенулся Лаубе. —Что?

Онъ и теперь не считалъ себя въ безопасности. Граница еще далеко. Только завтра онъ проѣдетъ ее. До тѣхъ поръ его могутъ остановить и вернуть. Телеграфныя проволоки по дорогѣ мелькали направо и налѣво, вытягиваясь въ какія-то безконечныя линіи, то подымаясь къ стеклянным стаканчикамъ по столбамъ, то опускаясь... Вотъ, можетъ быть, и сейчасъ уже летитъ на границу депеша: «задержать его и вернуть»... Можетъ быть по одной изъ этихъ проволокъ, по которой же именно?.. Въ Вержболовѣ у него потребуютъ паспортъ и вырвутъ страничку объ отъѣздѣ. А если при этомъ жандармскій офицеръ подойдетъ къ нему и вѣжливо скажетъ:

— Вы, по паспорту, Альбертъ Лаубе? Изви-

ните, но я васъ долженъ арестовать — у меня есть приказъ изъ Петербурга.

Да, да... Вотъ, можетъ быть, по этой самой проволокѣ проскочила искра съ этимъ приказаніемъ.

И онъ чувствовалъ, что ему становится все холоднѣе и холоднѣе...

Когда стемнѣло и спустилась ночь, къ прежнимъ ужасамъ присоединились новые.

XVIII

Опять началась ночь долгая, медлительная, съ ея безконечными кошмарами.

Лаубе читалъ много о грабежахъ на желѣзной дорогѣ и боялся заснуть. Если ему случалось задремать, онъ немедленно просыпался, оглядывался кругомъ и со страхомъ схватывался за грудь. Цѣлы ли переводные векселя, квитанціи иностранныхъ банкировъ, тратты. Онъ помнитъ описанія того, какъ къ спящимъ входили люди, подставляли имъ къ носу платокъ съ хлороформомъ, и тѣ моментально засыпали... Просыпаясь,—если они просыпались!—они оказывались ограбленными до чиста. Или входилъ кто-нибудь, садился въ уголъ и, въ удобный моментъ, схватывалъ и душилъ жертву.

— Леокадія, ты спишь?—спрашивалъ онъ у жены.—Ты спишь?

Ровное дыханіе той исключало необходимость болѣе точнаго отвѣта. И какъ она можетъ спать!—удивлялся и негодовалъ Лаубе. Онъ выходилъ на станціяхъ, разминалъ ноги, съ ужасомъ взглядывалъ въ сѣрыя фигуры жандармовъ и садился опять. Разъ, ночью, его растолкали. Онъ только что было задремалъ. Онъ вскочилъ, съ ужасомъ остановилъ свой взглядъ на кондукторѣ.

— Что вамъ нужно?—жалкимъ, жалкимъ тономъ спросилъ онъ.

— Не вы ли господинъ Таубе?..

— Я Лаубе, а не Таубе.

— Виноватъ-съ, мнѣ съ послѣдней станціи передана телеграмма господину Таубе.

— Нѣтъ, нѣтъ, я господинъ Лаубе, — и онъ чувствовалъ, что сердце у него радостно забилось... Это значитъ не арестовать его хотѣли, какъ ему почудилось сначала.—Я—господинъ Лаубе, а не Таубе,—счастливо бормоталъ онъ, опять засыпая.

Прошлая безсонная ночь сказывалась въ его утомленіи. Подъ самое утро онъ уже спалъ крѣпко. Леокадія проснулась, съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Блѣдный свѣтъ туманнаго утра дѣлалъ его лицо еще болѣе непривлекательнымъ — съ бѣлесоватыми, безъ

кровинки, чертами, обнаруживавшими ничтожество и подлость. Безбровое, безглазое!.. Ей стало противно. Неужели она могла принадлежать этому спектру, нельзя же было его назвать человѣкомъ... Спектръ!.. Ну, да теперь недолго! Еще нѣсколько недѣль, и все кончится. И она на вѣкъ будетъ свободна отъ этого безцвѣтнаго урода. Что станется съ нимъ? Ей было мало дѣла до этого. Она предавала его съ спокойствіемъ, по-истинѣ изумительнымъ. Развѣ онъ не стоилъ этого? Развѣ ей не дорого было только ея личное счастье?.. Да, Лаубе человѣкъ обреченный, и думать о немъ ей казалось нечего...

Уже подъ самымъ Вержболовымъ Лаубе, наконецъ, открылъ глаза.

— Мы еще въ Россіи? — испуганно спросилъ онъ.

— Да!.. А ты думалъ гдѣ?

— О, когда, наконецъ, окончится эта проклятая страна!.. Въ это мгновеніе онъ отъ всей души ненавидѣлъ наше «прекрасное, русское отечество», за которое еще на дняхъ такъ горячо распинался...

— Сейчасъ будетъ Вержболово,—сказала ему Леокадія.

— Откуда ты знаешь?—встрепенулся онъ.

— Судя по времени. Да, кромѣ того, когда ты спалъ, я спрашивала у кондуктора.

Сердце опять часто-часто забилось у Лаубе. «Сейчасъ, сейчасъ!» Если получена телеграмма, его немедленно остановятъ; если нѣтъ, онъ спокойно проѣдетъ... Онъ уже у рубежа своего счастія, его или арестуютъ тотчасъ, навсегда, или онъ—свободный, могущественный богачъ! «О, дядя Августъ, дядя Августъ,—думалъ онъ.—Какъ это тяжело. Какъ тяжело останавливаться. Какъ тяжело во-время остановиться!..» Вотъ послышался рѣзкій и длинный свистокъ... Поѣздъ замедлилъ ходъ. Лаубе даже зажмурился и не видѣлъ громадныхъ построекъ пограничныхъ станцій направо и налѣво... Да, да, вотъ здѣсь, здѣсь... Дверь въ его купэ отворяется...

— Ваши паспорты!—монотонно говоритъ жандармъ. Лаубе протягиваетъ ему свой и чувствуетъ, что рука у него ходитъ. — Вашъ, сударыня?—обращается тотъ къ Леокадіи. Она съ веселою улыбкою отдаетъ ему свой. Лаубе не понимаетъ, какъ она можетъ улыбаться въ эту минуту, и никогда, никогда не пойметъ этого... Онъ какъ призракъ бродитъ по заламъ.

— Ты будешь пить чай? —спрашиваетъ его Леокадія Леонтьевна.

— Помилуй, до того ли тутъ—судьба рѣшается!..—И та презрительно провожаетъ его взглядомъ своихъ красивыхъ глазъ.

Онъ вообще сталъ безконечно противенъ ей своею неимовѣрною трусостью. Лаубе то и дѣло подходилъ къ ней и роняя: «какъ долго, какъ долго», отходилъ опять, отвѣчалъ нервно, ходя изъ угла въ уголъ. Онъ ей такъ надоѣлъ, что она, наконецъ, подошла къ нему сама.

— Ты своимъ безпокойствомъ обращаешь на себя общее вниманіе. На тебя всѣ, понимаешь, всѣ, смотрятъ съ изумленіемъ. Сиди смирно или, право, я начну думать, что жандармы схватятъ тебя за одинъ твой видъ.

Лаубе испугался, покорно съежился и сѣлъ, пугливо смотря на окружающихъ и даже на Леокадію Леонтьевну. Теперь уже онъ не трогался съ мѣста.

— Ты бы хоть вина выпилъ,—предложила она.

Но банкиръ отрицательно кивнулъ головой.

— Какъ долго, отчего они такъ долго?— заговорилъ онъ вдругъ, невѣдомо къ кому обращаясь, и на вопросительный взглядъ жены пояснилъ ей:—вѣрно они вообще нашли что-нибудь въ документахъ и переговариваются съ Петербургомъ по телеграфу.

Леокадія на это только пожала плечами.

Когда, наконецъ, позвонили, и поѣздъ былъ готовъ, Лаубе съежился, точно ему было холодно, пошелъ и сѣлъ въ свое купэ.

— Ты не замѣчаешь ничего у нихъ на лицахъ? Ничего такого? А? Не подозрительно они смотрятъ на это купэ, на меня?—спросилъ онъ ее.

— У кого, у нихъ? Кто это—они?—не поняла Леокадія Леонтьевна.

— Да жандармы. Вонъ, зачѣмъ этотъ все ходитъ мимо насъ? А посмотри-ка сюда, онъ пошелъ... Онъ штатскій, но, можетъ быть, переодѣтый, они часто переодѣваются.

Леокадія расхохоталась.

— Чего ты?

— Да онъ просто дѣлаетъ мнѣ глазки и смотритъ на меня, не обращая на тебя никакого вниманія!

— На тебя?.. Ну, это хорошо если на тебя,—и вдругъ онъ разсмѣялся самъ.—Въ самомъ дѣлѣ, за тобой ухаживаютъ!

Раздался второй звонокъ и вдругъ дверь вагона отворилась. Лаубе даже попятился. Два жандарма показались въ ней.

— Кто здѣсь господинъ Альбертъ Лаубе?.. Кто-же Лаубе?—съ недоумѣніемъ повторилъ жандармъ.—Купецъ 1-й гильдіи Лаубе?

— Я,—чуть слышно, отвѣтилъ тотъ.—Я... Я слабый, больной человѣкъ...—Это—я... Извините, что не сразу отвѣтилъ.

— Леокадія Леонтьевна Здѣхонская? Вы-съ? Извольте.

И жандармы вышли. Лаубе сидѣлъ съ закрытыми глазами, очевидно прислушиваясь къ тому, что творилось въ немъ. Вотъ третій звонокъ. Свистокъ кондуктора... Поѣздъ трогается. Проходитъ мимо станціи, служебныхъ построекъ. Переѣзжаетъ какую-то рѣку... Мостъ,—на одной сторонѣ нашъ часовой, на другой прусскій.

— Уфъ!—точно свалилъ съ себя страшную тяжесть Лаубе..—Уфъ... Ну и намучился!

Онъ разомъ сдѣлался веселъ, запѣлъ даже: Du hast Diamanten und Perlen...—и, заложивъ ногу за ногу, съ столь наглымъ видомъ закурилъ сигару, что Леокадія еще болѣе возненавидѣла его въ эту минуту...

— Какой большой опасности мы избѣгли! А? Правда, моя крошка?

Она кротко отодвинулась отъ него, и думала въ свою очередь: — «Неужели еще двѣ или три недѣли мнѣ придется жить съ этимъ... подлымъ Лаубе!» — заключила она, подобно Крюдлиху.

Лаубе въ Эйдкуненѣ уже былъ совсѣмъ другимъ. Онъ крупно поговорилъ съ таможенными, гордо заявилъ, что онъ самъ нѣмецъ, а не русскій, и что онъ знаетъ порядки. Тѣ его оборвали. Онъ пошелъ въ буфетъ, сразу одну за другой выпилъ три кружки пива холоднаго, освѣжившаго его, вернулся въ вагонъ,

вынулъ подушку, легъ и заснулъ, говоря Леокадіи:

— Ну, я теперь буду спать до самаго Берлина.

На другой день съ центральной станціи, въ Берлинѣ, они пѣшкомъ направились въ отель, стоявшій напротивъ. Вещи ихъ за ними несли носильщики. Всю дорогу Лаубе спалъ и теперь на все уже смотрѣлъ ясными, счастливыми глазами. Ему хотѣлось остаться нѣсколько дней въ Берлинѣ; но Леокадія Леонтьевна, въ разсчетъ которой это вовсе не входило, пугнула его разомъ.

— Ты знаешь, Берлинъ не далекъ отъ Россіи, и стоитъ только тамъ случиться, въ твоей конторѣ, маленькому скандалу—сейчасъ же оттуда телеграфируютъ сюда, и ты пропалъ.

Лаубе побѣлѣлъ, побѣжалъ въ разныя банкирскія конторы, собралъ свои деньги, бывшія здѣсь, и, вернувшись, объявилъ, что онъ хоть сейчасъ готовъ поѣхать.

— Слѣдующую ночь мы проведемъ въ Базелѣ, а потомъ въ Италію, въ Италію! Въ Италіи можно спрятаться лучше, чѣмъ гдѣ-либо!

Леокадія Леонтьевна, только объ одномъ и заботившаяся, чтобы скорѣе сбросить съ себя эту ношу, немедленно согласилась. Пока

тотъ возился, она сошла внизъ. Въ Отелѣ оказалось отдѣленіе телеграфа. Она живо написала и сдала депешу:

«Петербургъ,
Антону Петровичу Мякинину.
Б. Конюшенная, д. 00.

«Торопитесь. Выѣзжаемъ въ Базель, потомъ въ Италію. Остановитесь въ Берлинѣ. Тамъ уже будутъ ждать васъ телеграммы мои. Спѣшите; мнѣ это все страшно надоѣло. Ваша Лео».

Такъ они условились.

XIX.

Мякининъ лежалъ въ постели, когда ему подали депешу. Прочтя, онъ сорвался съ мѣста, наскоро одѣлся и побѣжалъ за Крюдлихомъ. Крюдлихъ тоже былъ у себя...

— Ну? — встрѣтилъ его тотъ: — ну, что? Есть новое?

— Да вотъ... Сейчасъ получилъ телеграмму, читайте...

Крюдлихъ прочелъ:

— Завтра,—соображалъ онъ,—въ Базелѣ, послѣ завтра въ Италіи... Молодой другъ мой, намъ надо сегодня взять заграничные паспорта...

— Когда же мы взорвемъ?

— Что это?—не понялъ Крюдлихъ.

— А контору Лаубе... Вѣдь надо передъ отъѣздомъ. У меня есть планъ, у меня есть отличный планъ.

— Какой еще? Всѣ ваши планы превосходны и покойный Эдуардъ вѣрно благословляетъ васъ съ небесъ.

— Я хочу захватить съ собою генерала Ахвердова, онъ нуженъ будетъ намъ въ рѣшительный моментъ.

— Да... да, нуженъ. Разумѣется, нуженъ... О, съ нимъ мы все сдѣлаемъ. Онъ тоже будетъ ненавидѣть его...

Подождемъ еще два дня... и тогда...

Такъ они и рѣшили. Крюдлихъ одѣлся и пошелъ въ контору взять паспортъ, потомъ получилъ заграничный, и сложивъ всѣ свои вещи вмѣстѣ, былъ готовъ ѣхать во всякую данную минуту. Съ нимъ вещей не было. День сегодня, хотя и осенній, удался великолѣпный. Крюдлихъ рѣшился воспользоваться имъ и поѣхать проститься съ Эдуардомъ Поппе. Онъ попалъ на кладбище еще засвѣтло... Было тихо—бѣлаго мраморнаго креста уже нельзя, оказывалось, видѣть. Онъ весь былъ задѣланъ на зиму въ дерево. Крюдлихъ сѣлъ на скамью и старался привести свои мысли въ порядокъ... Во-первыхъ, все кончено. Завтра или послѣзавтра разразится скандалъ. Банкирская кон-

тора лопнетъ. Мякининъ обѣщалъ добыть предписаніе остановить Лаубе вездѣ, гдѣ бы онъ его ни нашелъ. Да послѣ краха — такое предписаніе немедленно вышлютъ по телеграфу. Стóитъ только во Франціи, Италіи или Германіи, все равно, предъявить его—и полиція окажетъ всевозможное содѣйствіе Крюдлиху и Мякинину. Теперь Лаубе уже не уйдетъ, онъ попадется въ ихъ руки со всѣми своими капиталами... И Крюдлихъ привезетъ его, и разскажетъ все, какъ было сначала, и потребуетъ возстановленія чести Эдуарда Поппе.

— Ты слышишь, Эдуардъ, какъ я думаю— такъ и сдѣлаю!

Въ шумѣ вѣтра ему послышался отвѣтъ мертвеца.

— Да, да, и ты не безпокойся, ему уже теперь никуда, никуда не уйти отъ насъ. Мы съ тобой его схватимъ, вотъ такъ...—вытянулъ онъ впередъ руки, точно обнималъ ими кого-нибудь.— Возьмемъ и доставимъ сюда. И всю дорогу я буду ѣхать съ нимъ и говорить ему: «подлый, подлый Лаубе! Подлый, подлый Лаубе!..» И ты, лежа въ своемъ гробу, услышишь это и будешь радоваться, потому что добро должно быть возстановлено, а зло наказано... и я, твой старый другъ, покараю это зло...

Когда онъ вернулся, Мякининъ уже ждалъ его.

— Ну-съ? Взяли паспортъ? Да! И отлично. Я тоже... Ну, теперь надо послѣ завтра дѣлать маленькій взрывъ. Вы сегодня были въ конторѣ?

— Да. Объявилъ, что я отказываюсь...

— Что же они?

— Они считаютъ меня старымъ дуракомъ. Этотъ Кенигъ говоритъ: «хозяинъ плакать не будетъ». А я ему: «смотрите, какъ бы вамъ всѣмъ не пришлось плакать!..»

Они рѣшили выѣхать черезъ три дня.

Въ Базель Лаубе пріѣхалъ поздно вечеромъ. Онъ вышелъ со станціи закутанный чуть не до самыхъ глазъ... Лакеи и швейцаръ гостиницы, куда пріѣхали наши путники, замѣтили только Леокадію Леонтьевну. Войдя въ отведенный ему номеръ, состоявшій изъ двухъ комнатъ, Альбертъ Вильгельмовичъ попросилъ жену потребовать ему горячей воды. Ему подали. Все такъ же не показываясь прислугѣ, онъ заперся у себя и сначала на-чисто вымылъ волосы и далъ имъ просохнуть, затѣмъ усы, бороду и голову выкрасилъ въ черный цвѣтъ и, выйдя къ Леокадіи Леонтьевнѣ, до того напугалъ ее, что на первыхъ порахъ она отшатнулась и хотѣла бѣжать.

— Что это ты? — всплеснула она руками, узнавъ, наконецъ, своего властелина.

— Надоѣло быть блондиномъ — сдѣлался брюнетомъ вотъ и все...

— Тебѣ ужасно не идетъ это!

— Ну, о красотѣ мы будемъ потомъ думать. Теперь главное: безопасность. А интересно знать, что теперь дѣлается въ Петербургѣ? Воображаю, какая идетъ суматоха и въ какомъ глупомъ положеніи оказался Кенигъ!

— Ты гдѣ назначилъ пока свое pied-à-terre? — спросила его Леокадія. — Куда тебѣ перешлютъ всѣ твои деньги?

— Въ Неаполѣ... Въ его окрестностяхъ трудно найти кого-нибудь. Ихъ такъ много. Мы проживемъ мѣсяцъ, и послѣ уѣдемъ — далеко, далеко. Этотъ мѣсяцъ надо, чтобы они немного поуспокоились въ Россіи. На первыхъ-то порахъ вѣдь даже страшно, что̀ будетъ у нихъ...

Вѣрная данному слову, Леокадія и изъ Базеля послала телеграмму въ Централь-отель въ Берлинѣ Мякинину, до востребованія: «изъ Базеля выѣзжаемъ въ Неаполь. Остановитесь въ Базелѣ—Отель трехъ королей. Тамъ васъ будетъ ждать моя депеша съ неаполитанскимъ адресомъ».

По дорогѣ въ Неаполь Лаубе былъ спокоенъ.

Доѣхавъ туда, онъ рѣшился сейчасъ же перебраться въ окрестности. Это былъ сезонъ не русскихъ путешественниковъ и потому онъ рѣшился поселиться въ Сорренто, гдѣ его

никто не знаетъ и не узнаетъ. До Кастелламаре съ Леокадіей они доѣхали по желѣзной дорогѣ, а въ Кастелламаре пересѣли въ коляску.

Леокадія никогда не видала ничего, кромѣ Петербурга, и восторгу ея не было границъ. Она жадно смотрѣла на все кругомъ, радуясь каждому удару волны въ берега, по которымъ имъ пришлось ѣхать, каждой скалѣ, красиво и граціозно выступавшей имъ навстрѣчу. Чудная дорога ласкала взглядъ то маленькими городками, въ родѣ Вико-Экуэнзе, красивымъ, еще полнымъ своихъ древнихъ воспоминаній, то садами, горными склонами, обвитыми пышною зеленью. Въ Метѣ они остановились напиться кофе и отдохнуть. Странный оригинальный городъ захватилъ вниманіе восторженной Леокадіи. Она не отводила глазъ отъ этихъ изумительныхъ площадей, гдѣ стояли древнія церкви. И площади-то въ ладонь, а сколько легендъ разсказывается о каждой изъ нихъ. Отсюда во всѣ стороны разбѣгались уже не переулки, а какія-то трещины, пробитыя между колоннами, шедшими ступенями вверхъ и также сбѣгавшія внизъ. Кое-гдѣ ихъ прикрывали арки, перебрасывавшіяся съ противуположныхъ домовъ отъ одного къ другому. На крохотныхъ площадкахъ возвышались дряхлые, точно мохомъ поросшіе, храмы, и вдругъ, ни съ того ни съ сего, тамъ, гдѣ вы уже никакъ не ожи-

дали этого, сумрачно хмурилась средневѣковая башня съ цѣлымъ громаднымъ платаномъ, поднявшимся на ея кровлѣ и своими корнями опутывавшимъ ея стѣны. Во многихъ окнахъ тутъ, на этихъ пестрыхъ улицахъ, вовсе не было стеколъ, зато чернѣли толстыя желѣзныя рѣшетки — любой тюрьмѣ подъ стать; другія запирались ставнями. Монументальныя ворота съ громадными щитами были прилажены къ маленькимъ домикамъ. Въ свою очередь, большіе дома оказывались совсѣмъ слѣпыми на улицу, ни воротъ, ни оконъ. Всюду изъ-за стѣнъ, во дворикахъ, зеленѣли деревья надъ колодцами. Недаромъ Мету называютъ веселой, а женщинъ отсюда — самыми смѣшливыми въ Италіи. Онѣ улыбались изъ-за своихъ дверей, изъ-за пестрыхъ тряпокъ балконовъ, заваленныхъ всякою яркою ветошью...

Мета раскидывалась въ самомъ художественномъ безпорядкѣ, по своей наводненной тѣнистыми садами Пьянурѣ, какъ совершенно неправильно называютъ эту долину соррентинцы. Направо и налѣво горные кряжи разошлись, и тутъ, на высокомъ и словно срѣзанномъ пьедесталѣ вулканическаго камня, раскинулись Мета и Сорренто. Глубокія трещины раскололи этотъ пьедесталъ отъ моря и до горъ въ разныя стороны; но еще римляне,

проточившіе весь этотъ мягкій камень подземными гротами и жилами, словно червивыми ходами, перекинули черезъ эти живописные и чудовищные овраги мосты. Въ овраги тоже сползала зелень и заполонила не пышно тернъ, уживаясь съ голыми и черными откосами рядомъ. Мета то сбѣгается кучками домовъ, слипшихся точно комья бѣлыхъ сахарныхъ конфектъ, такъ что издали не понимаешь, гдѣ въ нихъ быть улицамъ; то разбросалась отдѣльными виллами, заслоненными ревнивою тѣнью густыхъ садовъ; то вытянулась такими же рядами бѣлыхъ домовъ къ самому морю, въ двухъ трехъ мѣстахъ отъ берега немного отступила, давая мѣсто песчанымъ отмелямъ, на которыя сегодня съ глухимъ шумомъ набѣгало море. Въ комьяхъ слипшихся домовъ оказывались еще болѣе крошечныя площади и узенькія, гдѣ стоитъ вѣчная тѣнь, улицы. Въ этихъ улицахъ кровли открытыхъ балконовъ чуть не цѣлуются, и хорошимъ сосѣдямъ не надо даже наклоняться другъ къ другу, чтобы шепотомъ насплетничать на своихъ ближнихъ. Нигдѣ нѣтъ такихъ сытыхъ и благополучныхъ падре, такихъ толстыхъ и неподвижныхъ бабищъ, своей архитектурою напоминающихъ египетскій стиль; такихъ красавицъ дѣвушекъ, съ пламенными глазами и наивными улыбками на ихъ художественно очерченныхъ лицахъ; та-

кихъ невѣроятныхъ рантьеровъ, въ расшитыхъ золотомъ ермолкахъ, которые цѣлые дни готовы сидѣть у себя на террасахъ, какъ сытые коты, жмурясь на солнце и забывая даже сверхъ бѣлья набросить на себя что-нибудь, ради приличія. Тамъ, гдѣ зелень застилаетъ стѣны на домахъ, въ меланхолической тишинѣ звучатъ полувосточныя, изъ далекой Африки перелетѣвшія сюда пѣсни. Гдѣ, напротивъ, дома отодвинули сады, слышится непрекращающійся трескъ колесъ на мостовой, щелканье кнутовъ, крики словно разомъ взбудораженныхъ людей, хохотъ молодежи, треньканье гитаръ и мандолинъ. Ноющіе напѣвы шарманокъ, назойливыя выманиванія слѣпыхъ нищихъ, лай собакъ, глухія и хриплыя приглашенія ощетинившихся сѣдыми усами и бородами почтенныхъ маринайевъ (рыбаковъ) купить у нихъ только-что выловленную рыбу, висящую на длинныхъ связкахъ въ ихъ большихъ мозолистыхъ лапищахъ. Откровенная на всю улицу бесѣда, «какъ бы по секрету», между какимъ-нибудь giovinotto, задравшимъ кудлатую голову вверхъ, и его ragazza, вышедшею на балконъ и дразнящей его оттуда. Изрѣдка въ этой кутерьмѣ послышатся ругань и крики, но дѣло не разрѣшается нашею дракою! Крики ростутъ шире, борящіеся кричатъ, возбуждаются, наконецъ—сверкнетъ ножъ и на влаж-

ныя плиты мостовой валится, обливаясь кровью, одинъ изъ зачинщиковъ.

— Что̀ случилось?—сбѣгаются сосѣди изъ всѣхъ переулковъ.

— Э! Такъ себѣ, ничего... Piccola coltellata (маленькая поножовщина).

— То-есть какъ-же маленькая?—удивляетесь вы.

— Такъ, онъ ему выпустилъ *немного* кишокъ.

Это въ порядкѣ вещей. Сидящіе въ дверяхъ лавокъ и магазиновъ благополучные толстые брюнеты, на созданіе которыхъ пошло безъ числа всякихъ spagetti, tagliattelli и другихъ maccheroni, не особенно даже удивлены этимъ. «Великое дѣло — поножовщина, да прежде каждый день на нашей улицѣ случалось это. Только иностранцамъ въ диковинку, а ужъ никакъ не намъ!.. Ныньче еще народъ мельче, малодушнѣе сталъ—а когда-то!..

Мета такъ понравилась нашимъ спутникамъ, что они хотѣли-было не ѣхать дальше и остановиться здѣсь.

Они высмотрѣли даже маленькій пансіончикъ. Леокадія Леонтьевна уже вызвала хозяйку и начала съ ней переговоры, какъ вдругъ Лаубе по-русски сказалъ ей:

— Постой!.. Послушай!..

Въ самомъ дѣлѣ, вверху разговаривали по-

русски. Лаубе, съ слѣпымъ страхомъ, повернулъ назадъ къ великому изумленію хозяйки, живописавшей ему прелести своего отельчика.

— Что же ты испугался?—взбѣсилась Леокадія.—Вѣдь если бояться русскихъ—дѣваться некуда. Они вездѣ есть.

— Нѣтъ, такъ, такъ!—неловко оправдывался Лаубе.

Они сѣли въ коляску и поѣхали дальше въ Сорренто.

Картины моря и береговъ были здѣсь еще изумительнѣе. Казалось, чѣмъ ближе къ этому городу, тѣмъ природа старалась пышнѣе развернуть свои богатства.

— Какъ хорошо, какъ хорошо!—повторяла Леокадія.

XX.

Наканунѣ дня, назначеннаго Мякининымъ для взрыва, онъ цѣлое утро просидѣлъ съ Сержемъ Клюквеннымъ... Тотчасъ же, какъ Мякининъ уѣхалъ, Сержъ отправился въ редакцію «Столичной Мухи».

— Новости!—кричалъ онъ еще издали.

— Что̀ такое?—обступили его.

— Можете печатать, что банкиръ Альбертъ Лаубе сбѣжалъ.

— Какъ, куда?!

— Знаю пока, что нѣсколько дней назадъ онъ взялъ заграничный паспортъ и уѣхалъ, а сегодня его друзья—именно, Мякининъ и Крюдлихъ, пославъ ему въ Берлинъ телеграмму по назначенному имъ же адресу, получили въ отвѣтъ, что Лаубе тамъ никогда и не было... Они справились, — конторѣ его тоже неизвѣстно мѣстопребываніе хозяина. Я сейчасъ бесѣдовалъ съ Мякининымъ,—онъ ѣздилъ къ Кенигу. Кенигъ ничего не знаетъ и растерялся окончательно. Еще никто изъ вкладчиковъ не являлся,—но если явятся, ничего не получатъ, потому что въ кассахъ банка не найдется и десяти тысячъ рублей...

Газета была все-таки осторожна. Редакція не повѣрила Сержу Клюквенному и послала своего репортера узнать въ чемъ дѣло.—Тотъ вернулся черезъ часъ, повидавшись съ Кенигомъ. Все, что разсказывалъ Сержъ, оказалось правдой. Репортеръ выдалъ себя за желающаго положить свои деньги въ банкъ на текущій счетъ. Кенигъ жался, жался и попросилъ его подождать, пока онъ узнаетъ, гдѣ ихъ хозяинъ. Тогда «Столичная Муха» рѣшилась дѣйствовать рѣшительно. Замѣтка: «Гдѣ Альбертъ Лаубе?» была послана въ типографію,— и утромъ Петербургъ былъ оглушенъ новостью: «Лаубе уѣхалъ, Лаубе нѣтъ».—Можетъ быть

онъ путешествуетъ для собственнаго удовольствія,—но въ кассахъ банка нѣтъ денегъ. Всѣ они были собраны и увезены съ собою хозяиномъ. Гдѣ хозяинъ? Потомъ слѣдовало нравоученіе: «мы не разъ предупреждали публику не довѣряться американской предпріимчивости разныхъ неизвѣстностей, которыхъ у насъ такъ легко возводятъ въ финансовые геніи... Насъ не слушали,—результаты на лицо. Десятки тысячъ людей могутъ быть разорены до тла. Мы это смѣло говоримъ, потому что контора вчера отказывалась даже принимать вклады...» Точно громъ разразился надъ Петербургомъ. Мякининъ и Крюдлихъ взяли карету—послѣдній боялся появиться такъ, его бы узнали—и поѣхали по Невскому. Еще издали казалось, что море вышло изъ береговъ и шумитъ, ворвавшись въ улицы города... Карета должна была остановиться. Стояли конки, извозчики. Невскій противъ банкирскаго дома Лаубе былъ запруженъ народомъ. Полиція оказывалась безсильной; городовые только моргали, глядя на этихъ плакавшихъ, кричавшихъ, шумѣвшихъ, обезумѣвшихъ до послѣдней степени несчастныхъ, вчера еще бывшихъ достаточными и обезпеченными людьми, а сегодня сдѣлавшихся нищими. На первыхъ порахъ трудно было разобраться въ этомъ стихійномъ гулѣ проклятій, бѣшенства и неистовства. Толпа куда-

то стремилась, чего-то хотѣла. Въ рукахъ у людей были какія-то бумаги,—то и дѣло изъ этой массы подымались руки съ этими бумагами и потрясали ихъ... Въ смятеніи и гамѣ выдавались плакавшія безсильно женщины. Какую-то старуху тутъ же параличъ разбилъ, и ее съ болтавшимся языкомъ и налитою кровью головой выносили вонъ... Дальше толпа невольно разступилась. Старикъ, священникъ, только-что кричавшій, что онъ отдалъ въ контору приданое дочерей своихъ, упалъ въ падучкѣ и забился такъ, что и безъ того потрясенные собственнымъ горемъ сосѣди отступили отъ него съ ужасомъ... Совсѣмъ потерявшіе соображеніе вкладчики банка съ разбѣгу бросились въ толпу, раскидывали людей направо и налѣво, дорывались до дверей банка, гдѣ ихъ едва-едва останавливалъ цѣлый отрядъ полицейскихъ. Тамъ въ то время былъ уже слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, прокуроръ, жандармы. Съ оторопѣвшаго Кенига снимали показанія, но, я думаю, стѣна могла бы ихъ дать больше, чѣмъ онъ. Бѣдный только повторялъ: «я такъ вѣрилъ хозяину, такъ вѣрилъ ему, но вотъ!» Но что «вотъ»—оставалось неизвѣстнымъ. Картины горя были такъ ужасны, что Крюдлихъ, сидѣвшій въ каретѣ, вдругъ разрыдался.

— Я не могу, я не могу больше... Я поѣду

домой. Это слишкомъ, слишкомъ ужасно...— И онъ уѣхалъ, оставивъ Мякинина одного.

Этотъ былъ нечувствителенъ, и не безъ любопытства всматривался въ толпу. Вотъ рядомъ съ нимъ стоитъ красивая дама. Хорошо одѣта. Она совершенно потеряла сознаніе. На лицѣ закостенѣлъ какой-то испугъ, глаза расширились... Еще моментъ, и она сойдетъ съ ума... Вотъ старикъ — точно въ столбнякѣ, только по щекамъ его текутъ слезы... Какой-то лабазникъ кидался то къ одному, то къ другому, хваталъ кого-то за шиворотъ и хрипѣлъ: «подавай мои деньги, подавай, у меня онѣ кровныя, съизмальства наживались...» Въ саняхъ подъѣхалъ купецъ, весь возбужденный. Шапка у него въ рукахъ, волосы разбросались.

— Батюшки, голубчики, ужли-жъ правда?.. —Но сама дѣйствительность передъ нимъ. Онъ хотѣлъ сойти съ саней, что-то сказать,—и вдругъ лицо его багровѣетъ, и онъ валится лицомъ внизъ. Должно быть, ударъ хватилъ бѣднягу. Рядомъ съ Мякининымъ стоитъ какой-то мѣщанинъ. И одѣтъ, какъ одѣвались когда-то мѣщане. Долгополый сюртукъ, волосяной галстукъ, тесемки манишки торчатъ назади. На головѣ картузъ.

— Горя-то, горя!—повторяетъ онъ.—Горя-то, горя... Что океанъ-море разольется теперь нужда лютая... Всѣ эти нищими стали!...

— Вы то же попались?—спрашиваетъ его Мякининъ.

— Меня мало. Моихъ три тысячи было. Богъ съ ними, а вотъ этихъ жаль. У кого на младенцевъ были положены, у кого на дочерей... Теперь всѣ обездолѣютъ. Ахъ ты жадность людская!... Теперь поди ищи его, Лауба этого самаго... А и найдешь,—какая въ немъ корысть, денежки-то у него, должно, давно припрятаны по хорошимъ мѣстамъ...

Но вотъ въ толпѣ слышится зычный крикъ:

— Я не потерплю... Я не для мошенниковъ горбомъ наживалъ... Я государю моему — генералъ. Я къ царю дойду. Онъ меня нищимъ сдѣлалъ. Все, все, что у меня было — я отдалъ...

Мякининъ оборачиваетъ туда глаза: генералъ Ахвердовъ продирается сквозь толпу. Глаза у него налились кровью, руки сжаты въ кулаки. Вотъ онъ останавливается передъ священникомъ и сообщаетъ ему:

— Моихъ, батюшка, четыреста тысячъ слишкомъ. Почти полмилліона!

Батюшка въ иное время выслушалъ бы, пособолѣзновалъ, но самъ остался нищимъ, отдалъ послѣднія пять тыщенокъ... Мякининъ, замѣтивъ Ахвердова, уже не теряетъ его изъ виду... Наконецъ и генералъ останавливаетъ на немъ глаза.

— И вы попались? — кричитъ онъ черезъ головы толпы.—И вы попались, а? Что же это будетъ такое теперь?!... Моихъ 450,000!!! Поймите вы это... Почти полмилліона. Я этого такъ не оставлю.. Четвертовать его каналью... Мало—живьемъ сжечь!...

Мякининъ дѣлаетъ ему знаки. Ахвердовъ брюхомъ пробиваетъ себѣ дорогу въ нему.

— Вѣдь я же вамъ тогда говорилъ, помните!...—укорилъ его Мякининъ.—Вѣдь я же вамъ тогда говорилъ, чтобы вы взяли свои деньги обратно... Мнѣ жаль было васъ. Своихъ я не тронулъ,—но у меня какія же—тысяча, другая—и обчелся...

— Да, да, вы говорили... точно!—вдругъ вспомнилъ Ахвердовъ. И за голову схватился.—Вы говорили, точно... Да, да, вы говорили мнѣ, а я, старый дуракъ, васъ не послушалъ. Нѣтъ, не послушалъ. Истинно старый дуракъ. Я и пошелъ взять деньги,—что же бы вы думали?—Лаубе даже радость выразилъ. «Меня, говоритъ, стѣсняютъ теперь вкладчики,—сейчасъ, сдѣлайте одолженіе, получите обратно, а для новыхъ вкладовъ у меня процентъ-то будетъ поменьше». Я, дуракъ, и попался. Жалко мнѣ стало терять хорошій процентъ, я и оставилъ, и оставилъ... А сегодня утромъ приносятъ мнѣ «Столичную Муху»—и вотъ! Но я его, каналью, найду... найду... Я его со

дна моря, шельму, выловлю... Онъ отъ меня за облаками не скроется! Подлецъ этакій...

— Вотъ что, генералъ... Вы дѣйствительно его хотите поймать?...

— Да, разумѣется... Еще бы!

— Что, если я вамъ помогу въ этомъ?

— Вы?... Вы?.. — генералъ-было раскрылъ объятія, но потомъ вдругъ опомнился и поморгалъ, поморгалъ глазами на Мякинина.

— А какъ вы сами его отыщете? Сами-то вы какъ?

— Вы мнѣ говорите толкомъ, хотите его найти или нѣтъ?... Да или нѣтъ? Хотите, тогда мы съ вами потолкуемъ. Нѣтъ — прощайте... И, разумѣется, толковать будемъ не здѣсь, а у Крюдлиха: Крюдлихъ его ненавидитъ отъ всей души... И онъ однимъ чутьемъ дойдетъ до него. У Крюдлиха есть концы...

— А вы, а вы тутъ причемъ?—и генералъ уже подозрительно уставился на Мякинина.

— Я... Я на свою долю оставлю только одну Леокадію Леонтьевну. Мнѣ больше ничего не надо.

— Благородный молодой человѣкъ! Благородный молодой человѣкъ!—и еще Антошка не успѣлъ опомниться, какъ Ахвердовъ заключилъ его въ свои широкія объятія.

— Помните только, генералъ, одно... Прежде всего намъ надо соблюденіе тайны... тайны.

Завтра мы съ вами поѣдемъ къ градоначальнику и попросимъ приказъ объ арестованіи Лаубе, гдѣ бы мы его ни встрѣтили. Мое условіе одно: ни подъ какимъ видомъ Леокадіи не трогать. Вамъ деньги—мнѣ ее.

— Да, да, — немедленно согласился генералъ. — Намъ деньги,—а вамъ ее... А вы думаете, что я получу свои деньги?

— Пожалуй, что потеря будетъ, но небольшая. Во всякомъ случаѣ, большую часть воротите.

— Благородный молодой человѣкъ! О, какъ я каюсь, что тогда не послушалъ васъ...

— Я теперь отлично понимаю. Вы это его и напугали. Онъ, значитъ, тотчасъ послѣ вашего визита къ нему и удралъ.

Совѣтъ, который держали они у Крюдлиха, окончился рѣшеніемъ: «добыть необходимое удостовѣреніе и ѣхать въ погоню за Лаубе». На другой день они предъявили куда слѣдуетъ телеграмму, полученную отъ Леокадіи, и имъ немедленно выдали сертификатъ. Имъ предложили даже переодѣтыхъ полицейскихъ чиновниковъ, но Крюдлихъ справедливо разсудилъ, что чѣмъ менѣе будетъ народу, тѣмъ лучше.

Мякининъ уложился въ тотъ же вечеръ.

На другой день всѣ они уѣхали... Въ Берлинѣ они нашли телеграмму изъ Базеля. Въ

Базелѣ ихъ ждала такая же изъ Сорренто. Но ее Мякининъ уже никому не показалъ. Онъ прочелъ: «Живемъ въ Сорренто, въ отелѣ Викторіи, пріѣзжайте»... Прочтя, онъ изорвалъ ее въ мелкіе куски.

— Ну, что, есть? — набросились на него Ахвердовъ и Крюдлихъ.

— Какъ же, какъ же, есть...—онъ зарылся по карманамъ.—Господи, да куда же я ее дѣвалъ,—бросился искать—и ничего, разумѣется, не нашелъ. Да я ее, впрочемъ, и такъ помню. Чего тутъ. Они остановились въ Неаполѣ, въ отелѣ Royal... — и принялся опять безуспѣшно искать телеграмму.

Передохнувъ въ Базелѣ, они черезъ Сентъ-Готардскую дорогу, Миланъ, Геную и Римъ отправились въ Неаполь. Поздно ночью прибыли туда—кинулись въ отель Royal, спросили: здѣсь ли такіе-то, причемъ Крюдлихъ и Мякининъ должны были удерживать генерала Ахвердова, который грудью стремился куда-то переть и кого-то уничтожить. Попадись ему Лаубе въ эту минуту—онъ бы его убилъ. Къ крайнему ихъ удивленію, оказалось, что въ отелѣ Royal такихъ нѣтъ.

— Что мы за недогадливые люди! — засмѣялся Мякининъ.—Да развѣ они запишутся своей настоящей фамиліей?

— Разумѣется нѣтъ, разумѣется нѣтъ!—

обрадовался Ахвердовъ.—По крайней мѣрѣ—я бы не записался.

— Ну вотъ видите!..

И они до утра должны были успокоиться на этомъ.

Всю ночь Мякининъ не спалъ. Онъ даже не раздѣвался. Онъ сидѣлъ на балконѣ. Ни лунный блескъ, ни красота Неаполитанскаго залива, ни огнемъ дышавшій Везувій не занимали его. Онъ думалъ, думалъ и думалъ. Надо было до мелочей обсудить все. Надо было сдѣлать это дѣло такъ, чтобы комаръ носу не подточилъ... Когда разсвѣло и когда изъ аметистовыхъ водъ выступилъ вдали дивный Капри, когда дома Неаполя, казалось, загорѣлись краснымъ пламенемъ, а волны въ заревомъ багрянцѣ бились о коралловые берега—его программа была готова. Онъ ее формулировалъ кратко: «Лаубе имъ, деньги и Леокадію мнѣ!»

— Ну, господа,—обратился онъ къ окнамъ, за которыми спали Крюдлихъ и Ахвердовъ,—скоро маски долой. Я вамъ своей добычи не уступлю, и не для того я возился съ вами... Совсѣмъ не для того... А теперь, addio.

И онъ легъ спать, но едва успѣлъ сомкнуть глаза, какъ его разбудили. Цѣлое утро сидѣли въ вестибюлѣ отеля, потомъ пошли въ столовую — видѣли всѣхъ, здѣсь остановившихся — Лаубе и Леокадіи Леонтьевны не

Базелѣ ихъ ждала такая же изъ Сорренто. Но ее Мякининъ уже никому не показалъ. Онъ прочелъ: «Живемъ въ Сорренто, въ отелѣ Викторіи, пріѣзжайте»... Прочтя, онъ изорвалъ ее въ мелкіе куски.

— Ну, что, есть? — набросились на него Ахвердовъ и Крюдлихъ.

— Какъ же, какъ же, есть...—онъ зарылся по карманамъ.—Господи, да куда же я ее дѣвалъ,—бросился искать—и ничего, разумѣется, не нашелъ. Да я ее, впрочемъ, и такъ помню. Чего тутъ. Они остановились въ Неаполѣ, въ отелѣ Royal... — и принялся опять безуспѣшно искать телеграмму.

Передохнувъ въ Базелѣ, они черезъ Сентъ-Готардскую дорогу, Миланъ, Геную и Римъ отправились въ Неаполь. Поздно ночью прибыли туда—кинулись въ отель Royal, спросили: здѣсь ли такіе-то, причемъ Крюдлихъ и Мякининъ должны были удерживать генерала Ахвердова, который грудью стремился куда-то переть и кого-то уничтожить. Попадись ему Лаубе въ эту минуту—онъ бы его убилъ. Къ крайнему ихъ удивленію, оказалось, что въ отелѣ Royal такихъ нѣтъ.

— Что мы за недогадливые люди! — засмѣялся Мякининъ.—Да развѣ они запишутся своей настоящей фамиліей?

— Разумѣется нѣтъ, разумѣется нѣтъ!—

обрадовался Ахвердовъ.—По крайней мѣрѣ— я бы не записался.

— Ну вотъ видите!..

И они до утра должны были успокоиться на этомъ.

Всю ночь Мякининъ не спалъ. Онъ даже не раздѣвался. Онъ сидѣлъ на балконѣ. Ни лунный блескъ, ни красота Неаполитанскаго залива, ни огнемъ дышавшій Везувій не занимали его. Онъ думалъ, думалъ и думалъ. Надо было до мелочей обсудить все. Надо было сдѣлать это дѣло такъ, чтобы комаръ носу не подточилъ... Когда разсвѣло и когда изъ аметистовыхъ водъ выступилъ вдали дивный Капри, когда дома Неаполя, казалось, загорѣлись краснымъ пламенемъ, а волны въ заревомъ багрянцѣ бились о коралловые берега—его программа была готова. Онъ ее формулировалъ кратко: «Лаубе имъ, деньги и Леокадію мнѣ!»

— Ну, господа,—обратился онъ къ окнамъ, за которыми спали Крюдлихъ и Ахвердовъ,— скоро маски долой. Я вамъ своей добычи не уступлю, и не для того я возился съ вами... Совсѣмъ не для того... А теперь, addio.

И онъ легъ спать, но едва успѣлъ сомкнуть глаза, какъ его разбудили. Цѣлое утро сидѣли въ вестибюлѣ отеля, потомъ пошли въ столовую — видѣли всѣхъ, здѣсь остановившихся — Лаубе и Леокадіи Леонтьевны не

еще хранится у женщинъ Неаполитанскаго и Салернскаго заливовъ. Къ бѣлымъ домикамъ точно прилѣпились бѣлыя каменныя ступени лѣстницъ, солнце жгло ихъ сегодня во всю и затопляло своимъ золотистымъ свѣтомъ красиво очерченную за Punta di Sorrento—Искію. Вся она съ Монте Эпомео, тонувшей конусомъ въ чистыхъ небесахъ, являлась цѣльною глыбою голубого, съ бѣлесоватыми жилками, фарфора. Между Искіей и Прочидой, весь горѣлъ огненными бликами проливъ. Казалось, лучи зажигали тамъ море, и оно пылало неудержимо, и въ его золотѣ тихо купались два слившіеся въ одинъ острова: крошечный Виваро и длинная. словно во весь свой ростъ отъ усталости раскинувшаяся, Прочида. На ея темно-синемъ лиловомъ силуэтѣ мерещились свѣтлые призраки мирнаго и тихаго городка — поэтичнаго въ своемъ вѣчномъ молчаніи, словно выросшаго изъ скалъ зачарованнаго острова, какъ лилія подымается изъ земли, щедро напоенной солнцемъ. За Прочидой—полувоздушная даль того же моря. На краю горизонта она сливается съ небомъ, не знаешь, гдѣ начинается одно и кончается другое... Вотъ въ этомъ смутномъ просторѣ — миражъ корабля, плывущаго на всѣхъ парусахъ. Въ небѣ онъ или движется по медлительнымъ средиземнымъ волнамъ?.. А дальше-то дальше! Мысъ Мизенъ! Съ ка-

кимъ изяществомъ онъ чуть-чуть различается надъ голубымъ просторомъ. Онъ ли это или его фантомъ? Такъ онъ прозраченъ, легокъ. Кажется, потянетъ вѣтромъ—и исчезнетъ это видѣніе счастливаго уголка, которому столько поэтовъ посвятили свои вдохновенныя строки. Еще мягче за нимъ рисовался заливъ Байя. Воображеніе невольно приковывалось къ нему и жадно искало чудныхъ виллъ, гдѣ римляне когда-то забывались въ заколдованномъ снѣ, гдѣ Виргилій находилъ краски и звуки для своихъ пѣсенъ и гдѣ теперь, въ печальномъ одиночествѣ, еще стройныя и величавыя, стоятъ руины меланхолическаго, оставленнаго среди безлюдья храма Діаны. Если взять бинокль и пристально всмотрѣться—напряженному взгляду почудятся каменныя глыбы изящныхъ своимъ запустѣніемъ развалинъ. Невольно приходятъ на память стихи, вылившіеся въ виду чудной Байи и этого одинокаго храма:

Я посѣтилъ страну развалинъ и садовъ,
Оставленныхъ богинь, развѣнчанныхъ боговъ,
Гдѣ тихо зыблются каштаны и оливы,
Гдѣ ночь освѣжена дыханьемъ южныхъ грозъ,
Гдѣ воздухъ напоенъ благоуханьемъ розъ..
Я посѣтилъ его—край тихій и счастливый!..
Я помню старый храмъ. На кровлѣ лавръ шумитъ,
По мрамору колоннъ зеленый плющъ обвился.
Тамъ портикъ рушился и жертвенникъ разбитъ,
Но въ полночь прошлую тотъ храмъ вдругъ оживился.

Звучалъ воздушный хоръ невидимыхъ жрецовъ,
Рука незримая кидала сверху розы...
И поднялъ я одну.. Среди ея листовъ,
Казалося, еще не осушились слезы...
О, спой мнѣ, соловей, кто слезы тѣ излилъ,
Кто тамъ, невѣдомый, молился и любилъ!

Да... Куда дѣлся этотъ чудный, поэтическій міръ? Куда? Гдѣ роскошная Байя? Мертвые не воскресаютъ! Вотъ изъ-за Низиды,— острова, похожаго на куполъ восточной мечети, и какъ она, казалось, выложеннаго голубыми изразцами, такъ были ярки его краски,— точно молочная пѣна на берегу бѣлѣлъ уголокъ веселаго Поццуоли, гдѣ такъ красивы женщины и беззавѣтна молодежь! Тамъ до сихъ поръ не для путешественниковъ, а для себя танцуютъ «тарантеллу» и поются нѣжныя пѣсни, то радостныя, то грустныя, цѣлыми роями являющіяся на свѣтъ, чтобы взволновать человѣческую душу и погаснуть, смѣшаться съ другими роями такихъ же нѣжныхъ, звучныхъ, вздрагивающихъ своими нѣжными крылышками въ тепломъ воздухѣ. Весь въ золотистыхъ и лиловыхъ тонахъ за Низидой мысъ Ла-Байола. Взглядъ старается разобрать каждую складку этого берега, и досадно, что даль скрываетъ малѣйшія его очертанія. Въ этой чудной поэмѣ Неаполитанскаго залива всякая строка полна художественной красоты,

всякое слово имѣетъ свое значеніе, и досадно, когда эти слова и строки сливаются въ трудно различаемое марево. Тихо и медлительно за Ла-Байолой поднимаются берега. Вотъ чуть-чуть намѣченъ миражъ Позилиппо. Въ этомъ бѣлесоватомъ пятнѣ невольно отыскиваешь смутный профиль полуразрушеннаго, но все же великолѣпнаго въ своей царственной мрачности—дворца донны Анны. Онъ мерещится съ своими темными окнами, рухнувшей кровлей, надъ которой на толстыхъ стѣнахъ поднялись лавры, розы, оливки, платаны. Словно чуть тронутый фіолетовою краскою, едва различается полукругъ Мерджелины, гдѣ волны съ такимъ влюбленнымъ лепетомъ набѣгаютъ на ласковые берега, гдѣ напѣвъ моря такъ гармонически сливается съ звучнымъ говоромъ рыбаковъ. И дальше, стройный какъ сонъ молодого художника, цѣльный какъ сама природа, сіяющій издали розовымъ блескомъ, будто весь выточенный изъ коралла Неаполь! Сѣрая масса Сантъ-Эльмо надъ нимъ хмурится, нисколько не смягчаемая веселою улыбкой бѣломраморной чертозы Сантъ-Мартино, такъ любовно и нѣжно прислонившейся къ этой холодной и угрюмой твердынѣ. Вонъ въ море вдвинулся мрачнымъ форпостомъ Кастелъ-дель-Ово. Не знаешь, гдѣ начинаются стѣны его средневѣковыхъ башенъ, гдѣ кон-

чается скала. Или первыя только продолженіе второй въ высоту? Бухта Партенопеи съ черточками безчисленныхъ судовъ. Берега все ниже и ниже, къ самому морю спустились; слились съ нимъ, приникли къ волнамъ и также тихо и незамѣтно поднимаются дальше къ востоку, чтобы нежданно взвиться массою Везувія, властелина всего окрестъ, поднявшаго высоко въ голубое небо свой огненный мечъ, какъ торжествующій гладіаторъ надъ павшимъ бойцомъ. Къ ногамъ его прижалась Портичи-Резина, подъ которою въ вѣчной тьмѣ стоитъ заживо схороненный Геркуланумъ. Вонъ бѣлое марево Торре-дель-Греко. За нимъ зеленая Кампанья, вся въ садахъ и виллахъ, и словно сбѣжавшій въ кучку къ самому морю городокъ веселыхъ людей—Торре-Анунціата. Какъ закончена и красива вся эта картина! Кажется, прибавь одну черточку или отними ее—и впечатлѣніе исчезнетъ, и ничего отъ него не останется. Тихо и нѣжно любуется небо этимъ чуднымъ созданіемъ Божественнаго художника. Посмотрите на дымъ Везувія! Онъ съ востока на западъ въ высотѣ протянулся черезъ весь заливъ и, точно облачный мостъ, искрится подъ солнцемъ. Какіе дýхи и призраки скользятъ по его колеблющейся поверхности? Ночью онъ весь озаряется багровыми отблесками зарева. Не такое ли же облако шествовало въ

пустынѣ передъ Израилемъ, бѣлое днемъ, огненное ночью? Отъ кратера внизъ къ самому морю, точно складки бархатной мантіи, падаютъ гребни и рытвины, складки, не оскорбляющія никогда взглядъ рѣзкостью или грубостью очертаній. Въ складкахъ этихъ дремлютъ тѣни, представляя безконечные переходы отъ розоваго къ темно-синему. Чуть выступаетъ бѣлая искорка обсерваторіи. Вонъ дальше, внизу, вырытая изъ-подъ пепла и лавы, брошена на открытомъ воздухѣ недвижная и бездыханная мумія Помпеи, отрытая, но не воскрешенная. И за Везувіемъ дальше, не отдѣляясь отъ горизонта и точно лишь намѣченные на немъ, воздушные, сквозные силуэты Монте-Верджино и Монте-Терміато, съ фантомомъ красиваго Авелино между ними. Ближе выдвинулась отъ южнаго берега залива и заслонила Кастелламаре и Вико-Экуензе тяжелая масса Punta di Scutello, обрушивающаяся отвѣсами сѣраго камня въ море. Отвѣсы расщепились. Всюду въ нихъ внизу мистически темнѣютъ входы въ гроты. Между этой массой и Сорренто—точно на пьедесталѣ, на горизонтальнообразной скалѣ спитъ задумчивая Мета, вся затопленная цѣлымъ наводненіемъ оливокъ, апельсинныхъ и лимонныхъ плантацій, гранатника, фигъ, орѣшниковъ и платановъ. Надъ этою пьянурой, въ горячемъ небѣ замерли вер-

шины Монте-Сантъ-Анджело, что залегли мощною грядою между двумя близнецами—одинаково прекрасными заливами—Неаполитанскимъ и Салернскимъ.

А море, море! Оно все точно эмалью подернуто и мерцаетъ, и струится, и разливается зеркальными плоскостями, и морщится синею зыбью, и кое-гдѣ разбрасываетъ по золотымъ отмелямъ причудливыя бѣлыя кружева свои, и розовѣетъ, и мѣняетъ фіолетовыя полосы на зеленыя и съ такимъ разнообразіемъ оттѣнковъ и красокъ уходитъ въ полувоздушную даль, что сколько ни смотри, какъ ни желай отгадать тайны капризнаго творчества художника-природы, нигдѣ не отыщешь законовъ сочетанія этихъ цвѣтовъ, не угадаешь, въ чемъ ихъ прелесть и сила...

Разумѣется, Леокадія Леонтьевна любовалась только цѣлымъ. Подъ вліяніемъ этой чудной панорамы, она какъ-то успокоивалась, душа ея сбрасывала мало-по-малу приставшую къ ней отъ петербургскаго тумана грязь. И останься она здѣсь одна—можетъ быть въ ней воскресли бы лучшія, очищающія чувства и мысли. Но не успѣла она еще уйти въ эти созерцанія, какъ на концѣ мраморной террасы отеля, гдѣ она сидѣла, послышался шорохъ. Леокадія подняла голову и обомлѣла. Она бы крикнула, еслибы Мякининъ не приложилъ палецъ къ

губамъ, подавая ей знакъ молчать во что̀ бы то ни было. Она встала и пошла къ нему.

— Гдѣ мы можемъ видѣться? — торопливымъ шепотомъ спросилъ онъ.—Гдѣ бы насъ никто, никто не замѣтилъ.

— Гдѣ же... — тоже шепотомъ отвѣчала она ему.—Въ саду народъ... Развѣ въ гротѣ?

— Въ какомъ гротѣ? Скорѣй только, скорѣй, теперь намъ дорога̀ каждая минута.

Она живо пошла въ садъ, гдѣ сильно пахло апельсинными цвѣтами. Дойдя до конца его, она повернула внизъ, тамъ былъ входъ въ подземную жилу—«гротто», которымъ отель Викторія соединяется съ моремъ и берегомъ. Леокадія Леонтьевна скользнула въ полумракъ этого хода внизъ. Мякининъ живо догналъ ее. Она обернулась и бросилась ему на шею.

— Гдѣ онъ, гдѣ онъ?—торопилъ ее Антоніо.—Мнѣ теперь не до этихъ нѣжностей.

— Здѣсь, въ отелѣ... Представь, выкрасился въ черное. Сдѣлался какимъ-то зеленымъ брюнетомъ...

— Ты все о пустякахъ... Деньги-то при немъ? Удалось ему собрать ихъ... а?—И если бы въ темнотѣ Леокадія Леонтьевна умѣла различать, она бы испугалась той жадности, которая загорѣлась въ глазахъ у Мякинина.

— Да, да, всѣ, всѣ у него.

— Тогда сейчасъ, сейчасъ къ нему. Ты

поди первая, какъ-будто меня не видала совсѣмъ. Слышишь. Я сейчасъ за тобой.

Сидя у себя на кровати, Лаубе, или, иначе, фонъ-Штейнбахъ, пересчитывалъ деньги и предавался радужнымъ ожиданіямъ. Еще нѣсколько дней ему оставалось переждать, потомъ уѣхать, какъ онъ хотѣлъ, въ Сицилію, въ Палермо, оттуда, пожалуй, въ Алжиръ, и такъ до весны, когда изъ какого-нибудь испанскаго города—Барселоны или Кадикса—онъ отправится въ Америку. И непремѣнно на испанскомъ пароходѣ. За ними и надзора меньше.

Рядомъ въ комнату вошла Леокадія Леонтьевна.

— Это ты?—спросилъ ее Лаубе.

Она бы ни за что̀ не показала ему сейчасъ своего взволнованнаго лица. Она отвѣтила ему короткимъ «да» и сѣла въ кресло, вся трепеща отъ предчувствія чего-то страшнаго, что̀ сейчасъ, сію минуту должно разыграться рядомъ...

— Тебѣ надоѣло сидѣть вѣрно на террасѣ?

— Да, солнце печетъ,—отвѣтила она.— Жарко становится.

XXII.

Лаубе успокоился и только-что хотѣлъ позвонить лакею,—въ это время Альбертъ Вильгельмовичъ любилъ всегда пить свой кофе, —какъ вдругъ въ комнатѣ рядомъ, у Леокадіи Леонтьевны, послышался странный крикъ. Лаубе схватился съ мѣста и замеръ. Вслѣдъ за крикомъ донеслось:

— Слава Богу, я нашелъ васъ! Можетъ быть еще во́-время, чтобы спасти моего друга Лаубе... Не бойтесь меня, Леокадія Леонтьевна, я другъ, а не врагъ. Гдѣ Лаубе, гдѣ Лаубе?..

Лаубе замеръ. «Неужели это Мякининъ? какъ онъ это нашелъ... Господи!.. Что это?..»

— Другъ Лаубе!—и Мякининъ бросился ему на шею, такъ что тотъ, ослабѣвъ отъ волненія, упалъ на постель.

Мякининъ живо обвелъ жаднымъ взглядомъ разбросанныя на ней пачки крупныхъ банковыхъ билетовъ: англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ,—и еще разъ крѣпко обнялъ Лаубе.

— Несчастный, что̀ ты надѣлалъ!..—всплеснулъ Антошка руками.

— Я... я ничего...—и окончательно растерявшись, Лаубе вдругъ проговорилъ:—Я толь-

ко хотѣлъ кофе пить, ей Богу—кофе, и ничего больше.

— Не о томъ. Какой кофе! Какъ я радъ, что нашелъ тебя раньше ихъ... Я изъ самаго Петербурга скакалъ за ними вслѣдъ... Они отдыхаютъ теперь,—а я по всему Неаполю, по всѣмъ окрестностямъ... И вотъ на удачу сюда... Спрашиваю, описываю наружность... Хоть ты и брюнетъ, но Леокадія Леонтьевна... О, какое счастье! Какъ это кстати, какъ это во́-время. Можетъ быть еще есть возможность спастись!

— Отъ кого?..—и Лаубе трепеталъ, какъ птичка предъ пастью удава.

Мякининъ не слушалъ его.

— Въ Петербургѣ скандалъ... Тебя разорветъ въ клочки народъ, если тебя привезутъ туда. Не можешь себѣ представить,—одинъ ужасъ, ужасъ и ужасъ!

Но Лаубе могъ представить, у него закружилась голова, и онъ упалъ въ обморокъ.

Мякининъ живо собралъ въ одну кучу деньги, бросилъ на нихъ свое пальто, и тогда уже привелъ въ себя друга.

— Если не поторопишься, сейчасъ, сію минуту—тебѣ конецъ. Ты слышишь: конецъ! Они будутъ, можетъ быть, черезъ самое короткое время здѣсь.

— Кто они? Кто?..—едва можно было различить голосъ Лаубе.

— Генералъ Ахвердовъ... Крюдлихъ... Два переодѣтыхъ полицейскихъ... Вотъ посмотри,— и онъ показалъ Лаубе бумагу, гдѣ значилось, что такое-то и такое-то учрежденіе просятъ оказать содѣйствіе генералу Ахвердову и потомственному почетному гражданину Крюдлиху въ поимкѣ и арестованіи бѣжавшаго изъ Петербурга банкира Альберта Лаубе (примѣты онаго суть...), обвиняемаго въ мошенничествѣ на сумму свыше 2.500,000 рублей. Когда Лаубе читалъ эту бумагу, руки у него трепетали и колѣни опять подкашивались.

— Я взялъ у нихъ какъ-будто посмотрѣть... Но я долженъ буду отдать... Ты знаешь,— мнѣ только спасти тебя...

— Другъ... Антонъ—и Лаубе вдругъ заплакалъ.—Спаси меня, спаси меня... Я... я все... я для тебя...

И онъ нежданно опустился передъ Мякининымъ на колѣни.

— Да вѣдь о чемъ же я и забочусь!.. О томъ, чтобы выручить. Я потому и изъ Питера скакалъ. Но главное, скорѣе прочь отсюда, прочь отсюда. Ты здѣсь въ опасности, страшной, неминучей. Сейчасъ, сейчасъ!

Мякининъ не давалъ Лаубе опомниться,— вскочилъ, позвонилъ, и когда лакей явился, приказалъ ему подать счетъ господину фонъ-Штейнбахъ.

— Укладывайся скорѣе и впередъ! О деньгахъ не безпокойся. Я ихъ сейчасъ соберу и заверну...

И пока ошалѣлый Лаубе комкалъ вещи, совалъ ихъ въ чемоданы, Мякининъ аккуратно вкладывалъ въ громадный портфель пачку за пачкой деньги и, окончивъ, заперъ его ключемъ и взялъ портфель себѣ. Не успѣлъ онъ еще кончить, какъ лакей вошелъ со счетомъ. Мякининъ швырнулъ ему деньги, далъ сто франковъ на чай, прибавивъ «на всѣхъ», и приказалъ немедленно, сію же минуту, нанять ему коляску съ самыми лучшими лошадьми въ Кастелламаре. Экипажи въ Сорренто всегда стоятъ на площади Торквато-Тассо, у памятника несчастнаго поэта... Не давая времени Лаубе опомниться, Мякининъ почти въ полуобморочномъ состояніи вытащилъ его, усадилъ въ коляску. Леокадія Леонтьевна помѣстилась рядомъ, Антошка съ портфелемъ занялъ мѣсто напротивъ. Теперь онъ ни за что бы не разстался съ своей добычей. Геніальный планъ свой онъ приводилъ въ исполненіе съ такой быстротой и энергіей, что Лаубе чувствовалъ лишь, что у него страшно кружится голова, что онъ погибъ, и если его кто и можетъ спасти, то только Мякининъ и одинъ Мякининъ, что теперь судьба его, свобода и жизнь въ рукахъ истиннаго друга, спѣшившаго за нимъ сюда...

— Ты помнишь Крюдлиха на желѣзной дорогѣ, когда ты уѣзжалъ? — ронялъ впопыхахъ Антошка.

— Да... да... Помню, помню...

— Ну вотъ, онъ вовсе не былъ такъ глупъ, какъ ты его считалъ... Онъ тогда слѣдилъ за тобою...

— О, Господи, Господи! Какъ я несчастливъ!.. Какъ я несчастливъ!..

— Не хнычь,—сурово приказалъ ему Мякининъ.—Не хнычь. Слезами не поправишь дѣло. Теперь нужно слушаться меня и свято исполнять все, что я прикажу. Не отступать ни на іоту отъ моихъ инструкцій, иначе ты арестантъ, и еще сегодня же вечеромъ на тебя надѣнутъ наручники и съ жандармами повезутъ въ Петербургъ. Ты знаешь, дѣло твое въ рукахъ у слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ...

— О, я буду слушаться. Только скажи, что мнѣ дѣлать?

— Во-первыхъ, надо разстаться пока съ Леокадіей Леонтьевной. Ее знаютъ. По ней найдутъ и тебя. Если ее застанутъ одну, она скажетъ, что ты ее бросилъ и самъ уѣхалъ невѣдомо куда. Вы умѣете плакать? – обратился онъ къ Леокадіи.

— Да, умѣю. Всѣ женщины умѣютъ... Что за странный вопросъ!

— Ну, вотъ! Умѣете и въ обморокъ падать? Если васъ застанутъ,—утопите ихъ слезами. Ругайте мужа. Вы ничего не знали. Онъ васъ довезъ до Неаполя и бросилъ на произволъ судьбы—и сейчасъ въ обморокъ. Онъ оставилъ васъ безъ гроша, понимаете... Вы и понятія не имѣли о томъ, что онъ бѣжалъ, укравъ чужія деньги! Что онъ мерзавецъ и преступникъ, понимаете?

Для увеличенія ужаса Лаубе, Мякининъ не жалѣлъ крупныхъ словъ.

— Васъ не тронутъ и выпустятъ. Арестовать велѣно его одного,—ткнулъ онъ пальцемъ въ Лаубе.

— А ты, дорогой другъ, - вдругъ впалъ въ чувствительный тонъ Мякининъ... — Страшно подумать, что было бы съ тобою, еслибы я не бросился вслѣдъ за ними изъ Петербурга. Что бы было, что бы было!..

Лаубе въ порывѣ схватилъ руку Мякинина и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Ну вотъ, а ты поселишься пока въ Неаполѣ... Въ отелѣ Royal, слышишь! Я взялъ тебѣ тамъ седьмой номеръ... Деньги при тебѣ не должны быть—отнюдь. Вотъ тысяча франковъ, тебѣ пока довольно... Или вотъ еще тысяча... Этого будетъ... Двѣ. Слышишь? Ну, на три!..

Лаубе кивалъ головой, желая показать, что

онъ понимаетъ. Холодъ ужаса пробѣгалъ по его спинѣ. Колѣни зябли. Зубы начинали стучать какъ въ лихорадочномъ пароксизмѣ.

— Все можетъ случиться. Если тебя схватятъ,—хоть я не думаю этого,—не падай, не падай въ обморокъ... Все можетъ случиться, понимаешь. Еслибы тебя, паче чаянія, схватили, денегъ при тебѣ не найдутъ... Тогда,—ты знаешь жадность Ахвердова,—я ему предложу вернуть его потерю.

— Только, — внезапно обрѣлъ даръ слова Лаубе,—не давай ему всѣхъ его 450,000. Онъ, можетъ быть, и на половину согласится.

— Неугодно ли?!—всплеснулъ руками Мякининъ. — Да развѣ въ такихъ случаяхъ разсуждаютъ!

— Ты все-таки поторгуйся...—слабо защищался Лаубе.

— Не стану! Пойми, что тебя надо спасти отъ каторги... въ рудникахъ... на Сахалинѣ! Тамъ вѣдь плетьми драть будутъ!—внезапно съимпровизировалъ Мякининъ.—Этотъ аргументъ окончательно убилъ Лаубе.

— Ну, ты понимаешь, если тебя схватятъ—деньги у меня и будутъ спрятаны. Ты, разумѣется, потомъ поблагодаришь меня. Если ты дашь мнѣ пятьдесятъ тысячъ—мнѣ будетъ довольно... совсѣмъ довольно. Мои потребности ограничены и артистическая карьера принесетъ

мнѣ впослѣдствіи сколько мнѣ надо. У меня у самого два милліона въ горлѣ.

— Я сто тебѣ дамъ... сто тысячъ!

— Ну, тамъ сочтемся. Мнѣ ты дорогъ, а не твои деньги. Я дружбу понимаю иначе. Слушай же: схватятъ тебя—я постараюсь войти въ соглашеніе: Крюдлиху—сто, Ахвердову его четыреста пятьдесятъ... Полиціи сколько придется... Если они не согласятся, то... то я найму итальянцевъ—и тебя освободятъ. Ты знаешь, здѣсь деньгами можно сдѣлать все. Въ Риголетто не забылъ Спирафучилло. Но помни — схватили тебя, спросятъ: гдѣ деньги?—Молчи. Нѣтъ-де денегъ. Слышишь? Я буду дѣйствовать чистымъ образомъ, а ты ничего не знаешь... Понялъ? А то, знаешь, еще лучше... Отвеземъ имъ всѣ эти деньги и отдадимъ. Ну, зачѣмъ тебѣ?

Лаубе съ неистовствомъ схватился-было за портфель.

— Это ты, вѣроятно, не понимаешь цѣну денегъ... А я... Какъ можно... Помилуй!..

— Ну, такъ значитъ мы останавливаемся на первомъ планѣ, да?.. Твое дѣло! я вѣдь не понимаю цѣны деньгамъ!

Лаубе кивалъ головою.

— Теперь ты спросишь, какъ я спрячу деньги? Очень просто. Я задѣлаю ихъ въ ящикъ и пошлю просто цѣнной посылкой на свое имя

въ Венецію. Слѣдовательно, гдѣ бы они ни стали искать здѣсь,—они бы ихъ не нашли.

Лицо Лаубе прояснилось.

— Я буду все время ихъ путать. Если они тебя, какъ и слѣдуетъ ожидать, не найдутъ, то выдержи нѣсколько дней въ Неаполѣ, въ отелѣ Royal. Лягъ въ постель, притворись больнымъ. Я выищу способъ бѣгства, и когда все будетъ устроено, заѣду за тобою. Если тебя схватятъ, я, чтобы не навлечь подозрѣнія, буду съ ними и стану тебя ругать. Ты не обращай на это вниманія. Я все это буду дѣлать, чтобы спасти тебя. Теперь относительно васъ, Леокадія Леонтьевна. Вамъ нельзя въ Неаполь. Вы должны остановиться гдѣ-нибудь тутъ. Я вамъ совѣтую отель Стабія въ Кастелламаре. Тамъ не будутъ искать.

Лаубе взялся руками за голову и сталъ ее раскачивать. Она у него страшно болѣла. Все въ его сознаніи путалось. Одно только было ясно—благородный Мякининъ можетъ спасти его и спасетъ. О, онъ ему дастъ за это сто тысячъ... непремѣнно дастъ. Въ самомъ дѣлѣ, какіе люди есть на свѣтѣ! Всѣ его бросили, всѣ теперь съ презрѣніемъ отвернутся отъ него—и только одинъ Антошка... одинъ. О, онъ его недостаточно цѣнилъ ранѣе. У Мякинина золотое сердце. Золотое сердце! Благородный, благородный, молодой человѣкъ!

Когда коляска доѣхала до Кастелламаре, Мякининъ, не выпуская тяжелаго портфеля изъ рукъ, вбѣжалъ по лѣстницѣ вверхъ, нанялъ комнату Леокадіи Леонтьевнѣ и успѣлъ незамѣтно для Лаубе шепнуть ей: «сейчасъ же послѣ насъ переѣзжай въ Поццуоли, въ англійскій пансіонъ Брайта. Я сегодня же навѣщу тебя тамъ. Здѣсь не останавливайся больше трехъ часовъ. Пообѣдай и по желѣзной дорогѣ въ Поццуоли. Я изъ Неаполя телеграфирую туда, чтобы тебѣ приготовили комнату...»

Затѣмъ, вдвоемъ съ Лаубе, они сѣли въ вагонъ желѣзной дороги и покатили въ Неаполь.

XXIII.

Трудно себѣ даже представить, что дѣлалось съ Лаубе въ эти немногіе часы. Мякининъ тоже нисколько не содѣйствовалъ его успокоенію.

— И зачѣмъ ты выбралъ Италію? Зачѣмъ выбралъ Италію? — нервно приставалъ онъ къ полумертвому Альберту Вильгельмовичу.—Какой злой духъ могъ тебѣ подсказать это! Здѣсь навѣрное, навѣрное случится катастрофа. Помни же, дорогой другъ, — если я буду оскор-

блять тебя, то ты такъ и понимай, что я играю роль, ты слышишь?.. Если они тебя поймаютъ и повезутъ, въ Венеціи у меня все будетъ приготовлено для твоего освобожденія. Не согласятся они тебя выпустить, все равно устроимъ иначе. Ты сядешь на рыбачье судно, тебя перевезутъ въ Каттаро или Антивари, а тамъ поминай какъ звали. Я даже бы хотѣлъ, чтобы они скорѣе накинулись на тебя, — вдругъ вырвалось у Мякинина. И когда Лаубе чуть не умеръ отъ этого, онъ ему пояснилъ.—Такъ они не дадутъ тебѣ покоя, а если схватятъ, то или сойдутся со мной относительно тебя, или, если ты бѣжишь, они потеряютъ терпѣніе и вернутся домой въ Россію, не солоно хлебавши!

Лаубе, полумертвый, кивалъ головой и точно подъ вліяніемъ гипноза соглашался. Онъ даже начиналъ думать, что дѣйствительно было бы хорошо, еслибы «они его поймали». Онъ, впрочемъ, самъ не понималъ ничего толкомъ. Мякининъ не давалъ ему своей суетой и торопливостью одуматься и выяснить свое положеніе. Онъ вѣрилъ только чувству дружбы «благороднаго молодого человѣка» и смотрѣлъ на него, какъ на Бога. Что до всего остальнаго, то въ головѣ несчастнаго поднимался какой-то звонъ. Въ ушахъ шумѣло, въ вискахъ стучали молотки. То и дѣло, несмотря на жару, его пронималъ ознобъ. На станціяхъ

ближе къ Неаполю—въ вагонъ стали входить пассажиры, горластые, черномазые, отчаянно жестикулировавшіе. Лаубе стало еще хуже, онъ чувствовалъ, что голова у него кружится... Когда они добрались до города, Мякининъ съ портфелемъ повелъ его къ выходу изъ вокзала, добылъ закрытую карету и довезъ его въ ней до отеля «Royal». Передъ подъѣздомъ онъ выбѣжалъ и спросилъ у швейцара—пріѣхали ли Ахвердовъ и Крюдлихъ? «Нѣтъ еще», отвѣтили ему. Ихъ не было. Онъ провелъ Лаубе къ себѣ, приказалъ ему сидѣть смирно, не шелохнуться. «Лучше всего, если ты заснешь». Заперъ его, ключъ положилъ въ карманъ и поѣхалъ съ портфелемъ — «задѣлать его и отправить въ Венецію цѣнною посылкою», какъ онъ живописалъ Лаубе. Вмѣсто этого, Мякининъ опять сѣлъ на желѣзную дорогу и покатилъ въ Кастелламаре. Ему казалось, что перепуганная всѣмъ случившимся Леокадія Леонтьевна не тронется съ мѣста безъ него. Ей будетъ страшно сдѣлать что-нибудь. Порядкомъ они вѣдь не могли объясниться при Лаубе, и, разумѣется, она находится теперь въ смертельномъ безпокойствѣ. Ее онъ такою и засталъ, какой ожидалъ увидѣть.

— Что же ты не уѣхала?—Но она растерянно бродила изъ угла въ уголъ.—Что же ты не поѣхала?

— Я знала, что ты не бросишь меня такъ, а одной мнѣ страшно... И она, наконецъ, дала волю истерическимъ рыданіямъ. Мякининъ успокоивалъ ее какъ могъ. Ему удалось это сдѣлать, лаская Здѣхонскую, и объяснить ей, что наконецъ-то теперь они счастливы, будущее— ихъ. Вотъ оно, это будущее, въ портфелѣ, съ нимъ! У Леокадіи были свои деньги, но это такая мелочь, о которой и говорить не стоитъ, въ сравненіи съ суммой, попавшей въ руки Мякинину. Въ ней не было жалости къ Лаубе, напротивъ, она ненавидѣла его и, вспоминая свою жизнь съ нимъ, невольно вздрагивала. Антошка отлично понималъ натуру женщины. Онъ завертѣлъ ей голову самыми страстными, бывшими въ его распоряжаніи ласками, зацѣловалъ ее и, наконецъ, замѣтивъ, что утомленная и разнѣженная, она уже больше не волнуется, приказалъ ей собрать вещи. Леокадія Леонтьевна безпрекословно послѣдовала за Мякининымъ въ Неаполь. «Въ Поццуоли не надо. Я тебя помѣщу пока въ Неаполѣ, но пока не увезутъ Лаубе, ты не должна выходить изъ комнаты. Я у тебя оставлю портфель *нашего друга*». И вдругъ глаза Мякинина подозрительно блеснули. «А что, если она удеретъ съ ними?» подумалъ онъ; но Леокадія смотрѣла на него такимъ влюбленнымъ, такимъ овечьимъ взглядомъ, что онъ опомнился. «Ну,

я ужъ кажется, слишкомъ, слишкомъ. Она баба глупая и неспособная ни на что рѣшительное». — «Я буду забѣгать къ тебѣ, когда можно, но пока эти Ахвердовъ и Крюдлихъ здѣсь—нельзя часто: выслѣдятъ. А какъ они его увезутъ, и я уѣду съ тобою. Пароходы изъ Неаполя отходятъ почти каждый день. Мы сначала бросимся въ Александрію и Египетъ. Тамъ никому не придетъ въ голову искать насъ... И русскихъ мало... А оттуда черезъ Индію... И поминай какъ звали! Свѣтъ великъ, гдѣ имъ искать Мякинина и его жену! Да, жену, потому что мы по пути обвѣнчаемся!..

Онъ отвезъ Леокадію Леонтьевну въ Grand-hôtel, на Villa nazionale, и оставилъ тамъ въ роскошномъ номерѣ, запретивъ ей выходить куда-нибудь.

— Запрись и сиди. Ты устала и легла спать, это такъ понятно! Потомъ—у тебя мигрень.

Была уже почти ночь.

Яркія звѣзды горѣли надъ Неаполемъ. Луна чуть прорѣзывалась въ первой четверти. Гулъ замирающаго города проносился вдалекѣ—съ балкона Леокадія Леонтьевна, сидя въ креслѣ, прислушивалась къ нему. Подъ ея ногами смутно рисовались вѣчно зеленыя деревья Villa nazionale, едва намѣчивались вдали ея пальмы.

Море ласкалось къ теплому берегу и вздыхало... «Ахъ, еслибы Мякининъ былъ здѣсь», думала она, вся горя желаніемъ чувствовать его здѣсь, около. Еще никогда ей не было такъ жутко ея одиночество! Чу... Въ ночномъ мракѣ вспыхнуло что-то... Еще и еще. Это тяжело огнемъ и дымомъ дышалъ Везувій.

Внизу послышалась граціозная пѣсня... Въ ночномъ прибоѣ засыпающаго моря сверкнули желтые огоньки на лодкахъ у рыболововъ.

Пахло магноліями. Голова влюбленной женщины кружилась... Сердце ныло...

XXIV.

Лаубе не зналъ, живъ ли онъ или уже умеръ.

Дѣло въ томъ, что когда ему надоѣло сидѣть въ креслѣ и тишина въ гостиной ободрила его—онъ полуотворилъ двери на балконъ и выглянулъ. Было еще свѣтло. Набережная передъ отелемъ Royal пустѣла. Смутное подозрѣніе стало закрадываться въ душу Альберта Вильгельмовича. Успокоеніе и сонъ принесли съ собой недовѣрчивость... Онъ сталъ думать: А если Мякининъ все навралъ?.. Если онъ воспользовался его деньгами и... и Леокадіей Леонтьевной? Нѣтъ, этого послѣдняго

не могъ допустить Лаубе. Если никакихъ Ахвердовыхъ нѣтъ здѣсь... И онъ бѣжалъ съ его деньгами?.. Леокадію оставилъ въ Кастелламаре, швырнулъ Лаубе три тысячи франковъ —выворачивайтесь-де какъ знаете!.. Заперъ его —а самъ теперь несется по желѣзной дорогѣ... Когда эта мысль пронизала острою сталью голову Лаубе—онъ готовъ былъ броситься съ балкона, поднять шумъ, тревогу, но смутная боязнь скандала еще удерживала его на нѣсколько минутъ. Онъ бы и сдѣлалъ все это— еслибы не взглянулъ еще разъ съ балкона на набережную. Взглянулъ, похолодѣлъ— и сразу и окончательно повѣрилъ Мякинину... Ахвердовъ!.. Самъ Ахвердовъ, понурясь (какъ онъ похудѣлъ, однако!—соображалъ Лаубе), подходилъ съ той стороны, гдѣ круглились громадными шапками деревья надъ моремъ... Онъ вошелъ въ гостиницу... Неужели выслѣдили?.. Неужели? И опять въ вискахъ застучали молотки... Тотъ вышелъ опять и сталъ на набережной. Оперся на нее и смотритъ на море. Лаубе видитъ его толстый, багровый, апоплексическій затылокъ, широкую спину... Откуда онъ пришелъ? И зачѣмъ сюда? Неужели и въ этомъ Мякининъ правъ? Неужели, за нимъ дѣйствительно слѣдятъ? Но какъ? Узнали вѣрно, что онъ былъ въ Сорренто... Кто-нибудь наблюдалъ за нимъ... И вотъ, те-

перь... сейчасъ!.. Отчего же въ такомъ случаѣ его не берутъ сію минуту? Эта неизвѣстность еще ужаснѣе, хуже, неизмѣримо хуже. Умереть можно отъ страха, отъ одного страха!

Именно, за нимъ слѣдили. Теперь Лаубе помнитъ черномазаго итальянца, одновременно съ ними выѣхавшаго изъ Сорренто... Онъ и на желѣзную дорогу сѣлъ вмѣстѣ съ ними—только въ вагонъ третьяго класса... Потомъ, въ послѣдній разъ, его замѣтилъ Лаубе изъ окна кареты... Но въ такомъ случаѣ чего же они ждутъ? Отчего же никто не стучитъ къ нему въ дверь, никто не говоритъ: «именемъ закона» и т. д.,—какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ. Должно быть, Ахвердовъ былъ совсѣмъ неподатливъ, невоспріимчивъ гипнотическому вліянію. Иначе онъ обернулся бы и встрѣтился глазами съ этимъ блѣднымъ, блѣднымъ какъ смерть брюнетомъ, неотступно смотрѣвшимъ на него сверху, съ балкона, куда онъ уже поставилъ большое кресло и сидѣлъ въ немъ. Лаубе чувствовалъ себя безсильнымъ сойти съ этого кресла. Громъ не заставилъ бы его подняться на ноги. Паралитикъ—паралитикомъ... «Да ужъ лучше бы сейчасъ это: «именемъ закона»—и Мякининъ сталъ бы дѣйствовать. Еслибы ему не удалось сговориться съ ними—съ Ахвердовымъ и Крюдлихомъ (а Крюдлиха я еще считалъ старымъ идіотомъ!)

то въ Венеціи, въ Венеціи... Нѣсколько дней —и въ Венеціи все было бы устроено... Его вѣдь повезли бы черезъ Венецію и Вѣну. Именно такъ. Прямая дорога!..

Тишина на набережной... Издали чуть доносились чьи-то шаги... Лаубе испугался—ужъ не Мякининъ ли? Ему было страшно, что тотъ наткнется на Ахвердова... Нѣтъ, шаги тяжелые, старческіе... Бѣлая борода. Боже мой! тысячу разъ правъ Мякининъ, какъ Лаубе еще сомнѣвался въ этомъ «благородномъ молодомъ человѣкѣ».. Именно! Это Крюдлихъ, самъ Крюдлихъ... Онъ подошелъ, медленно и горбясь, къ Ахвердову.. Оба они обернулись къ гостиницѣ; — но Лаубе вдругъ, точно подъ вліяніемъ гальваническаго тока, вскочилъ, юркнулъ въ комнату и, слегка раздвинувъ гардину, смотрѣлъ на нихъ изъ окна, какъ заяцъ, преслѣдуемый собаками и загнанный въ уголъ, откуда ему нѣтъ спасенія никуда!.. Крюдлихъ говоритъ съ Ахвердовымъ. Оба они показываютъ на эту гостиницу... Именно, сюда. Крюдлихъ спрашиваетъ его о чемъ-то, тотъ разводитъ руками.. «Выслѣдили! Выслѣдили... Это непремѣнно тотъ итальянецъ, тотъ самый... который за ними ѣхалъ. Не даромъ его злобные глаза такъ пугали Лаубе. Это онъ, онъ. Скорѣй бы теперь удрать. Они обернутся къ морю и онъ вскользнетъ. Какъ глупо строили

эти дома: нѣтъ другого выхода... И у другого выхода, если онъ есть, вѣрно стоитъ тотъ итальянецъ съ зловѣщими глазами!.. И зачѣмъ Мякининъ заперъ его?.. Какъ зачѣмъ, сейчасъ же самъ онъ отвѣтилъ себѣ. Будутъ думать, что никого дома нѣтъ... никого... И вдругъ ему стало такъ жутко, такъ жутко. Какъ разъ въ это время Ахвердовъ и Крюдлихъ обернулись и пошли въ подъѣздъ отеля. Прошли минуты три; тяжелые шаги послышались въ корридорѣ... Идутъ, идутъ... Не зная, что дѣлаетъ, Лаубе бросился въ альковъ, за которымъ была постель, забился подъ одѣяло, схватилъ подушку и покрылъ ею себѣ голову... Онъ уже не слышалъ теперь—прошли ли эти господа мимо или нѣтъ... Онъ лежалъ минуты, часы, весь въ поту, но дрожащій отъ озноба, боясь шевельнуться. Ему казалось, что онъ даже дышетъ слишкомъ громко... Слишкомъ... Пластъ, трупъ не больше шумятъ! Вокругъ него темнѣло... Скоро мракъ охватилъ его отовсюду. Страшный мракъ. Тяжело... Ужасно всегда мракъ дѣйствовалъ на Лаубе, но сегодня... Ему уже чудилось, что онъ запертъ въ тюрьмѣ... что теперь спасенія нѣтъ, ему оставалась смерть, одна смерть... Онъ вдругъ, все такъ же лежа лицомъ въ подушку, разрыдался... Глотая слезы, давился ими, бился какъ раненый на постели... И вотъ онъ даже не

слышалъ шаговъ — страшный трескъ послышался въ его возбужденномъ слухѣ. Собственно только щелкнулъ замокъ въ дверяхъ и ничего больше; но впечатлительность Лаубе такъ обострилась, что ему показалось, будто потолокъ рухнулъ и домъ потрясенъ до основанія... Мякининъ быстро вбѣжалъ въ комнату, затворился... Опять щелкнулъ замокъ.

— Лаубе, гдѣ ты? Гдѣ ты?..

Лаубе чуть приподнялъ мокрую голову изъ подушекъ.

— Лаубе, то, чего я боялся—случилось. Они слѣдили за нами—мы открыты...

— Тотъ, тотъ... итальянецъ... черномазый?..

— Ну да, ну да, который... Теперь я пойду... я пойду къ нимъ. Собери же все свое мужество... Теперь я сдѣлаю для тебя все, что могу, понимаешь? Но помни—не удастся здѣсь —въ Венеціи спасеніе. Деньги уже посланы— вотъ квитанція на посылку. И онъ зарылся въ карманахъ... Ахъ, да, въ пальто у меня. Я выѣду раньше, чѣмъ привезутъ тебя. И мнѣ необходимо сохранить дружбу съ Ахвердовымъ и Крюдлихомъ. Они должны думать, что я тебя выдаю, что я весь ихъ, для того, чтобы они меня увѣдомили о томъ, что тебя везутъ, о днѣ, когда ты будешь въ Венеціи, ты понялъ? Теперь все спасеніе отъ этого зависитъ, все...

Я буду съ тобой безпощаденъ, но ты знаешь уже какой смыслъ это имѣетъ. Я долженъ хорошо играть свою роль, иначе они заподозрятъ—и все погибло.

Лаубе безсмысленно кивалъ головой.

— Да, да...—повторялъ онъ въ слѣпомъ ужасѣ.—Да, ты долженъ быть безпощаденъ со мною. Ты долженъ...

— Смотри же, не теряй мужества, а я пойду—поговорю съ ними... Я выдамъ имъ сначала тебя... Какъ будто выдамъ, потому что они ужъ все равно знаютъ и за полиціей послали... А потомъ, потомъ посмотримъ... Такъ, Лаубе, такъ, другъ мой... Такъ.

Лаубе опять схватилъ его руку и сталъ цѣловать.

— Я погибъ безъ тебя... Спаси меня!

— Спасу, спасу, не бойся, только надо, чтобы мнѣ не измѣнилъ характеръ... Я самъ, слышишь, самъ открылъ тебя, самъ... Самъ и выдаю... для нихъ, понимаешь, для нихъ... Спросятъ, гдѣ деньги у тебя—отвѣчай: ничего со мною нѣтъ. Ничего, ничего... Спросятъ: гдѣ же ты спряталъ—молчи... Все напрасно... А я уже ночью буду вести переговоры. Предложу имъ мировую съ тобою. Скажу, чтобы они до расплаты поручили мнѣ тебя, я же вѣдь тебя выдалъ — они должны вѣрить... Ну, не согласятся, тогда тебя аре-

стуютъ и до Венеціи, ты понимаешь, только до Венеціи...

— Да, да, до Венеціи...—еще безсмысленнѣе повторялъ Лаубе,—только до Венеціи... Понимаю, до Венеціи.

— Ну вотъ, помни же... И вооружись терпѣніемъ... А я тебя не оставлю...

— Будь безпощаденъ... Иначе догадаются! —шепталъ ему вслѣдъ Лаубе.

Мякининъ вышелъ, опять заперъ дверь за собою и ключъ положилъ въ карманъ.

Онъ сбѣжалъ внизъ. Крюдлихъ и Ахвердовъ сидѣли за бутылкою вина.

— Ну, господа, что вы нашли?—и злое, торжествующее выраженіе отразилось на лицѣ Мякинина.—Ну, что вы нашли? Вы, генералъ?

— Я весь день бѣгалъ по городу... Всѣ отели осмотрѣлъ, разспросилъ... Никого, никого... Насъ вѣрно обманула ваша Леокадія.

— А вы?..—обратился онъ къ Крюдлиху.

Тотъ сидѣлъ уныло... Въ его мозгу болѣла мысль, что онъ не можетъ отдать Эдуарду Поппе «подлаго, подлаго Лаубе».

— Я тоже ничего...— вздохнулъ старикъ. —Я тоже ничего. Я все объѣхалъ. Нѣтъ, нѣтъ, нигдѣ нѣтъ.

— Вы оба, господа, ошибаетесь,—и Мякининъ всталъ. — Вы оба, господа, ничего не стоите, рѣшительно ничего. Вамъ обоимъ

грошъ цѣна!.. Лаубе я нашелъ въ Сорренто, я его отыскалъ и привезъ его я... Слышите—я!..

Крюдлихъ выпрямился, весь блѣдный и страшный, съ ненавистью, которую онъ такъ долго скрывалъ, въ глазахъ.

Ахвердовъ тодько руки протянулъ къ Мякинину.

— Гдѣ же онъ, гдѣ онъ?—шепталъ Крюдлихъ.—Гдѣ онъ, гдѣ онъ? Я долженъ отдать его Эдуарду Поппе!

— Вотъ онъ гдѣ, господа, вотъ онъ гдѣ, —и Мякининъ показалъ имъ издали ключъ отъ своей комнаты. — Онъ здѣсь. Но при немъ не оказалось денегъ — онъ ихъ спряталъ. Разумѣется, мы найдемъ ихъ... Не теперь—нѣтъ.

— Все равно, мнѣ денегъ не надо... Дайте мнѣ его, только его!—шепталъ Крюдлихъ, дрожавшій отъ нетерпѣнія...

— Да, да, мы найдемъ деньги... Найдемъ ихъ!—съ дикой энергіей закричалъ Ахвердовъ.

И они стали подыматься вверхъ.

XXV.

Все человѣческое, казалось, замерло въ Лаубе.

Когда они вошли къ нему, онъ забился въ кресло и оттуда поводилъ на нихъ своимъ

безсмысленнымъ взглядомъ... Въ комнатѣ стоялъ мракъ. Съ перваго мгновенія они ничего не различали, еслибы не дрожь, все больше и больше охватывавшая Альберта Вильгельмовича, такъ что даже его кресло стучало.

— Я его нашелъ, поймалъ и привезъ!— торжествовалъ Мякининъ.—Я его нашелъ, поймалъ и привезъ. Правда, Лаубе? Говори, мерзавецъ! Вѣдь я тебя перехватилъ!

Но у того зубы отбивали дробь, и онъ ничего не могъ отвѣтить. Ему удалось только пропустить сквозь стиснутое спазмами горло, какое-то—га!

— Ну, ну... Погагакай, погагакай теперь... Здѣсь все твои добрые друзья и пріятели. Я, генералъ и Крюдлихъ. Ты не забылъ генерала, а?

И Мякининъ прошелъ поскорѣе къ столу, отыскивая спичку. Когда онъ зажегъ свѣчу, Крюдлихъ подошелъ смѣло къ креслу, въ которое забился Лаубе. Совершенная мышь передъ кошкой... Онъ даже колѣнами застучалъ одно о другое. Ему, очевидно, было страшно и холодно въ эту минуту. Лицо зеленое, и на немъ блестѣвшіе глаза...

— Ты... ты!—хрипѣлъ Крюдлихъ.—Ты, ты... Подлый Лаубе!.. Ты надулъ всѣхъ, кромѣ меня, да, кромѣ меня. Я съ самаго начала не вѣрилъ тебѣ. Если я продолжалъ служить, то потому

только, что обѣщалъ это Эдуарду Поппе. Ты видишь его, Эдя... Видишь,—ну вотъ, такимъ именно, какъ я обѣщалъ, я и отдаю его тебѣ! Возьми его—разореннаго, обезчещеннаго, погибшаго навсегда. Возьми его, Поппе. Онъ твой, твой теперь. Совсѣмъ твой!

— Лаубе... Альбертъ Вильгельмовичъ, скажите же, гдѣ деньги, гдѣ деньги? Мои трудовыя 450,000! Почтенный Лаубе, гдѣ же деньги—мерзавецъ ты этакій!..—и Ахвердовъ, поддавшись внезапному приливу страшнаго озлобленія, схватилъ его за горло,—и еслибы не Крюдлихъ, вырвавшій его изъ рукъ генерала, тутъ бы Лаубе и покончилъ свое странствіе земное...

— Нѣтъ, нѣтъ... рано... Я его обѣщалъ Эдуарду довести до предѣла... Пусть его судятъ, пусть его сошлютъ въ цѣпяхъ... Въ каторгу... да?..

И Крюдлихъ взялъ кресло, подвинулъ его вплоть къ креслу Лаубе, сѣлъ къ нему лицомъ къ лицу и тихо засмѣялся.

— Господа... Можетъ быть, онъ отдастъ еще деньги... Лаубе, да говори же, отдашь ты деньги?—обратился къ нему Мякининъ.

Но Лаубе, очевидно, ничего не понималъ въ эту минуту. Онъ смотрѣлъ въ глаза Крюдлиху. Онъ не могъ никакъ отвести своего взгляда отъ устремленныхъ прямо на него глазъ.

— Да, да, вамъ онъ пускай отдастъ. А мнѣ денегъ не надо. Не надо... Мнѣ онъ, онъ нуженъ...—И Крюдлихъ ткнулъ его пальцемъ въ грудь. — О, я его не отдамъ ни за какія деньги. Что деньги? Я старъ.—мнѣ деньги не вернутъ ни молодости, ни счастья. Но я умру спокойнѣе, если мой Эдуардъ Поше будетъ удовлетворенъ и отомщенъ... Мнѣ будетъ хорошо тогда самому лежать въ могилѣ. Слышишь, подлый Лаубе,—это ты вѣдь, ты вѣдь... Слышишь, я такъ тебя люблю, что ни за какія блага въ мірѣ не отдамъ тебя имъ. Ни за какія .. Слышишь, сотни тысячъ, милліона мало, чтобы купить тебя у меня... Какой милліона,— всего Ротшильдовскаго богатства не хватитъ... Десять, сто, тысячи Ротшильдовъ ничего, ничего не сдѣлаютъ!

— У-у-у-у ..—дрожалъ Лаубе. Этотъ звукъ, вырывавшійся изъ его горла, сдѣлался страшнымъ Мякинину.

Онъ взялъ стаканъ воды, подошелъ къ Лаубе и далъ ему. Но охваченное конвульсіями горло не могло проглотить ее. Тогда онъ силой разжалъ ему ротъ и влилъ туда изъ бывшей здѣсь бутылки коньяку. Лаубе обожгло имъ. Онъ хотѣлъ пить, и только поперхнулся. Но нѣсколько капель прошли ему въ желудокъ и согрѣли его...

— Ну, Лаубе,—лучше тебѣ?..

— Да... да...—уже приходилъ въ себя несчастный. Онъ бы и совсѣмъ пришелъ, еслибы не этотъ убійственный, торжествующій взглядъ Крюдлиха...

— Ну, что же, господа, какъ?..—обратился Мякининъ къ нимъ. — Что теперь дѣлать съ этимъ...—презрительно указалъ онъ на Лаубе, дѣлая ему въ то же время незамѣтный знакъ. Лаубе понялъ это. Слабая краска на мгновеніе залила ему все лицо.

— Деньги, гдѣ мои деньги, слышишь ты, бестія этакая?..—И Ахвердовъ схватилъ свѣчу. Ему хотѣлось прижечь Лаубе, авось тотъ скажетъ. Едва удалось Мякинину схватить его за руку и остановить...—Гдѣ деньги, мои деньги?.. Господа!—двѣнадцать тысячъ верстъ шоссе провелъ, семь мостовъ построилъ, душу чорту продалъ и все для того, чтобы эта гадина проглотила мой заработокъ, а?.. Гдѣ деньги?.. Милый, почтеннѣйшій Альбертъ Вильгельмовичъ. Поступите по дружески — и уѣзжайте на всѣ четыре стороны. Христопродавецъ-Іуда ты эдакій, гдѣ деньги?

— Де... денегъ нѣтъ!..—вдругъ обрѣлъ даръ слова Лаубе.

— Да, господа, я уже исповѣдывалъ этого негодяя, — вмѣшался Мякининъ. — Онъ говоритъ, что всѣ его деньги ухнули на берлинской биржѣ. Все! Что онъ и бѣжалъ изъ Пе-

тербурга поэтому. У него ничего, ничего нѣтъ. Можетъ быть гдѣ-нибудь что-нибудь и спрятано... И если я съ нимъ поговорю по душѣ...

Мякининъ опять мигнулъ ему. Лаубе оживился еще болѣе...

— Только... Только — бормоталъ онъ...— Уведите... уведите отсюда Крюдлиха... Я не могу. Я съ ума сойду, если онъ будетъ сидѣть и смотрѣть на меня такъ... уберите его.

— Скажите, какія нѣжности,—засмѣялся генералъ...—Скажите, какія нѣжности у арестанта... Плетьми тебя, каналью!

— Мнѣ денегъ не надо!—словно съ самимъ собою, разговаривалъ Крюдлихъ...—Мнѣ денегъ не надо. Мнѣ тебя надо, Лаубе. Тебя самого. Видишь ли ты его, Эдуардъ Поппе, видишь ли ты его! униженнаго, раздавленнаго! Посмотри на него сверху — и радуйся! Раздавленъ врагъ твой, и теперь онъ завидуетъ твоему покою въ могилѣ... Ты, Лаубе, помнишь, какъ разорилъ Эдуарда, помнишь? Ты помнишь, какъ унижалъ его, да? Я его предупреждалъ; онъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить, мнѣ, своему старому товарищу. Не хотѣлъ и погибъ. Но я... я все-таки отомстилъ за него... О, какъ хорошо жить, господа, — обратился онъ къ остальнымъ.—Какъ хорошо жить!.. Какъ прекрасна жизнь. Неправда ли?

— Что же мы будемъ дѣлать, господа?— опять предложилъ имъ Мякининъ.

— Пытать его, мерзавца! — воскликнулъ вдругъ генералъ. — Потомъ опомнился. — То-есть... то-есть—въ полицію, сейчасъ въ полицію,—засуетился онъ.—Съ вами удостовѣреніе,—бѣгите. Тутъ есть консулъ русскій,— сообщите ему о поимкѣ важнаго преступника, я телеграфирую въ Петербургъ.

— Это все ночью!—улыбнулся Мякининъ. —Вотъ что,—не выйдемъ ли мы переговорить въ ту комнату... А тутъ оставимъ его одного.

Слабый лучъ надежды вкрался въ потемки души бѣднаго Лаубе... Но только на мгновеніе,—Крюдлихъ покачалъ головой и сказалъ:

— Идите, переговорите, я останусь здѣсь, съ нимъ. Теперь я не выпущу его изъ глазъ. Теперь!.. Я такого наслажденія не испытывалъ никогда, никогда. Какъ же вы хотите, чтобы я ушелъ?.. Вы идите, я останусь.

Они ушли. Въ комнатѣ воцарилась тяжелая тишина, въ которой раздавалось только хриплое, порывистое дыханіе Лаубе. Крюдлихъ сидѣлъ передъ нимъ, не отводя взгляда. Бывали мгновенія, когда ослабѣвалъ Лаубе, опуская вѣки, но Крюдлихъ тотчасъ же возвращалъ его къ сознанію страшной дѣйствительности.

— Ты ли это, подлый Лаубе?.. Ты ли это?

Вспомни, какъ еще недавно ты былъ силенъ и великъ!

Лаубе опять вскидывалъ вѣки и съ суевѣрнымъ ужасомъ смотрѣлъ въ это старческое, холодное лицо, съ серебряной длинной бородой и сѣдыми встопорщенными бровями... Смотрѣлъ, смотрѣлъ, и опять глаза у него смыкались—и немедленно слышалось ему торжествующее:

— Ты ли это, подлый Лаубе? Вспомни теперь, въ это мгновеніе, убитаго тобою Эдуарда! Твоего благодѣтеля Эдуарда!

Лаубе вздрагивалъ и чувствовалъ, что жизнь все уходитъ отъ него и сосредоточивается гдѣ-то внѣ... Онъ обмиралъ и снова приходилъ въ себя... Такъ ему казалось, что еще минута, и сердце его остановится. Но минуты проходили, и снова его возвращалъ къ жизни все одинъ и тотъ же вопросъ:

— Ты ли это, подлый Лаубе... Ты ли?..

Часъ прошелъ такъ. Когда Мякининъ съ Ахвердовымъ вернулись,—на лицѣ у Мякинина Лаубе прочелъ полную неудачу.

— Лаубе, тебя затра отдадутъ въ полицію, и арестованнаго повезутъ въ Россію. Черезъ всю Италію! Прекрасная страна. Ты остановишься въ Венеціи,—подчеркнулъ онъ. – Понимаешь, въ Венеціи...

Лаубе ему кивнулъ: понимаю-де.

— Отличный городъ, жаль, что ты его не увидишь, — смѣялся Мякининъ. — Но я, я въ Венеціи тебя увижу. Мы увидимся, Лаубе... Сегодня уже поздно,—спокойной ночи, Лаубе.

Ахвердовъ засмѣялся остроумію Мякинина, и потрепалъ его по плечу... Лаубе отошелъ немного: «значитъ его спасутъ въ Венеціи».

— Мы запремъ его, господа? — спросилъ Антошка у Крюдлиха и у Ахвердова. Послѣдній согласился,—но первый отрицательно покачалъ головою.

— Вы что-то хотите сказать, Крюдлихъ?

— Да... заприте. Но я останусь здѣсь съ нимъ... Всю ночь. Я останусь тутъ, въ этомъ креслѣ, а въ томъ будетъ сидѣть онъ, Лаубе. И я до утра не сомкну глазъ. Я до утра буду смотрѣть на него и повторять ему: «ты ли это, подлый Лаубе... ты ли?..

— Н-ну! — изумился даже Ахвердовъ. — Н-ну!.. Никакъ я не ожидалъ этого отъ старика. Никакъ не ожидалъ. А если, — и онъ наклонился къ самому уху Крюдлиха,—а если онъ васъ... того... за горло? Вы стары, а онъ молодъ.

— Я старъ, да...—засмѣялся Крюдлихъ... Я старъ, да... Но... вы знаете—я сильнѣе трехъ такихъ, какъ онъ. Трехъ! Ты слышишь, подлый Лаубе, я не боюсь, не боюсь тебя!.. Я

останусь съ тобой до утра. Мнѣ страшно оставить друга въ такомъ положеніи...

И онъ остался. Ночь шла медленная, безконечная, и въ ея тишинѣ слышалось только ровное дыханіе Крюдлиха и порывистое Лаубе, да изрѣдка—одно и то же:

— Ты видишь, подлый Лаубе, ты видишь теперь Эдуарда?.. Или: — ты спишь, подлый Лаубе...—и увѣрясь, что онъ не спитъ, Крюдлихъ начиналъ пристально смотрѣть на него, не уходя съ своего кресла.

Руки и ноги у Лаубе одеревенѣли. Голова точно чужая, онъ уже не зналъ даже—живъ ли онъ, или давно умеръ... А Крюдлихъ все такъ же неотступно сидѣлъ передъ нимъ глазъ-на-глазъ и какъ только тотъ смежалъ вѣки, старикъ, точно смѣясь, спрашивалъ:

— Ты ли это, подлый Лаубе? Посмотри-ка на меня, на друга покойнаго Эдуарда Поппе...

Самъ Крюдлихъ похожъ былъ въ это время на помѣшаннаго... Разъ Лаубе собралъ свои послѣднія усилія и всталъ, но вдругъ Крюдлихъ съ такою мощью положилъ свою крупную руку на узкое плечо Альберта Вильгельмовича, что тотъ упалъ опять въ свое кресло:

— Сиди, сиди, подлый Лаубе... Сиди, пока завтра не придетъ полиція и не освободитъ тебя отъ меня. А теперь пока ты мой—мой

безраздѣльно... До утра тебя никто не отниметъ у меня.

И Лаубе опять сидѣлъ и смотрѣлъ, сидѣлъ и смотрѣлъ.

И ночь длилась, безконечная, мучительная, ужасная въ своей зловѣщей тишинѣ и равнодушномъ покоѣ. У Лаубе вырвалось:

— Сжалься... Сжалься надо мною, Крюдлихъ...

Старикъ вздрогнулъ. Тонъ голоса Лаубе поразилъ его. Что-то мягкое промелькнуло по его лицу... Но онъ вспомнилъ опять Эдуарда Поппе.

— А ты, ты сжалился надъ нимъ? Ты помнишь, какъ унижалъ его у себя? До какихъ оскорбленій доходилъ ты, если онъ не нашелъ ничего другого, кромѣ самоубійства... Ты это помнишь, помнишь? Нѣтъ, я не сжалюсь надъ тобой! Пойми, не могу сжалиться. Не я тебя сужу, *онъ* изъ-за неба судитъ.

И ночь медлительно шла по указанному ей кругу... И та же ночь безразсвѣтная была въ душѣ у Лаубе... Онъ уже пересталъ видѣть Крюдлиха—онъ видѣлъ только два его пристально, неотступно устремленныхъ на него глаза... Они горѣли, увеличивались. Лаубе казалось, что они пронзаютъ его съ страшной силой и какими-то огненными, раскаленными винтами сверлятъ его голову... О, эти глаза, эти

ужасные глаза... А ночи, казалось, конца не было, какъ не было предѣла терпѣнію сидѣвшаго передъ нимъ врага...

Утромъ, когда явилась полиція, Лаубе не могъ сдѣлать шагу. Его снесли на рукахъ внизъ и посадили въ коляску.

Мякининъ, только-что вернувшійся отъ Леокадіи Леонтьевны, шепнулъ ему:

— Не бойся. Въ Венеціи ты будешь спасенъ... Терпи пока. Леокадія Леонтьевна шлетъ тебѣ свой привѣтъ и тоже проситъ терпѣть... Помни же, въ Венеціи...

Въ свою очередь и Крюдлихъ подошелъ къ коляскѣ, которая была готова тронуться.

— Теперь въ тюрьмѣ тебѣ будетъ легко, подлый Лаубе... Но ты никогда, никогда не забудешь меня и этой ночи... Никогда!—И уже когда коляска тронулась, Крюдлихъ кинулъ Альберту Вильгельмовичу:

— Я такъ же буду стоять передъ тобой на судѣ и давать свои показанія. Слышишь ли ты меня, подлый Лаубе!..

XXVI.

Вѣнскій поѣздъ тихо подходилъ къ Границѣ. Границкіе жандармы были въ сборѣ —ожидалось прибытіе важнаго преступника. Изъ Вѣны полицейское бюро телеграфировало объ этомъ въ Петербургъ, изъ Петербурга дали знать сюда... Слава Лаубе проникла и до этого крохотнаго мѣстечка. Здѣсь между чиновниками были и такіе, скромныя сбереженія которыхъ погибли въ конторѣ у Лаубе. Всѣ они стояли на платформѣ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали, когда тотъ явится... Вотъ, наконецъ, вдали показался, громыхая по рельсамъ и пыхтя чернымъ удушливымъ дымомъ, грязный локомотивъ, съ фигурою едва замѣтнаго въ этомъ дыму еще болѣе чернаго кочегара. «Здѣсь? Здѣсь?—кричали ему, когда поѣздъ подходилъ уже.—Здѣсь, здѣсь?—спрашивали по-нѣмецки ожидавшіе, когда кочегаръ проѣзжалъ мимо. Тотъ только ткнулъ въ направленіи къ поѣзду и утвердительно кивнулъ головою. Всѣ стали перебѣгать отъ одного окна къ другому. Вотъ изъ одного вагона вышло двое австрійскихъ жандармовъ и передали какой-то пакетъ офицеру, ожидавшему ихъ.

— Гдѣ арестантъ?—спросилъ тотъ.

— Сейчасъ выведутъ.

Гулъ пронесся по платформѣ, толпа стѣснилась и надвинулась сюда. Лаубе, показавшійся въ дверяхъ, отшатнулся, до того казались ему ужасны эти сотни враждебныхъ, устремленныхъ на него глазъ:

— Вотъ онъ, гусь... Воръ!—слышалось въ толпѣ.

— Господа, господа... потише!—попросилъ ихъ офицеръ.—Пожалуйте, господинъ Лаубе. Я думаю, вы соскучились съ нѣмецкими жандармами. Теперь до Петербурга съ вами поѣдутъ наши...

Позади за Лаубе показались еще двое австрійскихъ жандармовъ.

— Вы можете здѣсь закусить... и отдохнуть... Вамъ сейчасъ отведутъ комнату...

Но въ это время изъ числа прибывшихъ съ этимъ поѣздомъ пассажировъ вышелъ съ длинной бородой старикъ, пробился черезъ толпу и, ставъ лицомъ къ лицу съ Лаубе, сказалъ ему:

— Ну, вотъ мы и дома! Понимаешь ли ты, подлый Лаубе!..

— Не угодно ли вамъ отойти!—обратился къ нему офицеръ.—Съ арестантами разговаривать запрещено.

— Мы, мы поймали его... господинъ капитанъ. Я и вотъ генералъ... Я, я... слышишь ли ты меня?

Ахвердовъ, блѣдный уже и растерянный, понурясь шелъ за нимъ.

Залитыя яркимъ свѣтомъ, тихо мерцали синія воды Средиземнаго моря. Оно точно дышало сегодня. Волнъ не было, только медлительно и ровно подымалась морская поверхность и такъ же медлительно и ровно опускалась. Сидя у борта въ креслѣ-качалкѣ Леокадія Леонтьевна видѣла передъ собою эту безграничную даль, ласкавшую глаза своей нѣжной красотою. Громадный англійскій пароходъ быстро шелъ къ африканскому берегу. Солнце сегодня жгло, но подъ тентомъ этого не было замѣтно. Отъ движенія воздухъ стремительно проносился мимо, освѣжая лица сидѣвшихъ. Леокадія Леонтьевна встала и порывисто подошла къ Мякинину, что-то говорившему красивой англичанкѣ у другого борта.

— Антоніо... на минуту.

Онъ недовольно обернулся къ ней.

— Ну, что надо?

— Долго мнѣ смотрѣть на это безобразіе? Послушай, это изъ рукъ вонъ. Всѣ и безъ того замѣчаютъ, что ты не обращаешь на меня никакого вниманія...

— А мнѣ какое дѣло? Еще разъ, Леокадія—если ты попробуешь устроить мнѣ скан-

дать, какъ вчера, то помни, что я съумѣю отдѣлаться отъ тебя, какъ отдѣлался отъ Лаубе... Волны моря глубоки и никому не выдаютъ своей тайны... Слышишь? Поняла ты меня?

Леокадія Леонтьевна съ ужасомъ попятилась отъ него.

КОНЕЦЪ.

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ВЪ ИЗДАНІИ Ф. А. ІОГАНСОНА.

БЬЕРНСТЕРНЕ-БЬЕРНСОНЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Переводъ съ норвежскаго

М. В. Лучицкой.

Предпринимая полное изданіе художественныхъ произведеній Бьернстерне-Бьернсона на русскомъ языкѣ, издатель имѣлъ въ виду дать русской читающей публикѣ возможность вполнѣ ознакомиться съ однимъ изъ самыхъ крупныхъ и оригинальныхъ представителей современной европейской литературы и норвежской въ частности. Интересъ, возбужденный нѣкоторыми изъ его произведеній, появившимися на русскомъ языкѣ, оправдаетъ, надѣемся, нашу попытку дешеваго изданія, разсчитанную на большой кругъ читателей.

Все изданіе разсчитано на 12 томовъ въ слѣдующ. видѣ:

Томъ 1: 1) Опасное сватовство (1856). — 2) Трондъ (1856).—3) Среди битвъ, драма (1857).—4) Охотникъ за медвѣдями (1857). — 5) Сюнневе Сольбакенъ (1857). — 6) Отецъ (1858). **Томъ 2**: 1) Орлиное гнѣздо (1858).— 2) Веселый малый (1858). — 3) Арне (1860). — 4) Буланый.—5) Вѣрность (1868). — 6) Загадка жизни (1868). **Томъ 3**: 1) Гульда, драма (1858). — 2) Сверре, драма (1861). — 3) Желѣзная дорога (1868). — 4) Поѣздка (1868).—5) Свадебный маршъ (1872). **Томъ 4**: 1) Сигурдъ Слембе, драма (1862).—2) Марія Стюартъ, драма (1864). **Томъ 5**: 1) Новобрачные, драма (1865). — 2) Рыбачка (1867—68).—3) Іорсальфаръ, драма (1872). **Томъ 6**: 1) Редакторъ, драма (1872).—2) Банкротство, драма (1874).— 3) Капитанъ Мансана. **Томъ 7**: 1) Король, драма.—2) Мангильдъ. **Томъ 8**: 1) Леонарда, драма (1879). — 2) Новая система, драма (1879). — 3) Сверхъ силъ, драма (1883). **Томъ 9**: 1) Пыль (1883).—2) Перчатка, драма (1883).— 3) Географія и любовь (1885). **Томъ 10 и 11**: Новыя вѣянія. **Томъ 12**: По божьему пути.

Каждый томъ отдѣльно по 35 к.

ЛЕРМОНТОВЪ М.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Съ портретомъ и статьею о Лермонтовѣ
К. И. Арабажина.

Изданіе 2-е. Съ рисунками **Михайлова**, по эскизамъ **Брожа**. Съ прибавленіемъ всѣхъ юношескихъ произведеній. К. 1892. Ц. **1** р. Въ изящномъ переплетѣ съ золот. тисн. **1** р. **50** к.

КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ I. Драматическія сочиненія: Шельменко, волостный писарь. — Шельменко деньщикъ. — Сватання на Гончаривци. — Щыра любовь. — К. 1894. Ц. **35** к.

Томъ II. Малороссійскія повѣсти: Солдатскій патретъ.— Маруся. — Мертвецькый велык-день. — Добре робы, добре и буде. — Конотопська видьма.— Отъ тоби и скарбъ. — Козырь-дивка. — Сердешна Оксана. — Пархимове сниданья. — На пущаньня якъ завъязано. — Перекотыполе. — Пидбрехачь. — Божи диты.—Щыра любовь. — Листы до любезныхъ землякивъ. — К. 1894. **584** стр. Ц. **75** к.

П. ЛѢТНЕВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Въ ряду лучшихъ представителей нашей современной беллетристики имя Прасковьи Александровны Лачиновой, извѣстной въ литературѣ подъ псевдонимомъ П. Лѣтнева, безъ сомнѣнія, занимаетъ самое видное мѣсто. Въ продолженіе слишкомъ тридцатилѣтней литературной дѣятельности П. Лѣтнева, своей высоко художественной теплотой, правдивостью и легкостью изложенія, сразу оттѣняющей недюжинный талантъ, завоевала себѣ глубокую симпатію во всѣхъ слояхъ читающей публики.

Приступая къ изданію перваго посмертнаго собранія сочиненій даровитой писательницы, мы руководились желаніемъ удовлетворить прогрессивно возрастающимъ на нихъ требованіямъ.

Томъ 1 Бархатные когти.
Томъ 2. На волоскѣ.
Томъ 3. Поперекъ дороги.
Ошибка.
Томъ 4. Въ своихъ сѣтяхъ.
Пустое зерно.
Томъ 5. Бѣшеная лощина.
Томъ 6. Увлеченія и ошибки.
Томъ 7. Современный недугъ.
Томъ 8. Въ наше смутное время.
Томъ 9. Безъ воли.
На смѣну прошлаго.
По наитію.
Томъ 10. Вмѣсто хлѣба камень.
Невидимый бичъ.
Арендаторъ.
Пауки и мухи.
Невѣдомо

К. 1893. Подписная цѣна за 10 том. 6 р. 50 к.

Въ отд продажѣ ц. 1 р. за томъ.

ГЕНРИХЪ СЕНКЕВИЧЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Переводъ **Ф. Домбровскаго.**

ТОМЪ I. Безъ догмата, романъ. Спб. 1894 года. Ц. 1 р. 50 к.

ТОМЪ II. Повѣсти и разсказы: Напрасно. — Старый слуга.—Ганя.—Очерки углемъ.—Янко музыкантъ.—Пойдемъ за нимъ.—Фонарщикъ.

ТОМЪ III. Повѣсти и разсказы: Бартекъ-побѣдитель.—Та третья.—Татарская неволя.—На одну карту.—Ангелъ.—Сахемъ.—Поселянка.—Бой быковъ въ Испаніи.—Бѣловѣжская пуща.—Поѣздка въ Аѳины.

ТОМЪ IV и V. «Огнемъ и мечомъ».

ТОМЪ VI и VII. «Потопъ».

ТОМЪ VIII. «Панъ Володыевскій».

ТОМЪ IX. Повѣсти и разсказы: Семья Полонецкихъ.—За хлѣбомъ.—Чрезъ степи.—Орсо.—Изъ дневника учителя.—Кто виноватъ.

ТОМЪ X. Письма изъ путешествій: Пребываніе въ Лондонѣ и поѣздка въ Ливерпуль.—Съ океана.—Пребываніе въ Нью-Іоркѣ.—Чрезъ два океана.—Американскіе очерки.—По Америкѣ. — Письма изъ Рима и Парижа.—Комедія изъ-за ошибокъ.

Въ отдѣльной продажѣ каждый томъ стоитъ **1** р. **50** к.

Цѣна по подпискѣ за всѣ **10** томовъ **10** руб.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ Ф. А. Іогансона, въ Кіевѣ и Харьковѣ.

ВАС. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

РОМАНЫ.

	ЦѢНА.	
Гроза. Изданіе 7-е (18-я тысяча) . . .	1 р.	50 к.
Впередъ. Изданіе 2-е.	2 „	— „
Плевна и Шибка. Изданіе 3-е . . .	3 „	— „
Кулисы.	1 „	25 „
Монахъ. Изданіе 3-е.	1 „	— „
Цари биржи. Изданіе 2-е	2 „	— „
Горячая любовь.	1 „	— „
Въ ежовыхъ рукавицахъ. 3-я тысяча .	1 „	25 „
Семья богатырей. 3-я тысяча	2 „	— „
Исповѣдь женщины. Изданіе 2-е. . .	1 „	25 „
Сластеновскіе мильоны.	2 „	— „
Контрабандисты. 3-я тысяча	2 „	— „
Болотные огни (печатается)	— „	— „
Забытая крѣпость (печатается) 2 тома .	— „	— „
Подъ звонъ колоколовъ (распродано) .	— „	— „
Бубны-козыри!	2 „	— „
По закону.	1 „	— „

ПОВѢСТИ.

Майоръ Бабковъ и его сироты (печат.)	— р.	— к.
У океана. Изданіе 3-е (дешевая библіотека, 5 томиковъ).	— „	— „
Быль. Изданіе 2-е.	1 „	25 „
Въ гостяхъ. Изданіе 2-е	1 „	25 „
Даль. Изданіе 2-е.	1 „	25 „
Подневольные странники. 4-я тысяча .	3 „	50 „
На просторѣ. 3-я тысяча	1 „	50 „
Всесвѣтный бродяга. Съ рис. Бибикова.	— „	75 „
Святочные разсказы	2 „	— „
Незамѣтные герои. Изданіе 3-е . . .	1 „	— „
Крымскія повѣсти (распродано) . . .	— „	— „
Сказки дѣйствительности.	2 „	— „
Ночи безсонныя.	1 „	25 „
Въ огнѣ.	1 „	— „
Сполохи (10 пов. и разск.) 3-я тысяча .	1 „	— „
Въ потьмахъ (11 пов. и разск.) 3-я тысяча.	1 „	— „
Разошлись!	1 „	— „
Подъ солнцемъ юга (пригот. къ печати).	— „	— „
Дора (тоже)	— „	— „
Стихотворенія (изд. 2-е печатается). .	— „	— „

ПУТЕШЕСТВІЯ и ДНЕВНИКИ.

	Цѣна.
Лапландія и лапландцы. Изданіе 2-е .	1 р. — к.
Воинствующій Израиль (распродано изданіе 2-е)	— „ — „
Очерки Испаніи. 3-я тысяча, 2 тома .	3 „ — „
Бѣломорье и Соловки. Изданіе 4-е . .	1 „ 50 „
Крестьянское царство. Изд. 2-е, 2 т. .	2 „ — „
Святыя горы	— „ 80 „
Кама и Уралъ	3 „ — „
По Волгѣ. 3-я тысяча.	2 „ 50 „
Годъ войны. Изд. 3-е, 1-й т.	2 „ — „
„ „ „ 2-й т.	2 „ — „
„ „ „ 3-й т. (распрод.) .	— „ — „
Послѣ войны (очерки Болгаріи) . . .	2 „ — „
Скобелевъ. 5-я тысяча	2 „ 50 „
По Германіи и Голландіи	2 „ — „
Страна холода. Съ рис. Каразина, 4-я тысяча	5 „ — „
Каспій (печатается)	— „ — „
Андалузія (приготовл. къ печати). . .	— „ — „
Италія (тоже)	— „ — „
Подъ африканскимъ небомъ (тоже) .	— „ — „
Балеарскіе острова (тоже)	— „ — „

КНИГИ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Другъ за друга (романъ для дѣтей старш. возраста) съ рисунками, 2-е изданіе .	1 р. 50 к.
На краю гибели (романъ для дѣтей старш. возраста)	2 „ 50 к.
За Дунаемъ. Изданіе 4-е	— „ 50 „
Скромные подвиги	3 „ 50 „
Ѳедька Рудокопъ	1 „ — „

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Иванъ Непомнящій.	5 к.
Живодеръ	10 „
Забытый рудникъ	15 „
Махмудкины дѣти.	3 „
Соловки (въ сокращ.) (изданіе Спб. Комитета Грамотности)	12 „
Лѣто и зима на Шибкѣ (дешев. библ.) . .	10 „
Выбранныя стихотворенія. (Изд. Моск. Комитета Грамотности)	8 „